L 60644.

СВЯТЫЙ ТАРАСІЙ

ПАТРІАРХЪ ЦАРЕГРАДСКІЙ

и

СЕДЬМЫЙ ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ.

СВЯЩЕННИКА

ВАСИЛІЯ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Л. Трунова. Калашниковскій просп., № 11—13.
1893.

Научная библиотека СПбГУ
1002002552

СВЯТЫЙ ТАРАСІЙ

ПАТРІАРХЪ ЦАРЕГРАДСКІЙ

И

СЕДЬМЫЙ ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ.

СВЯЩЕННИКА

ВАСИЛІЯ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО.

20054

19154

Переинв. 1950

Проверка 2007

БИБЛІОТЕКА ИМП. С.-ПЕТЕРБ. УНИВЕРСИТЕТА

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Л. Трунова. Калашниковскій просп., № 11—13.
1893.

Подарила
9 сентября 1910 года.
Ольга Михайловна **Королева**,
во исполненіе воли
ея отца,
заслуженнаго профессора, протоіерея
Михаила Ивановича Горчакова,
† 5 августа 1910 года.

(Извлечено изъ журнала «Странникъ» 1892—1893 г.).

СВ. ТАРАСІЙ, ПАТРІАРХЪ ЦАРЬГРАДСКІЙ И СЕДЬМЫЙ ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ.

ЖИЗНЬ святителя Тарасія падаетъ на время борьбы за почитаніе иконъ. И сама по себѣ эпоха эта представляетъ интересъ, какъ время неудавшихся реформъ въ церковной и гражданской жизни, а въ виду сектъ, отвергающихъ иконопочитаніе, она имѣетъ высокопоучительный характеръ, какъ время узаконенія авторитетомъ вселенской церкви поклоненія честнымъ иконамъ.—Съ именемъ патріарха Тарасія тѣсно связано титло побѣдоноснаго вождя въ борьбѣ за иконопочитаніе. Тарасій подготовилъ вселенскій соборъ, самъ въ качествѣ предсѣдателя его руководилъ ходомъ соборныхъ разсужденій и направлялъ къ желаемому концу. Далѣе, патріархъ оставилъ по себѣ достойную память въ потомствѣ, какъ человѣкъ высоконравственной жизни, какъ мудрый іерархъ, администраторъ, добрѣ пасшій порученную ему паству. Наконецъ, жизнь и дѣятельность Тарасія даютъ возможность характеризовать взаимныя отношенія патріархатовъ. Познакомиться съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ весьма интересно въ виду уже безмѣрно проявлявшихся папскихъ притязаній на главенство. На этомъ основаніи, намъ кажется очень интересною и поучительною жизнь Цареградскаго патріарха Тарасія, особенно въ связи съ седьмымъ вселенскимъ соборомъ.

I.

Точно не извѣстенъ годъ рожденія святителя Тарасія. Несомнѣнно только то, что онъ появился на Божій свѣтъ въ царствованіе византійскаго императора Льва III Исаврянина (717—741 г.).

Имя этого императора запятнано прозваніемъ иконоборца. „Первому злѣйшему иконоборцу, паче же христоборцу, звѣрю зловѣрному прельщенному отъ дву псовъ евреевъ, демонскому слугѣ, Богопротивному ратнику Божія церкве, мучителю глаголя, а не царю Льву Исаврянину—анаѳема“ [1]). Такова была память въ ближайшемъ потомствѣ о первомъ императорѣ исаврійской династіи. Не нужно, кажется, подробно выяснять, за что постигла подобная кара Льва III? Онъ нарушилъ миръ церкви Божіей иконоборною ересью.

Доселѣ еще нельзя назвать рѣшеннымъ вопроса о происхожденіи и характерѣ реформаторскихъ затѣй царей исаврійскаго дома. Много, слишкомъ много хулили память ихъ. Но являлись и еще очень недавно горячіе защитники иконоборныхъ императоровъ [2]). Правда будетъ въ золотой серединѣ.

Иконоборчество занесено было въ Византію извнѣ. Оно есть произведеніе азіатской культуры. Но нельзя сказать, что въ церковно-общественной жизни византійской имперіи не было благопріятныхъ условій для насажденія иконоборческихъ идей. Императоръ Левъ былъ уроженцемъ Азіи, Фригійской области. Не только дѣтство, но и цвѣтущіе годы молодости провелъ онъ въ качествѣ торговца, путешествуя по городамъ и селамъ съ своими товарами. Но вотъ Левъ является въ должности начальника войскъ азіатскаго отряда. Снова ему приходится дышать воздухомъ Азіи. Что же тутъ было особенно внушительнаго? Арабы магометане усиливались быстро.

---

[1]) Никольскаго К. свящ. Анаѳематствованіе, совершаемое въ первую недѣлю вел. поста 123 стр. Спб. 1879 года.

[2]) Напр. Папарригопуло, профессоръ исторіи въ Аѳинскомъ университетѣ. См. его сочиненіе въ переводѣ на французскій языкъ: Histoire de la civilisation hellènique. Paris 1878 an.

Три восточныхъ патріархата томились подъ игомъ ихъ. А сколько сектанскихъ группъ уже примѣнились къ нелегкому ярму арабовъ! И замѣчательно, несторіане не имѣли въ храмахъ и домахъ своихъ иконъ, хотя въ богослужебныхъ книгахъ воспѣвали поклоненіе имъ [1]). Новаціане и павликіане издавна были иконоборцами, а объ іудействующихъ и говорить нечего. Арабы преслѣдовали иконопочитаніе, а іудеи въ этомъ содѣйствовали имъ [2]). Иконоборческими вѣяніями заражались и православные христіане не только міряне, но и духовные. Извѣстны имена епископовъ иконоборцевъ до гоненія на иконы въ Византіи. Таковыми были: Константинъ, еп. Наколійскій во Фригіи [3]), Ѳома, еп. Клавдіопольскій [4]) и Ѳеодосій, еп. Ефесскій [5]). Къ несчастію, въ Азіи импера-

---

[1]) Въ несторіанской богослужебной книгѣ Кяшкуль, содержащей въ себѣ будничныя службы въ продолженіе всего года, есть молитва, или правильнѣе пѣснь, написанная стихотворнымъ метромъ, въ которой сказано: «сокровище и богатство небесное хранитъ церковь Твоя, Спасителю, въ таинствахъ и *изображеніяхъ*, которыя Ты ей предалъ. Прибѣжищемъ ей служитъ проповѣдь великой книги Евангелія Твоего, честное древо креста Твоего и лѣпотное изображеніе Твоего вочеловѣченія». (Софоніи, еп. Туркестанскаго и Ташкентскаго, «Современный бытъ и литургія христіанъ инославныхъ іаковитовъ и несторіанъ» 160 стр. Спб. 1876 г.).

[2]) См. Историческія свѣдѣнія о седьмомъ вселенскомъ соборѣ при Дѣяніяхъ т. VII.

[3]) Еще до начала иконоборческаго погрома св. патр. Германъ писалъ къ митрополиту Іоанну о епископѣ Наколійскомъ: «Извѣщаемъ васъ, что еще прежде, чѣмъ мы получили ваше, боголюбезный, посланіе, какъ только прибылъ сюда этотъ боголюбезный епископъ (Константинъ), мы вступили съ нимъ въ разговоръ, желая узнать его мнѣніе, т. е. желая узнать, какъ онъ думаетъ относительно того, что донеслось объ немъ до нашего слуха. И вотъ что сказалъ онъ въ оправданіе себѣ: въ божественномъ писаніи говорится: не сотвори себѣ всякаго подобія и не покланяйся тому, что на небѣ вверху и что на землѣ». (Дѣяній 7 соб. всел. 325 стр. по изд. въ русск. перев. Казанской Дух. Акад. 1875 г.). Отцы седьмаго вселенскаго собора о Константинѣ, епископѣ Наколійскомъ были того мнѣнія, что «ересь эта (иконоборческая) отъ него получила начало» (ibid. 330 и 332 стр.).

[4]) Ѳомѣ еп. Клавдіопольскому патр. Германъ также посылалъ письмо которое послѣ читано было въ засѣданіяхъ отцовъ седьмаго собора. «Слышно писалъ Германъ, что ты сдѣлалъ нѣчто такое... Прибывши въ свой городъ, ты рѣшился, какъ мы узнали, уничтожить иконы, какъ будто это было общимъ мнѣніемъ и не подлежало никакому сомнѣнію и разсмотрѣнію» (Дѣян. 333—334 стр.).

[5]) Ѳеодосій еп. Ефесскій выступаетъ нѣсколько позднѣе. Онъ былъ

торъ Левъ III усвоилъ себѣ чисто магометанскій взглядъ на императорскія права въ дѣлахъ церкви. Онъ полюбилъ принципъ единоличнаго управленія церковію и государствомъ. Ему приписывается извѣстное его изреченіе по адресу своей персоны: „я императоръ и священникъ“ [1]). Правда и до Льва III бывали примѣры вмѣшательства императоровъ въ дѣла церковныя. Скажемъ болѣе, случались и злоупотребленія. Но безцеремонное вмѣшательство и насилія иконоборческихъ императоровъ въ своемъ родѣ исключительныя. Реформы въ государственной жизни, конечно, есть дѣло императоровъ. Но преобразованія церковной жизни со всѣми ея установившимися порядками превышаютъ правоспособности ихъ. Такъ смотрѣли на это и современные иконоборцамъ восточные писатели. Неизвѣстный авторъ подъ именемъ папы Григорія II совсѣмъ не западныя развиваетъ идеи. Вотъ что пишетъ онъ: „Ты знаешь, императоръ, что догматы святой церкви дѣло не императоровъ, но архіереевъ, и должны

предсѣдателемъ лжевселенскаго иконоборческаго собора 754 года, бывшаго при императорѣ Константинѣ V Копронимѣ.

[1]) Второе посланіе папы Григорія къ императору Льву, изд. при Дѣяніяхъ 7-го собора 40 стр. Нельзя обойти молчаніемъ вопроса о подлинности перваго и втораго посланія папы Григорія къ императору Льву. Въ дѣяніяхъ собора ихъ нѣтъ. Правда, Θеофанъ занесъ въ свою хронографію свидѣтельство о перепискѣ папы Григорія съ императоромъ Львомъ III. «Послѣ того, какъ папа Григорій римскій получилъ извѣстіе объ этомъ (эдиктѣ противъ иконъ), онъ написалъ Льву догматическое посланіе, убѣждая императора, чтобы онъ не дѣлалъ никакого измѣненія въ вѣрѣ и къ древнимъ догматамъ не прибавлялъ бы ничего инаго». О перепискѣ папы Григорія съ императоромъ Львомъ упоминаетъ и папа Адріанъ II. Конечно, изъ этого нельзя заключить, что папа Григорій II писалъ именно то, что мы имѣемъ теперь въ двухъ посланіяхъ съ его именемъ. Послѣднія найдены только въ XVI вѣкѣ ученымъ іезуитомъ Фронтономъ-ле-Дукъ (Ducaeus) въ библіотекѣ кардинала Лотрингена на греческомъ языкѣ. Бароній помѣстилъ ихъ въ латинскомъ переводѣ подъ 726 годомъ Но уже Землеръ и Росслеръ заявили сомнѣніе въ ихъ подлинности, (а позднѣе Мильфатти и Дюшезнэ). Однако, Гефеле по поводу этихъ сомнѣній только замѣтилъ, что они не имѣютъ важности (Concil-Gesch. III, 393 S.) и тѣмъ ограничилъ вопросъ о подлинности писемъ. Недавно появилась небольшая книжка Карла Шварцлёзе «Der Bilderstreit, ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und um ihre Freiheit. Gotha. 1890 г. Названный авторъ ставитъ вопросъ о подлинности и рѣшаетъ его не въ пользу авторства Григорія II. Соображенія Шварцлёзе таковы: Что

быть точно и вѣрно опредѣляемы. Для того то и поставлены въ церквахъ архіереи, мужи свободные отъ дѣлъ общественныхъ. И императоры, поэтому, должны удерживать себя отъ вмѣшательства въ дѣла церковныя и заниматься тѣмъ, что имъ поручено. Но когда все совершается мирно и съ любовію, тогда христолюбивые императоры и благочестивые архіереи,

---

папа Григорій обмѣнивался съ императоромъ Львомъ письмами, это несомнѣнно; но только эти два письма писаны не имъ а) Заглавіе писемъ указываетъ Григорія Діалога—sancti patris nostri Gregorii Dialogi papae Romani. Съ прозваніемъ Діалога извѣстенъ на востокѣ Григорій I-й. Это наводитъ на мысль, что авторомъ писемъ былъ грекъ; б) нѣтъ внѣшнихъ свидѣтельствъ въ пользу подлинности писемъ и принадлежности ихъ папѣ Григорію II. Ни Ѳеофанъ, ни авторъ Uitae Gregorii въ Lib. pontificalis ничего не даютъ для благопріятнаго рѣшенія вопроса въ пользу авторства папы. в) Седьмой Вселенскій соборъ не зналъ этихъ писемъ и г) слишкомъ поздно найдены онѣ, да къ тому же еще на греческомъ языкѣ, а папа писалъ на латинскомъ. Это внѣшнія основы. Къ внутреннимъ относятся слѣдующія: а) совершенная необработанность стиля писемъ и неделикатность въ выраженіяхъ сами по себѣ подозрительны и не согласны съ тѣмъ образомъ, который намъ рисуетъ исторія относительно личности папы Григорія II. Въ своихъ немалочисленныхъ письмахъ онъ кратокъ, точенъ и любвеобиленъ, а въ этихъ двухъ постоянно повторяется, говоритъ императору необычнымъ тономъ, называя послѣдняго пустою головою, неразумнымъ, грубымъ и пугаломъ школьниковъ; б) папа-авторъ писемъ приписываетъ императору намѣреніе унизить авторитетъ римской каѳедры. Левъ будтобы обвиняетъ папу въ томъ, что онъ погрѣшилъ и впалъ въ заблужденіе по вопросу о почитаніи иконъ. Едвали папа станетъ писать это, хотя бы даже въ фигуральномъ смыслѣ; в) папа Григорій, какъ вообще въ то время на западѣ, не имѣлъ яснаго представленія о различіи между προσκύνησις λατρευτική и σχετική; г и д) авторъ писемъ обнаруживаетъ замѣчательное незнакомство, чтобы не сказать полное невѣжество, съ историческими и современными обстоятельствами Рима и всего запада, съ географіей его и, напротивъ, онъ очень хорошо знакомъ съ событіями въ Константинополѣ, даже мелочными. Это обличаетъ восточнаго автора писемъ, а не западнаго. Наконецъ, е) письма имѣютъ характеръ эклектическій и особенно сходны съ рѣчами Іоанна Дамаскина. Западный авторъ, если бы таковымъ былъ папа Григорій II, не успѣлъ бы познакомиться съ произведеніями Дамаскина, ибо папа уже умеръ въ 731 году въ февралѣ, а рѣчи Іоанна только около этого времени появились. Итакъ, авторъ двухъ писемъ, извѣстныхъ съ именемъ посланій Григорія II къ императору Льву, неизвѣстный грекъ, сфабриковавшій письма. Онъ имѣлъ, быть можетъ, подъ руками письма императора и папы и желалъ показать, какъ бы долженъ былъ написать папа. Значеніе писемъ нисколько не страдаетъ отъ того, что авторомъ ихъ былъ не папа, а неизвѣстный грекъ. Этотъ послѣдній былъ современникомъ и очевидцемъ событій, да къ тому же проводитъ взгляды на церковно-политическія дѣла восточнаго писателя, а не западнаго, особенно папы (113—123 S).

въ своихъ совѣщаніяхъ, являются одной, нераздѣльной силой“ [1]). Совершенно сходныя мысли развиваются и въ полемическихъ рѣчахъ св. Іоанна Дамаскина. „Это есть дѣло соборовъ, а не царей (вѣдать дѣла церкви), какъ сказалъ Господь... Христосъ не царямъ даровалъ власть вязать и рѣшить, но апостоламъ и преемникамъ ихъ и пастырямъ и учителямъ“ [2]). Отцы седьмаго вселенскаго собора ясно выразили мысль о взаимноотношеніяхъ церкви къ государству. Въ грамотѣ восточныхъ епископовъ читаемъ мы: „священникъ есть освященіе и укрѣпленіе императорской власти, а императорская власть есть сила и твердыня священства. Объ этомъ одинъ мудрый государь и блаженнѣйшій изъ царей сказалъ: величайшій даръ далъ Богъ людямъ: священство и императорскую власть; первое охраняетъ и наблюдаетъ небесное, вторая, посредствомъ справедливыхъ законовъ, управляетъ земнымъ“ [3]). Преп. Ѳеодоръ Студитъ раздѣлялъ подобныя же воззрѣнія [4]). Ясно, какими идеями объ отношеніяхъ церкви къ государству воодушевлялись православные греки въ эпоху иконоборческихъ волненій. Церковь живетъ въ

---

[1]) Первое посланіе св. отца нашего Григорія, папы римскаго, къ императору Льву Исаврянину въ русск. перев. при Дѣяніяхъ 7 всел. соб. Казань 1875 г. 35 стр. Ср. слѣдующее сужденіе того же автора: «Какъ архіерей не имѣетъ права втираться во дворецъ и похищать царскія почести; такъ и императоръ не имѣетъ права втираться въ церкви и избирать клириковъ... Каждый изъ насъ да пребываетъ въ томъ званіи, въ неже званъ Богомъ». (Второе посланіе ibid. 42 стр.).

[2]) Orat. I. Migne. Patrolog. cursus completus, gr. ser. t. 95, 1281 col. ср. orat. II «Не царямъ принадлежитъ право законополагать въ церкви. Дѣло царей гражданское благоустройство, а церковныя дѣла вѣдаютъ пастыри и учители» (ibid. 1295 col.).

[3]) Дѣян. 202 стр.

[4]) «Императоръ! внемли тому, что чрезъ насъ божественный Павелъ говоритъ тебѣ о церковномъ благочиніи, говорилъ преп. Ѳеодоръ Льву Армянину, и узнавъ, что не слѣдуетъ царю ставить себя самого судіею и рѣшителемъ въ этихъ дѣлахъ, послѣдуй и самъ, если ты согласенъ быть правовѣрнымъ апостольскимъ правиламъ; онъ говоритъ такъ: *положи Богъ въ церкви первѣе Апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей* (1 Кор. 12, 28); вотъ тѣ, которые устрояютъ и изслѣдуютъ дѣла вѣры по волѣ Божіей, а не царь, ибо св. Апостолъ не упомянулъ, что царь распоряжается дѣлами церкви» (Жизнь и подвиги преп. Ѳеодора, опис. Михаиломъ монахомъ въ русск. пер. Спб. 1867 г. 1, 52 стр.).

государствѣ и помогаетъ ему своими средствами. Въ свою очередь государство поддерживаетъ и оберегаетъ интересы церкви. Есть грань, которую ни церковь, ни государство не имѣютъ права переступать, иначе уже явится на лицо злоупотребленіе. Только въ устахъ иконоборцевъ, пропитанныхъ идеями азіатскаго магометанскаго востока [1]), возможна такая рѣчь: „Какъ древле начальникъ и совершитель нашего спасенія Іисусъ послалъ всюду своихъ премудрыхъ учениковъ и апостоловъ, облеченныхъ силою Всесвятаго Духа для уменьшенія таковыхъ (идолопоклонниковъ); такъ и нынѣ онъ воздвигъ служителей своихъ, подобныхъ апостоламъ, вѣрныхъ нашихъ императоровъ, умудренныхъ силою того же Духа, для нашего усовершенія и наставленія, для истребленія демонскихъ оплотовъ, воздвигаемыхъ противъ познанія Бога, и для обличенія діавольскаго коварства и заблужденія“ [2]).

Въ 717 году воцарился Левъ Исаврянинъ на тронѣ византійскихъ императоровъ. Предшественникъ его, слабый Ѳеодосій, постригся въ инока. Что же нашелъ новый императоръ въ государствѣ? Внѣшніе враги, арабы, осаждали столицу. Воиновъ, столь нужныхъ для защиты государства,

---

[1]) Что иконоборческіе императоры Византіи были не выразителями высококультурныхъ началъ, а носителями азіатскихъ идей, эта мысль проводится въ статьѣ Ѳ. И. Успенскаго—«Константинопольскій соборъ 842 года и утвержденіе православія», Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1890 г. Январь.

[2]) Дѣян. 447 стр. Нельзя, конечно, утверждать, что на практикѣ православные всегда оставались вѣрными идеямъ, развитымъ въ теоріи. Въ ближайшую ко временамъ иконоборцевъ эпоху можно наблюдать и сильно замѣтное вторженіе духовныхъ лицъ въ дѣла государственныя. При Юстиніанѣ II духовныя лица занимали, напримѣръ, высокія гражданскія должности и, къ сожалѣнію, оставили по себѣ недобрую память. Бывшій затворникъ Ѳеодотъ въ 695 г. принимаетъ на себя должность министра финансовъ. (Nicephori patr. Constantinopolitani—Ὑστορία σύντομος ed. Carol. Boor. Lipsiae, 37 p.). За жестокость и несправедливости онъ былъ убитъ народомъ. Въ 715 году войсками византійскими командуетъ діаконъ Іоаннъ. И его убили воины. (Ibid. 51 стр.). Духовныя лица замѣшиваются въ заговоры и придворныя интриги. Въ низложеніи, напр., Юстиніана II самыми видными участниками были иноки Павелъ и Григорій. (Ibid. 38 стр. Конечно, вторженіе духовенства въ чуждую ему область создаетъ ему политическихъ недоброжелателей. Эти послѣдніе ютятся теперь вокругъ иконоборческаго императора и вооружаются противъ ненавистной имъ партіи. Вражда ихъ направлена не прямо противъ иконъ, а противъ монаховъ, каковые явились по преимуществу защитниками почитанія иконъ.

было слишкомъ мало. Государственная казна оказалась пустою. Нанять защитниковъ имперіи было не на что. Новый императоръ не палъ духомъ. Съ арабами подъ предводительствомъ его греки справились наличными средствами. Миновала опасность отъ внѣшнихъ враговъ, и византійцы торжествовали. Но кто же могъ бы поручиться, что опасность уже не повторится въ скоромъ даже времени? Императоръ старый воинъ. Онъ знаетъ, что только подъ охраною войска можно жить безъ постоянныхъ страховъ и опасеній за будущее благоденствіе. Первая его забота увеличить число воиновъ. Но и внутри государства многое требовало реформъ. Частая смѣна императоровъ, при борьбѣ политическихъ и религіозныхъ партій, внесла въ общественную среду много нестроеній. Преступленія разныхъ родовъ казались заурядными явленіями. Судьи были падки на посулы и взятки [1]). Да и честные изъ нихъ не могли разобраться въ массѣ накопившихся узаконеній и распоряженій отъ давно минувшихъ дней. Населеніе городовъ и селъ, не имѣя надежды на облегченіе тяжестей и нестроеній, цѣлыми массами бѣжало въ монастыри. Тутъ за крѣпкими стѣнами можно было вздохнуть свободнѣе. Потому то ко временамъ иконоборческихъ императоровъ обителей появилось множество. Нѣкоторыя изъ нихъ были весьма многолюдны [2]). Въ монастыри шли не бѣдняки только, но и богатые. Послѣдніе считали богатство свое болѣе безопаснымъ подъ защитою монастырскихъ стѣнъ. Слѣдствіемъ этого было то, что за монастырями числилось не много менѣе половины земельныхъ владѣній, свободныхъ отъ податей и повинностей въ пользу государства [3]). Оставшіеся въ міру несли на

---

[1]) Не говоря уже о злоупотребленіяхъ, и честные судьи на основаніи самыхъ законовъ или по обычаямъ брали съ тяжущихся болѣе или менѣе тяжелый налогъ въ свою пользу (В. Васильевскій. Законодательство иконоборцевъ. Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1878 г. Октябрь 285 стр.).

[2]) Авторъ одного малоизвѣстнаго сочиненія конца XI вѣка утверждаетъ, что предъ началомъ иконоборства весь родъ человѣческій былъ раздѣленъ на двѣ совершенно равныя половины: мірскихъ людей и монашествующихъ (В. Г. Васильевскій «Матеріалъ для исторіи Византійскаго Государства. Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1879-й годъ. Мартъ. 222 стр.).

[3]) Періодъ наивысшаго развитія падаетъ на конецъ VII и начало VIII в. Объ этомъ говоритъ тотъ же авторъ малоизвѣстнаго сочиненія (ibid.).

себѣ всѣ тяжести государственныхъ обложеній. При внѣшнихъ бѣдствіяхъ это неблагопріятно отзывалось на благосостояніи горожанъ и поселянъ. Всѣ классы общества бѣднѣли. Какъ спутникъ, за бѣдностію идетъ по пятамъ невѣжество, ведя за собою суевѣрія. Развивается и усиливается сектанство. Церковь несетъ всѣ тяготы общественныхъ нестроеній. Миръ и благосостояніе стали какъ будто только уже пріятнымъ воспоминаніемъ.

Императоръ Левъ III видѣлъ, конечно, далеко не блестящее положеніе государства. Нужны были реформы. Нѣтъ словъ, императоръ озабоченъ былъ этимъ. Къ несчастію, простой, необразованный, хотя и не лишенный отъ природы талантовъ, умъ Льва [1]) не могъ ясно представить себѣ, что и какъ нужно сдѣлать для блага государства. Полезнѣйшія начинанія его идутъ часто рука объ руку съ сомнительными и прямо вредными для страны. Императоръ увеличиваетъ войско. Прекрасно это. Но безцеремонное вторженіе въ обители, сдѣланное самочинно, безъ разрѣшенія церковной власти [2]), съ цѣлію забрать въ военную службу молодыхъ монаховъ, способныхъ носить оружіе, произвело недовольство. Императора готовы были уже называть монахо-борцемъ. Далѣе, обложеніе монастырскихъ имуществъ податями еще болѣе вооружило иноковъ противъ императора. Но въ этомъ еще бѣды большой не предвидѣлось для церкви. Интересы ея затрогивались стороною. Можно даже сказать болѣе. Левъ, повидимому, желалъ показать себя и защитниковъ интересовъ церковныхъ. Онъ вздумалъ насильственно сдѣлать членами церкви іудеевъ [3]) и монтанистовъ. Первые приняли

---

[1]) Авторъ писемъ, извѣстныхъ съ именемъ папы Григорія II, приписываетъ Льву «умъ воинственный, грубый и жесткій» (Письмо II, 42 стр.).

[2]) Авторитетъ іерархіи даже въ церковныхъ дѣлахъ иконоборцами признавался въ самой малой степени. Если Левъ III о себѣ говорилъ, что онъ «царь и священникъ», то его воли единоличной было достаточно для рѣшенія всякихъ вопросовъ.

[3]) У Кедрина находится извѣстіе, что будто Левъ еще во дни юности своей далъ евреямъ безразсудную клятву исполнить все, что они ни пожелаютъ, если предсказаніе ихъ исполнится. Евреи будто бы предвѣщали Льву царство. Когда Левъ дѣйствительно воцарился, то они и потребовали,

крещеніе наружно, а вторые предпочли лишеніе жизни чрезъ добровольное самосожженіе. Далѣе, императоръ Левъ пріобрѣлъ себѣ расположеніе многихъ чрезъ свое законодательство. Онъ издалъ извѣстную „эклогу“ (ἐκλογὴ), „избраніе законовъ“, по которому судопроизводство упрощено и сдѣлано безденежнымъ [1]). Эклога эта скоро сдѣлалась руководствомъ при дѣлопроизводствѣ въ судебныхъ учрежденіяхъ и крѣпко привилась на практикѣ [2]). Реформаторская дѣятельность императора Льва этимъ не ограничилась [3]). Вмѣстѣ съ эклогою въ 726 году, онъ издаетъ указъ, въ силу котораго запрещается поклоненіе и всякое почитаніе иконъ [4]). Указъ

чтобы императоръ исполнилъ свою клятву. Евреи просили его истребить иконы. Отсюда и иконоборство Льва. (Истор. свѣд. о седьм. всел. соборѣ при русскомъ переводѣ Дѣяній 6 стр.). Но насильственное крещеніе евреевъ въ 722 году ясно свидѣтельствуетъ, что Левъ не связанъ былъ съ ними никакими обязательствами.

[1]) Полное заглавіе эклоги опредѣляетъ частію и характеръ ея: «Избраніе законовъ вкратцѣ, учиненное Львомъ и Константиномъ, мудрыми и благочестивыми царями, изъ институтовъ, дигестъ, кодекса, и новыхъ постановленій Великаго Юстиніана съ исправленіемъ въ смыслѣ большаго человѣколюбія, изданное въ мѣсяцѣ мартѣ индикта IX, въ лѣто отъ сотвор. міра 6248». Профессоръ В. Г. Васильевскій помѣтку года считаетъ ошибочною и появленіе эклоги относитъ къ 726 году, а не къ 740, какъ указывается въ заглавіи. (Законод иконоборцевъ. Ж. М. Н. Просвѣщ. 1878 г. окт. 279 стр.).

[2]) Не смотря на то, что иконоборческіе императоры оставили по себѣ недобрую память въ потомствѣ, законодательные памятники ихъ пользовались популярностію на долгое время. Эклога иконоборческихъ императоровъ помѣщается и въ нашей Кормчей подъ заглавіемъ: «Леона царя премудраго и Константина вѣрною царю, главизны о совѣщаніи обрученія и о брацѣхъ и о иныхъ различныхъ винахъ».

[3]) Особый отъ эклоги законодательный памятникъ отъ императора Льва носитъ заглавіе—νόμος γεωργικὸς.

[4]) Отъ гражданскихъ реформъ Левъ переходитъ къ церковнымъ. Нѣтъ и вопроса о правѣ. Но для исторіи весьма интересно указать ближайшіе мотивы, которыми руководился императоръ. Указаніемъ на варварство, грубый и необразованный умъ императора ничего не выясняется. Нѣтъ словъ, Левъ не имѣлъ правильнаго образованія; но отъ природы надѣленъ былъ умомъ. Конечно, этого ума достаточно было для того, чтобы понять безразсудность затѣи, если бы она не имѣла подъ собою иной подкладки. Едвали дѣло объяснится и тѣмъ, что императоръ возсталъ противъ суевѣрнаго упованія византійцевъ на помощь отъ иконъ въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Извѣстно, что иконоборцы почитали крестъ. Упованіе вмѣсто иконъ народъ могъ бы возложить на это спасительное знаменіе. Ясно, что затѣя

изданъ отъ имени одного императора. Что же это значитъ? Патріархъ Германъ хотя уже и старъ былъ, но здравствовалъ. Почему же нѣтъ его подписи подъ императорскимъ эдиктомъ? Скоро разнеслась вѣсть, что патріархъ противится императорской затѣѣ относительно иконъ. Но это не останавливаетъ императора. Его нимало не смущаетъ мысль, что вопросъ о почитаніи иконъ внутренній вопросъ церкви, и рѣшеніе его всецѣло принадлежитъ пастырямъ. Онъ, императоръ, въ своемъ лицѣ объединяетъ прерогативы государственной и церковной власти. Онъ верховный глава и единоличный правитель не только государства, но и церкви. Пусть патріархъ не соглашается съ нимъ во мнѣніи. Это не должно смущать высшаго распорядителя судебъ церкви. Патріарха можно устранить. На мѣсто его найдется человѣкъ съ податливою совѣстію. Да и въ послѣднемъ не было бы большой нужды, если бы издавна народъ не привыкъ слѣдовать въ дѣлахъ вѣры болѣе за іерархами, чѣмъ за императорами. Патріархъ Германъ оставляетъ каѳедру. На мѣсто его возводится патріаршій синкеллъ Анастасій. Въ 730 году появляется вторый указъ противъ иконъ. Этотъ послѣдній отличается отъ перваго тѣмъ, что на немъ красуется подпись патріарха на ряду съ императорскою [1]).

Далеко не всѣ довольны остались реформаторскою дѣятельностью императора Льва III. Мы уже указали на недо-

---

не достигла бы цѣли. Точно также едвали вѣроятно предположеніе, что императоръ воодушевлялся миссіонерскими цѣлями, именно желаніемъ устранить препятствіе къ обращенію въ христіанство мусульманъ. Для этихъ послѣднихъ св. крестъ былъ не меньшимъ препятствіемъ, чѣмъ иконы, а противъ креста иконоборцы не вооружались. Вѣрнѣе то, что Левъ уже давно въ умѣ своемъ рѣшилъ вопросъ объ иконахъ въ отрицательномъ смыслѣ. Да и вопросъ этотъ былъ только однимъ звеномъ въ цѣпи намѣченныхъ реформъ. Цѣлыхъ десять почти лѣтъ императоръ выжидаетъ. За это время къ нему примкнули всѣ тѣ, которые не довольны были клерикальною партіей. Общее реформаторское движеніе выдвинуло и частный вопросъ о почитаніи иконъ.

[1]) Ни указъ 726, ни второй отъ 730 гг. не дошли до насъ. Предполагаютъ, что по существу между тѣмъ и другимъ не было различія—«тотъ и другой равно провозгласили полное истребленіе иконъ» (А. Лебедевъ. Исторія святыхъ вселенскихъ соборовъ вып. 2-й, Москва 1876 г. 238 стр.). Да быть

вольство иноковъ. Теперь и среди мірянъ можно было найти нерасположенныхъ къ императору [1]). Куда же это можетъ повести безцеремонное вторженіе государственной власти въ дѣла церкви? Нынѣ императоръ запрещаетъ почитаніе иконъ, а завтра онъ можетъ приказать исповѣдывать моноѳелитство, или другую какую либо ересь. Многіе задумывались надъ этимъ. Но сильнѣе и рѣшительнѣе высказались иноки. За ними уже слѣдовалъ простой народъ, такъ уважавшій иноческій чинъ. По мѣстамъ начались волненія. Вспыхнуло возстаніе въ Элладѣ и на Цикладскихъ островахъ. Тутъ явился и претендентъ на императорскій престолъ въ лицѣ какого-то Космы [2]). Неспокойно было и въ западныхъ владѣніяхъ византійскихъ императоровъ [3]). Папа Григорій II, получивъ указъ императора Льва III, собралъ въ Римѣ соборъ, на которомъ рѣшительно всѣ высказались противъ иконоборцевъ [4]). Оппозиція росла со дня на день. Правда, и у императора были друзья. Ихъ можно было встрѣчать въ лицѣ нѣкоторыхъ епископовъ [5]), сановниковъ [6]) и въ войскѣ [7]). Но перевѣсъ ин-

---

можетъ втораго-то указа и совсѣмъ не появлялось, такъ какъ въ немъ не было особенной нужды.

[1]) Въ предшествовавшее время религіозные споры по вопросамъ о Пресвятой Троицѣ и о лицѣ Господа Іисуса Христа мало доступны были массѣ простаго народа. Теперь, на оборотъ, и масса легко понимаетъ, что императоръ затронулъ слишкомъ близкій для нея вопросъ, а потому и принимаетъ участіе въ движеніяхъ. Этимъ и объясняется появленіе мучениковъ за иконопочитаніе, тогда какъ предшествовавшіе религіозные споры давали церкви только исповѣдниковъ.

[2]) Nicephori patr. Constantinopolitan. Ἱστορία σύντομος ed. Carolus de Boor. Lipsiae 1880 an. 57 стр.

[3]) Письмо пап. Григорія 1-е Дѣян. VII, 37 стр.

[4]) Hefele. Conciliengeschichte. B. III, 405 S. по изд. 2-му.

[5]) На первый взглядъ кажется довольно страннымъ, что епископы высказываются противъ почитанія иконъ. При преемникѣ Льва, императорѣ Константинѣ V, въ 754 году даже состоялся иконоборческій соборъ, на которомъ присутствовало болѣе трехъ сотъ епископовъ. Вѣдь нельзя же думать, что всѣ подъ давленіемъ императорской власти подписали иконоборческое вѣроопредѣленіе. Нѣтъ, съ нѣкоторыхъ точекъ зрѣнія и для епископовъ иконоборчество представлялось въ розовомъ свѣтѣ. Это было недоразумѣніе, а не трусость предъ императоромъ иконоборцемъ.

[6]) Достаточно вспомнить о рѣшеніи относительно иконъ силенція, собраннаго императоромъ Львомъ (Hefele III, 382. S.).

[7]) Иконоборческіе императоры несомнѣнно имѣли военные таланты и

теллектуальныхъ силъ былъ несомнѣнно на сторонѣ почитателей иконъ. Большая часть духовенства чернаго и бѣлаго осталась на сторонѣ православныхъ. Нельзя утверждать, что среди духовенства процвѣтало знаніе и науки. Въ то время образованіе вообще приходило къ упадку [1]). Но все же книжностію отличались лица духовныя. Самое положеніе ихъ въ качествѣ учителей вынуждало браться за книги. А иконоборцы первой серіи не любили и не цѣнили образованія. Первый иконоборческій императоръ Левъ самъ не образованъ былъ, да и не проявлялъ никакихъ заботъ къ поддержанію уже упадавшаго образованія [2]). И вотъ когда оппозиція иконопочитателей приняла внушительные размѣры и когда стали появляться въ свѣтъ посланія патріарха Германа, рѣчи преп. Іоанна Дамаскина и письма папъ, императоръ только и смогъ противопоставить имъ мѣры насилія и стѣсненій [3]). Въ силу новаго законодательства несогласные во взглядахъ съ императоромъ причислялись къ категоріи оскорбителей величества [4]).

умѣли расположить къ себѣ войско. Послѣднее дѣйствительно было предано имъ.

[1]) Уже отцы шестаго вселенскаго собора засвидѣтельствовали въ средѣ предстоятелей церквей «недостатокъ умѣнія» въ изъясненіи Писанія (пр. 19) а отцы седьмаго вселенскаго собора предъявляютъ весьма скромныя требованія отъ кондидатовъ на высшія іерархическія степени (пр. 2-е).

[2]) Сообщеніе историковъ Кедрина (hist. Compendium 795 p. Migne gr. ser. t. 121, 872—873 col.) и Зонары (Annal. l. X, c. 3, t. 134, 1324 col. о томъ, что будто императоръ Левъ III сжегъ высшее Константинопольское училище и библіотеку съ начальникомъ ихъ и двѣнадцатію учителями за несогласіе послѣднихъ пристать къ партіи императора, считается недостовѣрнымъ (Bernhardi. Grundriss d. Griechischen Litter. 712 S.). Вѣроятно историки смѣшали въ этомъ случаѣ дѣйствительный пожаръ библіотеки, бывшій при импер. Зенонѣ въ 480 г.

[3]) Правда иконоборческіе императоры любили себя выставлять носителями просвѣщенія, а почитателей иконъ выставляли свѣтогасителями, поборниками тьмы и невѣжества; но это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что они иконопочитаніе трактовали, какъ идолослуженіе. Съ почитаніемъ иконъ будто возстановлялось язычество. Это послѣднее по отношенію къ христіанству есть то же, что тьма по сравненію со свѣтомъ. Иконоборцы— чистые христіане, значитъ, свѣтоносители, а почитатели иконъ, возстановляющіе мракъ язычества, уже, конечно, суть свѣтогасители. Таковъ приговоръ враговъ честныхъ иконъ.

[4]) «Если кто умышляетъ дѣлать прописки, читаемъ мы въ эклогѣ, или составляетъ заговоръ противъ царя или противъ христіанскаго государства,

По отношенію къ нимъ примѣняется множество разныхъ видовъ тѣлесныхъ члено-вредительствъ и истязаній. Опять въ Византіи открылась внутренняя борьба партій. Она будетъ расти и крѣпнуть, и надолго церковь и государство не увидятъ благихъ дней мира.

Среди крайнихъ борющихся партій, т. е. строгихъ иконоборцевъ и иконопочитателей, выдѣляется во время борьбы партія умѣренныхъ ревнителей истиннаго благочестія и благовѣрія. Члены этой партіи не все сплошь порицаютъ въ дѣятельности иконоборческихъ императоровъ. Они даже готовы содѣйствовать послѣднимъ въ гражданскихъ и государственныхъ реформахъ. Но они не сочувствуютъ церковнымъ преобразованіямъ. Эти люди пребывали и оставались православными, но умѣли ужиться и при императорахъ иконоборцахъ особенно въ началѣ иконоборческаго періода. Ико-

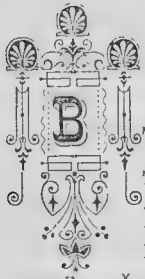
---

тотъ подлежалъ бы по настоящему въ тотъ же самый часъ умерщвленію, какъ замыслившій разрушеніе всего. Но дабы этимъ не могли воспользоваться иныя лица,.. предписывается преступника на мѣстѣ заключать подъ крѣпкую стражу, дѣлать докладъ о немъ царю и затѣмъ поступать, какъ онъ разсудитъ и изволитъ» (XVII, 3 въ статьѣ В. Васильевскаго «Законодательство иконоборцевъ». Журн. М. Нар. Просвѣщ. 1878 г. Окт. 287 стр.). Иконопочитатели съ точки зрѣнія императора являлись нарушителями покоя христіанскаго государства и послушниками распоряженій императора, а потому и подлежали и крѣпкой стражѣ, и произволу Льва.

[1]) «Характерная черта эклоги, пишетъ профессоръ Васильевскій, изобиліе тѣлесныхъ членовредительныхъ наказаній, которыя хотя уже и допускались въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ, но только въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ. Исаврійскіе императоры, напротивъ, съ какимъ-то особеннымъ предпочтеніемъ грозятъ именно тѣми унизительными и позорными казнями, которыя состоятъ въ лишеніи человѣка тѣлесныхъ членовъ, въ физическомъ изуродованіи его. Здѣсь мы находимъ: отсѣченіе руки (XVII, 10, 11, 13...), урѣзаніе языка (XVII, 2), выкалываніе глазъ или ослѣпленіе (XII, 15), отрѣзаніе носа (XVII, 23)... Низшая степень этого рда наказаній есть наказаніе розгами и палочными ударами, для обозначенія которыхъ употребляется рядъ выраженій съ довольно темными оттѣнками въ значеніи... Изгнаніе или ссылка принадлежитъ къ разряду низшей степени наказанія и обыкновенно соединяется съ предварительною тѣлесною экзекуціей и обритіемъ волосъ на головѣ и бородѣ». (Ibid. 289—290 стр.). Авторъ, на основаніи отзыва Цахаріэ, не хочетъ, впрочемъ, считать законодательства иконоборцевъ варварскимъ.

новорецъ Левъ III терпѣлъ ихъ на службѣ и, вынужденный обстоятельствами, не стѣснялъ ихъ свободы совѣсти. Не особенно любили ихъ крайніе противники императорскихъ реформъ, но уличить въ ереси не имѣли возможности.

II.



ЪЪ ЦАРСТВУЮЩЕМЪ градѣ Великаго Константина при императорѣ Львѣ III жилъ скромно городскій судія, патрицій Георгій. Это былъ человѣкъ неподкупной честности, справедливѣйшій. Въ семействѣ его была жена, Енкратія, женщина рѣдкаго благочестія [1]). Одинъ за другимъ появлялись на Божій свѣтъ и дѣти ихъ [2]). Старшимъ былъ Тарасій. Набожная мать дома учила дѣтей своихъ благочестію. Съ семилѣтняго возраста обыкновенно у византійцевъ начиналось и школьное образованіе. Неизвѣстно, чему и какъ учился Тарасій. Біографъ его, діаконъ Игнатій, замѣчаетъ только, что Тарасій былъ силенъ въ разумѣніи богословскихъ наукъ, да и изъ свѣтскихъ усвоилъ лучшее [3]). Это значитъ, что онъ прошелъ школу съ установившимися тогда въ ней программами пре-

---

[1]) Ignatii diaconi Vita Tarasii Archiepiscopi Constantinopolitani. ed. I. A. Heikel, Helsingforsiae 1889 an. 201 f. 2 p.

[2]) Біографъ Тарасія ничего не говоритъ о другихъ дѣтяхъ Георгія и Енкратіи. Но извѣстно, что Тарасій былъ роднымъ братомъ дѣда патріарха Фотія (см. нашу статью—«Фотій патріархъ Константинопольскій «Странникъ» 1891 года, январь 36 стр.).

[3]) Θείων μὲν μαθημάτων ἐν περιλήψει πλουσίᾳ γενόμενος καὶ τῆς θύραθεν παιδείας τὰ κράτιστα συλλεξάμενος. Діаконъ Игнатій, описавшій

подаванія. Слѣдовательно, Тарасій долженъ былъ изучить курсъ свѣтскихъ наукъ, въ составъ которыхъ входили: грамматика, реторика, философія и курсъ квадривіума, т. е. математика въ ея подраздѣленіи на четыре предмета: ариѳметику, музыку, геометрію и астрономію [1]). Вѣнцомъ образованія считалось тогда богословіе, въ составъ котораго входило толкованіе свящ. Писанія, догматическое богословіе, церковное краснорѣчіе и другіе сродные предметы [2]). По окончаніи курса образованія молодому человѣку предстоялъ выборъ служебной дѣятельности. Школа не брала на себя задачи подготовки къ спеціальнымъ занятіямъ. Оканчивая ее, ученикъ по своему желанію могъ вступить и въ клиръ, и на гражданскую службу. Тарасій избралъ послѣднюю. Неизвѣстно точно, съ чего начались первые его шаги на служебномъ поприщѣ. Можно предполагать, что онъ занялся преподаваніемъ наукъ, открывъ частную школу. Въ то время, по недостатку правительственныхъ учебныхъ заведеній, многіе занимались частнымъ преподаваніемъ, собирая вокругъ себя многочисленныхъ учениковъ. Біографъ Тарасія, Игнатій, самъ учился у него и вотъ что сообщаетъ о преподаваніи Тарасія: „Я не забуду полезнаго изъ твоего наученія и твоего задушевнаго обращенія, ибо я воспитанъ былъ тобою со дней юности и наученъ триметрамъ, трохаическимъ гекзаметрамъ и анапестамъ и лучшему изъ дѣяній героевъ. Не забуду, какъ ты со всякою заботливостію ежедневно оканчивалъ наученіе бесѣдами изъ словъ священныхъ, руководствуя души ко спасенію и на пользу святой вселенской церкви“ [3]). Если эту возвышенную рѣчь передать простымъ языкомъ и съ

жизнь патріарха Тарасія, написалъ и житіе преемника его по каѳедрѣ, патріарха Никифора. Объ образованіи послѣдняго Игнатій пишетъ болѣе опредѣленно. Никифоръ изучилъ семь свободныхъ искусствъ и въ заключеніе, богословіе (S. Nicephori patriarchae CP. vita scripta ab Ignatio diacono. C. 1. Migne patrolog. curs. complet. Gr. Ser. t. 100, 45—53 col.).

[1]) Подробнѣе о характерѣ школьнаго преподаванія, планахъ, методахъ и учебникахъ можно читать въ нашемъ сочиненіи: «Восточныя и Западныя школы во времена Карла Великаго... Спб. 1881 г. 2-я глава.

[2]) Ibid. въ 7-й главѣ подробно.

[3]) Vita Tarasii 221 p. 29 стр.

дополненіями, то ясно будетъ, что Тарасій, какъ преподаватель, ничѣмъ не обособлялся отъ современныхъ ему учителей наукъ. Онъ научаетъ своихъ учениковъ правиламъ грамматики по широкой программѣ, т. е. разширяя курсъ ея теоріей словесности и изученіемъ твореній поэтовъ родной старины. Дѣянія героевъ большею частію доставляли содержаніе реторикѣ. „Бесѣды изъ словъ священныхъ“ представляютъ систематическое богословіе, въ родѣ учебника преп. Іоанна Дамаскина, извѣстнаго „Точнаго изложенія православной вѣры“ и объясненіе свящ. Писанія.

Частое преподаваніе иногда совмѣщалось съ оффиціальною служебною дѣятельностію [1]). Не извѣстны первые шаги Тарасія на этомъ поприщѣ. Быть можетъ по примѣру отца и онъ отправлялъ должность судіи. Возвышеніе Тарасія на постъ перваго государственнаго секретаря въ консульскомъ достоинствѣ [2]) могло состояться не ранѣе воцаренія императрицы Ирины (780 г.) или, если и нѣсколько ранѣе, то въ царствованіе Льва IV Хазара (775—780). Тарасій, происходя отъ православныхъ родителей, самъ оставался православнымъ. Но по примѣру родителя онъ былъ вѣренъ руководительнымъ началамъ умѣренной партіи иконопочитателей. Принадлежность Тарасія къ послѣднимъ уже, конечно, не могла ему дать возможности выдвинуться по службѣ при императорѣ Константинѣ V Копронимѣ. Этотъ послѣдній съ большею, чѣмъ отецъ его, безпощадностію проводилъ въ жизнь иконоборческія реформы. Извѣстно, что онъ заручился опредѣленіемъ иконоборческаго собора 754 года. Реформатскія затѣи Константина V опирались теперь яко бы на опредѣленія вселенскаго собора. Императоръ преслѣдовалъ жестокими казнями и пытками почитателей иконъ. Вотъ что сообщили объ этомъ очевидцы событій: „совершая беззаконіе за

[1]) Нѣсколько позднѣйшій примѣръ находимъ въ лицѣ Фотія, который, будучи первымъ государственнымъ секретаремъ, въ то же время занимался преподаваніемъ наукъ.

[2]) Тарасій имѣлъ τὴν ὕπατον ἀξίαν и былъ πρῶτος ὑπογραφεύς τῶν βασιλικῶν μυστηρίων (primus secretarius arcanorum imperatoris) Vita Tarasii 202 a. p. 3 стр.

НАУЧНАЯ
им. Горь

беззаконіемъ, эти еретики не только языкъ свой изощрили во лжи и нечестіи, но и убѣдили руку правителей поражать мнимыя преступленія, говоря, что не повинующійся имъ долженъ считаться виновнымъ и предъ царскими законами. Отъ такого взгляда произошло много разнаго рода бѣдъ во вселенной; свѣтская власть и даже сами епископы, противившіеся истинѣ, неослабно управлялись въ дѣлахъ жестокости. И какой языкъ можетъ разсказать эти печальныя событія? Какъ и съ чего начать разсказъ о нихъ? Сколько ужаса, трепету и преслѣдованій? Сколько иноковъ содержались въ городахъ подъ стражею, терпѣли бичеванія и были узниками по многу лѣтъ съ цѣпями на ногахъ? Книги сожигали, священные сосуды и святые храмы оскверняли, досточтимые монастыри обращали въ гнусныя мірскія сборища, такъ что жившіе въ нихъ достойные уваженія мужи, по разграбленіи у нихъ того, что они имѣли, переселились въ чужія страны... Сколько опасностей и страха перенесли при этомъ мужи благочестія? Ихъ бичевали, ослѣпляли, вырывали у нихъ поздри, отрѣзывали языки; они переносили безславное бѣгство, т. е. ссылку, такъ что они разсѣяны по всей вселенной; святыя лица ихъ обжигали, бороды сожигали, а дѣвъ, обручившихся Христу, принуждали къ беззаконному и насильственному сожительству и, что всего хуже, случались даже человѣкоубійства“ [1]). Рѣчь идетъ объ инокахъ. Они во все

---

[1]) Дѣяній, т. VII, 547—548 стр. Ср. слѣдующую запись почти очевидца событій и свидѣтеля достовѣрнѣйшаго: „Нечестіе царя (Константина V) теперь (послѣ собора 754 года) проявлялось открыто, и всякій видъ благочестія отвергался имъ, и жизнь благочестивыхъ и Богу преданныхъ подвергалась осмѣянію и презрѣнію. Особенно подвергался беззаконному преслѣдованію священный чинъ монашествующихъ. Тѣхъ изъ нихъ, которые твердо хранили свое исповѣданіе и пребывали въ своемъ званіи и возставали противъ безбожнаго догмата ихъ, предавали многообразнымъ мукамъ и различнымъ страданіямъ: нѣкоторымъ нещадно поджигали бороды, у другихъ силою вырывали волосы, инымъ разбивали головы священными досками, съ которыхъ выскабливались изображенія святыхъ. Случалось, у иныхъ вырывали глаза или безчеловѣчно вредили другіе члены тѣла. Благочестіе совершенно преслѣдовалось и изгонялось. Весьма многихъ изъ сановниковъ, облеченныхъ воинскимъ достоинствомъ, обвинивъ въ поклоненіи св. иконамъ, наказывали, какъ впадшихъ въ грѣхъ оскорбленія святыни. Иныхъ при этомъ передавали разнымъ родамъ смерти, другихъ подвергали страш-

время иконоборческихъ реформъ были рѣзкими противниками послѣднихъ. Но, по свидѣтельству Θеофана и патріарха Никифора, преслѣдованію подвергались и свѣтскія лица, если они обвинялись и уличались въ принадлежности къ партіи почитателей иконъ. Императоръ Константинъ взялъ торжественную клятву съ жителей столицы, что они никогда не будутъ почитать иконъ. Конечно, не всѣ всуе призывали имя Божіе. Вѣроятно, не всѣ не клявшіеся подверглись карамъ и преслѣдованію. Но за то уже возвыситься православному при такомъ иконоборцѣ императорѣ, какимъ былъ Константинъ V, было слишкомъ трудно.

Императоръ Константинъ V скончался въ 775 году. Престолъ занялъ сынъ его, болѣзненный Левъ IV Хазаръ. Этотъ послѣдній женатъ былъ на аѳинянкѣ Иринѣ, женщинѣ энергичной, честолюбивой, съ православными убѣжденіями. Левъ IV не способенъ былъ продолжать дѣло отца въ томъ же духѣ и съ такою же безпощадною настойчивостію. Это скоро отозвалось на общественномъ настроеніи. Гоненія прекратились. Многіе изгнанники возвратились въ столицу. Даже на каѳедру патріарха избранъ былъ и поставленъ инокъ Павелъ, хотя съ него и взята была подписка, что онъ не будетъ почитать и покланяться иконамъ. Возведеніе на каѳедру человѣка, въ душѣ сочувствовавшаго православнымъ и до самаго возведенія оставшагося въ иноческомъ чинѣ, было знаменіемъ времени. Всѣмъ было ясно, что церковная реформа иконоборцевъ не пустила глубокихъ корней. Какъ иноземная, она заклеймена была особымъ наименованіемъ,—іудействомъ, манихействомъ и сарациномудрствованіемъ [1]). Отъ нея отвращались всѣ, которымъ дороги были интересы церкви и которые ни за что не соглашались пожертвовать ими для интересовъ государства. Благодаря перевѣсу матеріальной силы

нымъ пыткамъ, большее же число осуждали въ ссылку. Всѣхъ же, преданныхъ имъ, рѣшили связать клятвами, что никто изъ нихъ не будетъ покланяться святымъ иконамъ". (Nicephori patr. Const.—Ἱστορία σύντομος 71—73 р.).

[1]) Историкъ Θеофанъ перваго иконоборческаго императора Льва III именуетъ сарациномудрствовавшимъ (Σαρακηνόξφρων οὗτος Λεών) (Theophan Chronographia. Migne. t. 108, 817 col. Ср. Дѣяній соб. 405 стр.).

на своей сторонѣ, иконоборцы временно могли торжествовать. Но праздновать побѣду было слишкомъ рановременно. Гонимые борцы за православіе окружались ореоломъ мученичества за религіозную истину, а вмѣстѣ и вѣнцомъ страдальцевъ и исповѣдниковъ за національные греческіе интересы. Вырвать съ корнемъ эти убѣжденія православныхъ иконоборцамъ не удалось. И лишь только явилась малѣйшая возможность дѣйствія, какъ почитатели иконъ заявляютъ о себѣ внушительно. Это не остается незамѣченнымъ и со стороны защитниковъ реформы. Они дѣлаютъ представленіе императору. Слабый и болѣзненный Левъ не безъ колебанія и страховъ за себя предпринимаетъ мѣры предосторожности противъ усиленія иконопочитателей. Далеко не секретомъ было, что супруга Льва Ирина раздѣляетъ убѣжденія послѣднихъ. Чего же ожидать болѣе? Императоръ рѣшилъ подвергнуть взысканію супругу. Ирина изгнана была изъ дворца. Но развѣ это могло угрожать чѣмъ либо почитателямъ иконъ, когда на патріаршемъ престолѣ былъ тайный иконопочитатель, да и среди придворныхъ чиновниковъ много таковыхъ же? Въ раздумьи императоръ опускаетъ руки. Да къ чему и оказывать жестокости и насилія, когда примѣръ отца краснорѣчивѣе всякихъ доводовъ свидѣтельствовалъ о безполезности и безрезультатности ихъ. А тутъ поневолѣ приходилось выказывать мало сочувствія реформамъ, когда болѣзненность угрожала смертію.

Тридцать лѣтъ было императору Льву, когда онъ скончался (780 г.). Изгнанная Ирина съ торжествомъ вступила въ столицу. Еще при смерти отца коронованъ былъ на императорскій престолъ малолѣтній сынъ его Константинъ. Мать назначена была теперь соправительницею. Ясно, что всѣ дѣла правленія всецѣло будутъ зависѣть отъ нея. Друзья реформъ призадумались. Почитатели иконъ готовы были торжествовать начало лучшихъ дней. Надежда не обманула.

Новое правительство во главѣ съ императрицею Ириною несочувственно относится къ реформамъ предшественниковъ на престолѣ. Крутаго поворота съ первыхъ шаговъ не наблюдается. Патріархъ, подписавшійся подъ вѣроопредѣленіемъ иконоборческаго собора 754 года, остается на мѣстѣ. Чинов-

ники, сановники и военные начальники оставляются въ своихъ должностяхъ не зависимо отъ ихъ убѣжденій и взглядовъ. Но теперь нѣтъ и рѣчи о религіозныхъ стѣсненіяхъ. Императрица поклоняется честнымъ иконамъ. Свободно исповѣдывать вѣру православную могутъ теперь и всѣ желающіе. Но никто не могъ пожаловаться, что преслѣдуются убѣжденія иконоборцевъ. Верхомъ неблагоразумія было-бы теперь поднять гоненіе на друзей реформы. Это, однако, не обозначало индифферентизма государыни. Всѣмъ было извѣстно, что она набожна, искрення и усердна къ Церкви. Этого и довольно было для православныхъ. Но это то и огорчало друзей реформы. Послѣдняя держалась и приводилась въ жизнь единственно волею императоровъ. Теперь эта сила, оплотъ реформы, выпадала изъ рукъ реформаторовъ. Безъ нея они будутъ обезсилены. А тутъ императрица Ирина и прямо показывала, что она будетъ царствовать не въ духѣ своихъ предшественниковъ. Заботы о войскѣ, которому такъ много труда и любви оказывали иконоборческіе императоры, и слѣда нѣтъ. Казна государственная пустѣетъ. Деньги расходуются непроизводительно на монастыри, которые теперь оправляются отъ погрома. Пополнить казну не чѣмъ, ибо императрица готова была отмѣнить и всѣ тѣ подати и повинности съ горожанъ и жителей деревень, которыя наложены были иконоборческими императорами [1]). Дѣло рукъ послѣднихъ казалось близкимъ къ паденію. Исподволь приготовляется и торжество православія. Ходятъ слухи, что императрица подумываетъ о созваніи вселенскаго собора. Слухи эти, повидимому, имѣютъ основаніе. Государыня часто ведетъ бесѣды съ представителями православной партіи. Иконоборцы волнуются. Былъ уже соборъ во дни царя Константина V, говорятъ они, зачѣмъ и для чего еще новый соборъ? Не вселенскій то былъ соборъ, отвѣчаютъ имъ. Какъ можно назвать его вселенскимъ, когда на немъ не присутствовали ни восточные, ни западный патріархи.

---

[1]) Письма преп. Ѳеодора Студита въ русскомъ переводѣ при Спб. Дух. Акад. 1867-й г., ч. I, 7-е письмо, 126 стр.

Въ 884 году патріархъ Павелъ неожиданно оставилъ каѳедру, удалился въ монастырь и облекся въ иноческое одѣяніе, показывая тѣмъ, что онъ желаетъ остатокъ дней своихъ окончить въ обители. „Когда мы, пишетъ императрица Ирина отцамъ седьмаго собора, спросили его: зачѣмъ ты это сдѣлалъ? онъ отвѣтилъ: затѣмъ, что если я останусь до смерти на епископіи этого богохранимаго и царствующаго города, то подпаду подъ анаѳему всей вселенской церкви,—а такая анаѳема отводитъ во тьму кромѣшную, приготовленную для діавола и ангеловъ его; такъ какъ говорятъ, что здѣсь былъ соборъ, отринувшій живописныя иконы, которыя вселенскою церковію защищаются, привѣтствуются и пріемлются для напоминанія о первообразахъ. Это смущаетъ мою душу и наводитъ меня на мысль: какъ избѣгну я суда Божія, находясь въ сношеніяхъ съ такими людьми и будучи сопричтенъ къ нимъ“ [1]). Патріархъ указываетъ на то, что онъ трижды подписывалъ рукою и чернилами свое согласіе на еретичество. [2]). Онъ раскаивается въ этомъ. Но гораздо болѣе его смущаетъ и тревожитъ отчужденность и обособленность Константинопольской церкви отъ прочихъ православныхъ церквей. „Насъ, какъ чуждыхъ овецъ, отгоняютъ“. Поэтому-то патріархъ не хочетъ быть пастыремъ еретическаго стада. Онъ предпочитаетъ быть во гробѣ, чѣмъ подпасть подъ анаѳему четырехъ апостольскихъ престоловъ. [3]). Но патріархъ возлагаетъ заботу о приведеніи въ порядокъ церковныхъ дѣлъ на императрицу съ сыномъ ея. „Вамъ говоритъ патріархъ, Богъ даровалъ скипетръ власти, чтобы вы имѣли царское попеченіе о христіанскомъ стадѣ, пребывающемъ подъ солнцемъ. Не презрите скорби матери вашей церкви, но потщитеся облечь ее въ древнюю ея красоту. Не допустите, чтобы мерзкая эта ересь и нынѣ производила опустошеніе винограда царства вашего и ниву вѣры, подобно свиньѣ, вышедшей изъ рощи, и осквернила бы путь злочестивымъ мудрованіемъ. Есть у васъ

---

[1]) Дѣян. VII соб. 75—76 стр.

[2]) Vita Tarasii p. 202, 6, 10, 4 стр. Τρίτον ἡ διὰ χειρῶν καί μέλανος ἔγγραφος πρὸς τὴν αἵρεσιν συγκατάθεσις.

[3]) Ibid. 15—20.

искуснѣйшій дѣлатель, который можетъ воздѣлать гроздъ истиннаго исповѣданія и, выжавши его въ точилѣ единой церкви, наполнить сосудъ мудростію и уготовить вѣрнѣйшему народу питіе полнаго православія".—„О комъ это говоришь ты, сказали ему самодержцы".—„Слово мое разумѣетъ Тарасія, перваго секретаря боголѣпнаго вашего царства. Я знаю, что онъ способенъ благовременно возвратить церкви красоту, поразить жезломъ разума дикую болтовню еретиковъ, а учительскимъ и пастырскимъ посохомъ собрать и упасти подъ смоковницей и оградой истины богоспасаемое стадо" [1]). Императрица пыталась еще разъ уговорить Павла возвратиться на каѳедру. Съ этою цѣлію она посылала къ нему сановниковъ. Но имъ патріархъ говорилъ: „если не будетъ созванъ вселенскій соборъ и не будетъ искоренено господствующее заблужденіе, то не надѣйтесь получить спасеніе". Когда патріарху на это замѣтили: „зачѣмъ же ты при посвященіи далъ письменное клятвенное обѣщаніе, что никогда не будешь почитать св. иконъ?" онъ отвѣтилъ: „это то и есть истинная причина монхъ слезъ, это-то и побудило меня наложить на себя покаяніе и молить Бога о прощеніи". Патріархъ остался непреклоннымъ. Вскорѣ, впрочемъ, онъ и скончался въ своей монастырской келіи. Это было осенью 784 года.

Патріаршая каѳедра осталась свободною. Чтобы не оставлять церковь на долгое время вдовствующею, приступили къ избранію патріарха. Указаніе покойнаго предшественника всѣмъ было извѣстно. Всѣ знали царскаго сановника Тарасія. Никого не смущало то, что онъ былъ доселѣ въ мірскомъ званіи. Въ Византіи возведеніе мірянъ въ санъ епископскій было не большею рѣдкостію. Никто не зналъ и не указалъ на недостоинство Тарасія. Оставалось только спросить его самого, согласится ли онъ понести бремя пастырскихъ трудовъ въ столь тяжкое время, когда церковь только что пережила иконоборческій погромъ? „Мы, пишетъ императрица Ирина, вызвали мужей опытныхъ въ дѣлахъ церковныхъ и, призвавъ на помощь Христа Бога нашего, вмѣстѣ съ ними обсудили

---

[1]) Ibid. 203 p. 4 стр.

вопросъ: кто достоинъ быть рукоположеннымъ на священную каѳедру сего богохранимаго и царствующаго града нашего? Всѣ единомысленно и единодушно падали голосъ за Тарасія". [1]) Объ этомъ и сообщено было Тарасію, и онъ позванъ былъ къ императрицѣ. Ирина сверхъ ожиданія услышала отъ него рѣшительный отказъ отъ предложенной ему чести. „Священство выше моихъ силъ", говорилъ Тарасій. „Мы поняли, продолжаетъ Ирина въ своемъ посланіи къ отцамъ собора, что это одинъ только предлогъ къ отказу, и не отставали отъ этого мужа, а продолжали убѣждать его принять санъ священства. Тогда онъ, видя нашу настойчивость, высказалъ намъ дѣйствительную причину отказа: „смотрю я и вижу: основанная на камнѣ Христѣ, Богѣ нашемъ, церковь Его разсѣкается и разрывается, и мы въ одно время говоримъ такъ, въ другое иначе, а восточные единовѣрцы наши еще иначе; съ ними единогласны и христіане западные; и мы отчуждены отъ всѣхъ и каждый день анаѳематствуемся всѣми. Поэтому я требую, чтобы былъ созванъ вселенскій соборъ, на которомъ находились бы мѣстоблюстители какъ римскаго папы, такъ и восточныхъ архіереевъ". [2]) Императрица пожелала, чтобы Тарасій высказалъ свои pia desideria предъ совѣтомъ (τῆς ἱερᾶς συγκλήτου βουλῆς). Здѣсь то Тарасій и произноситъ свою извѣстную апологію. Онъ указываетъ на переговоры съ императрицею, на свой отказъ и на желаніе государыни объясниться въ совѣтѣ. „Итакъ теперь вы, мужи, боящіеся Бога и всегда имѣющіе Его въ сердцахъ своихъ, называющіе себя именемъ Христа, истиннаго Бога нашего, т. е. христіанами, выслушайте краткую апологію отъ нашего смиренія и нищтожества. Все, что я высказалъ уже въ свою защиту благочестивымъ и всеправославнымъ императорамъ нашимъ, выскажу и предъ лицемъ вашимъ. Мнѣ страшно согласиться на такое избраніе, и отъ лица Божія я чувствую (вниваю) въ себѣ боязнь рѣшиться на это такъ легко и безъ всякой осмотрительности, чтобы не подпасть страшному осужденію. Если сподобившійся услышать гласъ Божій, имѣвшій училищемъ небо, сдѣлавшійся созерца-

[1]) Дѣян. VII соб. 76 стр.
[2]) Ibid. 77 стр.

телемъ рая, слышавшій неизреченные глаголы и пронесшій имя Божіе предъ лицемъ народовъ и царей, божественный апостолъ Павелъ, въ посланіи къ Коринѳянамъ, говорилъ: *да не како инымъ проповѣдуя, самъ не ключимъ буду* (1. Кор. 9, 27); то какъ же я, обращающійся въ мірѣ и принадлежащій къ числу мірянъ, подвизающійся на императорской службѣ, такъ необдуманно и неосмотрительно могу ступить на высоту священства. Это будетъ рѣшимостью страшною для моего ничтожества и попыткою дерзкой.—Но самая важная причина моего страха и отказа заключается въ слѣдующемъ: смотрю я и вижу... (повторяются слова, сказанныя Тарасіемъ императрицѣ относительно обособленности и разномыслія К—ской церкви и анаѳематствованіи ея [1]). Ничто такъ неблагопріятно и неблагоугодно Богу, какъ то, чтобы мы объединились и сдѣлались единою вселенскою церковію, какъ мы исповѣдуемъ это и въ символѣ непорочной нашей вѣры. Итакъ, братіе, я прошу, — думаю, что и вы просите, потому что знаю, что вы имѣете страхъ Божій, — благочестивѣйшихъ и православныхъ императоровъ нашихъ созвать вселенскій соборъ, что-бы мы, какъ сыны единаго Бога, были едино, какъ почитатели Троицы, были объединенными, единодушными и равночестными, какъ члены единой нашей Главы Христа, были единымъ стройнымъ и неразрывнымъ тѣломъ, какъ почитатели Святаго Духа, шли не другъ противъ друга, но другъ съ другомъ, какъ почитатели истины, созерцали и говорили одну истину, чтобы не было между нами ни вражды, ни раздора, и чтобы миръ Божій, превосходящій всякій умъ, ограждалъ всѣхъ насъ. И если защитники православія, императоры наши, повелятъ внять моей справедливой просьбѣ, то уступлю и я, исполню ихъ повелѣніе и принимаю вашъ выборъ; если же нѣтъ, то я нахожу невозможнымъ сдѣлать это, чтобы не подпасть подъ анаѳему и не быть осужденнымъ въ день праведнаго Судіи всѣхъ, когда не могутъ выручить меня ни императоры, ни священники, ни начальники, ни масса народа. Отвѣтьте, братія, на мою апологію,

---

[1]) На соборахъ въ Римѣ 727 и 731 гг. и въ Іерусалимѣ 760 г. (Hefele. Conciliengeschichte. B. III, 405—406 S.).

лучше сказать, на мою просьбу такъ, какъ лучше и какъ вамъ угодно". Большая часть членовъ совѣта изъявили согласіе на созваніе собора. Впрочемъ, не обошлось и безъ протеста. Противъ созванія высказывались очевидно друзья реформы. Такъ какъ ихъ въ совѣтѣ было немного, то на протестъ не обратили вниманія. Оппонентамъ рѣчи Тарасія заявили, что „иконоборцы истины Божіей не связали" [1]). Выборъ окончился благополучно.

Такъ излагается исторія первыхъ шаговъ къ возстановленію иконопочитаній въ царствованіе Ирины. Внутренняя сторона событій требуетъ поясненія. Во главѣ противореформаціоннаго движенія становится Ирина. Не можемъ нисколько сомнѣваться въ томъ, что ею руководило искреннее чувство привязанности къ православію. Тотъ фактъ, что она предъ лицемъ свекра своего, Константина V, дала клятву не почитать иконъ, ничего не говоритъ противъ ея убѣжденій Клятва была вынуждена положеніемъ Ирины при дворѣ. До времени она скрываетъ свои чувства. Болѣзненный мужъ не замѣчаетъ ея склонностей къ партіи православныхъ. А Ирина уже при немъ дѣйствовала въ интересахъ православія. Вѣроятно не безъ ея участія выдвинулся Тарасій до положенія перваго секретаря. Она знала Тарасія не только какъ образованнаго и умнаго человѣка, но и какъ православнаго по убѣжденіямъ. Таковые дѣятели подбираются теперь ко двору. Между сановниками находились: протоспаоарій Іаковъ, Папій, Стратегій, Θеофанъ, Левъ и Θома, которые въ послѣдній годъ жизни Льва IV были изобличены въ почитаніи иконъ и понесли наказаніе [2]). А сколько могло быть при дворѣ неоткрытыхъ иконопочитателей? Это, конечно, не даетъ никакого основанія предполагать о заговорѣ противъ императора. Догадка относительно того, что Ирина отравила супруга, произвольна и ничѣмъ не можетъ быть доказана. Скорѣе можно предполагать намѣ-

---

[1]) Дѣян. VII соб. 56—59 стр. Ср. Vita Tarasii 203—204 a. p. 5 стр.

[2]) Арестованные чиновники содержались въ тюрьмѣ, потомъ ихъ били публично плетями, водили по улицамъ и снова заключили въ темницу, гдѣ одинъ изъ нихъ умеръ. Остальные вскорѣ постриглись въ иноки (Hefele. B. III, 440—441. S.).

репіе кружка православныхъ воздѣйствовать мирными средствами на болѣзненнаго императора. Къ сожалѣнію, болѣе сильное вліяніе оказали на него иконоборцы. Левъ предпринялъ мѣры стѣснительныя противъ иконопочитателей; но смерть прекратила его дѣятельность. Императрица въ качествѣ соправительницы и опекунши малолѣтняго сына беретъ въ свои руки бразды правленія. Теперь друзья ея группируются вокругъ нея. Что удивительнаго, если теперь обсуждается и планъ возстановленія почитанія иконъ и памѣчается главный дѣятель? Патріархъ Павелъ уменъ и благочестивъ, но старъ и болѣзненъ. Никто не думаетъ о насильственномъ низверженіи его. Но самъ онъ хорошо понимаетъ, что не по силамъ ему ниспроверженіе иконоборческихъ церковныхъ реформъ. Патріархъ возлагаетъ это дѣло на плечи государыни. Интересно весьма, какъ понимаютъ православные отношеніе верховной государственной власти къ церкви. „Вамъ (императорамъ), говоритъ патріархъ Павелъ, Богъ даровалъ скипетръ власти, чтобы вы имѣли царское попеченіе о христіанскомъ стадѣ, пребывающемъ подъ солнцемъ. Не презрите скорби матери вашей церкви, но потщитеся облечь ее въ древнюю ея красоту“. Одна изъ заботъ государственной власти есть благосостояніе церкви. Появилась и развилась въ ней ересь. Можетъ ли православное государственное правительство безучастно смотрѣть на ея развитіе? Съ точки зрѣнія православнаго византійца,—нѣтъ, не можетъ. Церковь живетъ въ государствѣ и пользуется въ нуждѣ его услугами. Появленіе и развитіе ереси есть недугъ церкви. Отъ обязанности принятія мѣръ къ врачеванію его не можетъ освободить себя и государственная власть. Императрица Ирина стоитъ на этой же почвѣ. Она и не думаетъ отрицать своего долга относительно благосостоянія церкви. „Мы желаемъ позаботиться о благоустроеніи святыхъ церквей Божіихъ“ писала она отцамъ собора. „Мы такъ радуемъ за истину, такъ ревнуемъ о благочестіи, такъ заботимся о церковномъ благосостояніи, такъ желаемъ утвердить древнія постановленія, что, оставивъ занятія дѣлами военными и попеченія о дѣлахъ политическихъ и поставивъ первымъ для себя дѣломъ возстановленіе мира во вселенской церкви, мы не поставили себѣ

въ трудъ созвать во второй разъ священный этотъ соборъ; каждому изъ васъ мы даемъ право говорить безъ всякаго опасенія... чтобы истина была выяснена безъ всякаго принужденія.“ [1]) До какихъ предѣловъ должно простираться участіе государей въ дѣлахъ церкви, это выражаетъ и патріархъ Павелъ и императрица Ирина. Государственной власти приписывается внѣшнее благосостояніе и миръ церкви. Эта власть содѣйствуетъ пастырямъ и учителямъ безпрепятственно изслѣдовать истину, но сама не должна предъуказывать ея. Догматы вѣры хранятъ и вѣдаютъ не цари, а архіереи. Патріархъ Павелъ указываетъ императрицѣ на Тарасія. Въ положеніи свѣтскаго сановника онъ, однако, мало пригоденъ для великаго дѣла возстановленія почитанія иконъ. За нимъ нѣтъ авторитета уполномоченнаго хранить богооткровенные догматы. Хотя бы было многое множество столь умныхъ и образованныхъ православныхъ свѣтскихъ лицъ, безъ собора іерарховъ нельзя было рѣшить дѣла. „Величайшій даръ далъ Богъ людямъ: священство и императорскую власть; первое охраняетъ и наблюдаетъ небесное, вторая посредствомъ справедливыхъ законовъ управляетъ земнымъ“ [2]), разсуждаютъ восточные епископы. Итакъ Тарасію предстояло принять священство. Было ли это условлено между нимъ и императрицею ранѣе оффиціальнаго его избранія? Трудно рѣшить этотъ вопросъ. Только удаленіе Павла съ каѳедры едва ли впередъ было предусмотрѣно. Но общая слабость здоровья Павла позволяда думать о преемникѣ ему.

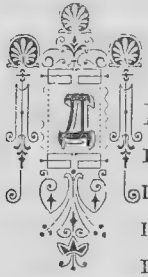
Западнымъ латинскимъ историкамъ, которые иногда не стѣсняются „дѣлать исторію“, весьма желательно приплесть участіе папы и вліяніе его на императрицу ранѣе оффиціальныхъ сношеній по вопросу о возстановленіи почитанія иконъ [3]). Но данныхъ для доказательства этого нѣтъ никакихъ. Точно также только произвольно можно гадать о какихъ либо политическихъ планахъ со стороны Ирины при возстановленіи иконъ. Для какихъ цѣлей нужно было дру-

[1]) Дѣян. VII соб. 74—75 стр.
[2]) Дѣяній VII соб. 202 стр.
[3]) Hefele Concil.—gesch. B. III, 442 S.

жество съ западомъ? Присоединеніе Италіи стало несбыточною мечтою. Да и было-ли возможно мечтать объ этомъ въ такую пору, когда съ арабами пришлось заключить позорный миръ? Развѣ западъ обѣщалъ помощь? Или Римъ добровольно принялъ бы зависимость отъ Византіи? А внутри византійскаго государства и иконоборческая партія матеріально сильнѣе была. Если бы для Ирины нужна была военная сила, то выгоднѣе было опереться на партію иконоборцевъ. Но такой нужды лично для Ирины не было. Правда, на первыхъ порахъ послѣ смерти Льва IV являлся конкурентъ на императорскій престолъ въ лицѣ Никифора, роднаго брата покойнаго Льва, но заговоръ во время былъ открытъ, и виновники его понесли наказаніе. Сынъ императрицы былъ коронованъ еще при жизни отца. Онъ законный государь Византіи, а мать его объявлена опекуншей. За малолѣтствомъ императора она управляетъ государствомъ и на первыхъ порахъ чувствуетъ твердость своего положенія въ качествѣ правительницы. Словомъ, искренность Ирины въ дѣлѣ возстановленія почитанія иконъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Движимая внутренними побужденіями благочестія она рано, еще при жизни мужа, была озабочена этимъ дѣломъ. Въ кружкѣ при ней выработывался планъ дѣйствій. Тарасій былъ душею партіи и намѣчался быть главнымъ дѣятелемъ. Тревожила его мысль о трудностяхъ служенія въ санѣ патріарха. Этимъ объясняется его непродолжительныя колебанія. Но желаніе послужить церкви взяло перевѣсъ и заставило изъявить согласіе. Словъ нѣтъ, положеніе Константинопольскаго патріарха въ то время было тяжелымъ. Но трудностей боится тотъ, кто не хочетъ и не готовъ къ борьбѣ съ ними.

III.

Вступленіе св. Тарасія на патріаршій престолъ. Религіозно-нравственное состояніе Византійскаго общества и духовенства. Необходимость созвать вселенскій соборъ. Сношенія по этому вопросу съ Римомъ и отношенія св. Тарасія къ папѣ Адріану. Прибытіе папскихъ делегатовъ и восточныхъ уполномоченныхъ въ Константинополь и открытіе соборныхъ засѣданій.



ЕКАБРЯ 25-го 784 года Тарасій посвященъ былъ въ санъ патріарха. Теперь открылось ему новое поприще дѣятельности, требовавшее энергіи, ума и такта. Церковь Константинопольская жила особнякомъ отъ другихъ церквей востока и запада. Доселѣ, съ 826 года, она рѣшительно держалась еретическаго исповѣданія вѣры. Начались проблески поворота къ православію; но это были еще только первые шаги. А между тѣмъ на первыхъ порахъ готово было уже препятствіе, значительно затормазившее ходъ дѣла. Иконоборческіе элементы рѣшились постоять за свои затѣи. Видимо, почва ускользала подъ ними. Но это побуждало ихъ къ напряженію силъ.— Много нестроенія и безпорядковъ было въ Константинопольской паствѣ. Симонія приняла широкіе размѣры. Монашество, правда, въ горнилѣ искушеній и гоненій выдвинуло замѣчательно великихъ подвижниковъ и устроителей иноческаго житія, но это были свѣтлыя звѣзды на фонѣ темнаго неба. Въ общемъ же среди иночества уживалось много нестроеній и нравственныхъ недуговъ. По свидѣтельству современника Тарасіева, преп. Ѳеодора Студита, въ обители многіе шли

по побужденіямъ неискреннимъ [1]). Въ монастыряхъ, даже такихъ извѣстныхъ строгостію устава, какъ студійскій, случались побѣги въ міръ, непослушаніе, переходы и пр. уклоненія отъ правилъ [2]). А мірская половина паствы представляла еще болѣе печальныя картины нравственнаго упадка. Невѣжество влекло за собою суевѣрія. Великіе умы видѣли нужду въ ученіи народа [3]), да пособить дѣлу не могли. Съ суевѣріями уживались грубые пороки. Византіецъ былъ легковѣренъ, склоненъ къ мятежамъ и неповиновенію. Правда, онъ набоженъ, но религіозность его сводилась къ исполненію обрядовъ. Сколько нужно было трудовъ, заботъ и неусыпныхъ стараній, чтобы водворить миръ и благонравіе въ такой паствѣ!

Принявши на себя санъ первосвятителя, „Тарасій нашелъ церковь въ запустѣніи (ἐν ἀγροικικῷ καταστήματι), пишетъ біографъ его, и блуждающею въ дебряхъ ереси, алчущею и жаждущею не хлѣба и воды, но слышанія слова Господня. Онъ же обратилъ ее на ниву упокоенія и, путеводительствуя по стезямъ правды, упасъ великое стадо, тучнѣвшее дѣлами спасенія и пріятнымъ млекомъ вѣры. Онъ уничтожилъ непріятную горечь еретической закваски и содѣлалъ новое смѣшеніе. Прежде всего онъ разрубилъ узелъ симоніи, какъ бы взялъ въ добычу даръ святаго Духа, опредѣливъ, чтобы назначеніе и посвященіе іереевъ совершалось безъ мзды, и такимъ образомъ уменьшилъ прибытокъ церковнаго двора. И всякую тьму отгоняя, онъ быстро исправилъ стези вѣры. Собирая стадо свое на частыя бесѣды и восходя на святѣйшій амвонъ, онъ уготовлялъ трапезу ученія, преподавая на основаніи боговдохновенныхъ писаній пріятнѣйшую пищу душамъ. Собравши Давидовы псалмопѣнія онъ чрезъ разсмотрѣніе и тщательный разборъ ихъ открылъ ясный

---

[1]) Многіе изъ современниковъ преподобнаго воздвигали обители свои, приводили съ собою слугъ, приносили богатство и жили въ свое удовольствіе, хотя и принимали иночество. (S. Pheodori Stud. Oratio XI. Laudatio S. Platonis. Hehumeni. Migne t. 99, 812 col.

[2]) Въ большомъ и маломъ катихизисахъ преп. Ѳеодора можно читать множество примѣровъ и указаній на недостатки современныхъ ему монаховъ.

[3]) Такъ преп. Іоаннъ Дамаскинъ указывалъ еще, что нужно учить народъ, чтобы уничтожить въ немъ суевѣрія. (Advers. Constant. Cabal. 13, Migne. t. 95, 329 col.).

внутренній смыслъ, что бы занимающіеся ими находили точное и правильное знаніе“ [1]). Вотъ въ краткихъ чертахъ обзоръ дѣятельности патріарха Тарасія. На первомъ планѣ стоятъ его труды по уничтоженію „еретической закваски“ въ византійскомъ обществѣ.

Нечего было и думать о единоличной борьбѣ съ иконоборцами. Послѣдніе громко говорили, что иконопочитаніе запрещено вселенскимъ соборомъ. Они разумѣли при этомъ соборъ 754 года, при Константинѣ V. Нужно было противопоставить этому ложному собору соборъ истинно вселенскій. Да и помимо этого, вопросъ о почитаніи честныхъ иконъ никогда еще не былъ предметомъ соборнаго обсужденія. Вопросъ имѣлъ за собою литературу, достаточно выяснялся въ трудахъ отдѣльныхъ лицъ; но никогда еще церковь не сказала, что такъ вѣровали христіане съ древнихъ временъ, вездѣ и всегда, а, слѣдовательно, эта вѣра есть истинная. Не научное изслѣдованіе предстояло вселенскому собору, а свидѣтельство истины, содержимой повсемѣстно. Наконецъ, приспѣло время, когда богословская мысль работавшая въ предшествовавшее время надъ христологическими вопросами, должна была сдѣлать завершеніе имъ рѣшеніемъ вопроса о почитаніи иконъ. Словомъ, во вселенскомъ соборѣ чувствовалась нужда. Иконоборцы дали только толчекъ, ускорившій теченіе дѣлъ. Лучше другихъ современниковъ своихъ Тарасій понималъ духъ и потребности времени. При избраніи онъ потому и потребовалъ созванія вселенскаго собора. Согласіе получено было, и медлить осуществленіемъ желаемаго дѣла не имѣлось причинъ.

По установившемуся порядку, основанному на церковныхъ канонахъ, новый патріархъ долженъ былъ письменно оповѣстить остальныхъ патріарховъ о своемъ возшествіи на каѳедру, присоединивъ къ этому свое исповѣданіе вѣры. Тарасій исполняетъ требованіе каноновъ. Онъ отправляетъ пословъ съ своею грамотою и въ Римъ, и къ восточнымъ патріархамъ. Грамота эта послѣ читана была на третьемъ засѣданіи седьмаго вселенскаго собора. „Господь Богъ многими и удивительными

[1]) Vita Tarasii 209, 6 p. 13 стр.

путями промышленія, направляя жизнь человѣческую, писалъ Тарасій на востокъ, и заботливо руководя каждаго до конца жизни его, потому что *безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3), и потому что *и власы главы* нашей Ему *изочтени суть*, меня, донынѣ находившагося въ числѣ мірянъ и состоявшаго на государственной службѣ, не знаю какими судьбами (Самъ Онъ это знаетъ) возвелъ на священноначальническую каѳедру, послѣ убѣдительной и настоятельной просьбы, обращенной ко мнѣ со стороны поборниковъ истины, благочестивѣйшихъ и православныхъ императоровъ нашихъ, а также и святѣйшихъ епископовъ и клириковъ. Я вынужденъ былъ уступить ихъ настояніямъ и далъ имъ пожать плодъ моего послушанія. Васъ же, святѣйшіе, прошу, какъ отцевъ подкрѣпить меня малодушнаго жезломъ власти вашей, то есть, вашими отеческими наставленіями,—и какъ братьевъ помочь мнѣ вашими частыми молитвами,—этимъ всеоружіемъ Божіимъ противъ козней врага—совершить бурное плаваніе, чтобы я могъ направиться прямо въ пристань воли Христа Бога нашего. По истинѣ существуетъ нѣкотораго рода война, безъ оружія, правда, на однихъ словахъ, но за то ими или мы поражаемъ другихъ или насъ другіе поражаютъ. Побѣднымъ трофеемъ ея служитъ непобѣдимая истина. И на будущее время, когда будутъ яриться сильныя бури, мы будемъ призывать васъ на помощь. Перенесши непродолжительную ярость ихъ, мы обрящемъ Христа, воспрещающаго имъ и дарующаго намъ тихую жизнь. Этого достаточно для предисловія". Далѣе Тарасій, упомянувши о поводѣ написанія посланія, излагаетъ свое исповѣданіе вѣры въ порядкѣ Никейскаго символа, заявляетъ о принятіи имъ и почитаніи и поклоненіи иконамъ. Затѣмъ, упомянувъ о шести вселенскихъ соборахъ, опредѣленія которыхъ онъ пріемлетъ, Тарасій анаѳематствуетъ еретиковъ разныхъ временъ въ порядкѣ ихъ слѣдованія, при чемъ въ числѣ еретиковъ поставляется имъ и папа Гонорій. „Самый же шестый святый соборъ принимаю со всѣми его божественными догматами и канонами, въ которыхъ говорится: „На нѣкоторыхъ честныхъ иконахъ изображается, перстомъ предтечевымъ показуемый, агнецъ, который принятъ во образъ благодати и далѣе (82-е прав. шест. всел. собора). Излишнія разглаголь-

ствованія послѣ этого неразумныхъ людей считаю слабыми, какъ непринятыя вами и высказываемыя не по божественной благодати". Далѣе Тарасій указываетъ на то, что предполагается вселенскій соборъ, проситъ прислать представителей съ грамотами и доводитъ до свѣдѣнія восточныхъ патріарховъ, что и въ Римъ послана просьба о томъ же. Желаніемъ мира и единенія оканчивается посланіе [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что таковая же грамота послана была Тарасіемъ къ патріарху римскому. Грамоты этой не дошло до насъ. Но легаты папы Адріана на соборѣ заявили, что „получивъ такого же рода грамоту, святѣйшій нашъ папа послалъ насъ" [2]). Да и отвѣтное письмо папы Адріана даетъ право заключать, что Тарасій посылалъ въ Римъ посланіе совершенно тожественное съ грамотою къ восточнымъ патріархамъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 785 года императрица Ирина снарядила посольство въ Римъ къ папѣ Адріану по церковнымъ дѣламъ. „Получающіе отъ Господа нашего Іисуса Христа, истиннаго Бога нашего, императорскую власть или честь первосвященства должны помышлять и заботиться о томъ, что угодно Господу и управлять ввѣренными имъ людьми согласно съ Его волею. Слѣдовательно и наша и ваша обязанность, святѣйшій глава, состоитъ въ томъ, чтобы безукоризненно мудрствовать о дѣлахъ Господнихъ и поступать въ дѣлахъ своихъ, такъ какъ отъ Господа мы получили императорскую власть, а вы—достоинство первосвященства". По взгляду императрицы императорская власть должна имѣть попеченіе о дѣлахъ церковныхъ. Ей Богъ поручилъ „управленіе народами и храненіе апостольскихъ и отеческихъ преданій". Потому то „мы съ чистымъ сердцемъ и съ истиннымъ благоговѣніемъ, вмѣстѣ со всѣми нашими подданными и съ ученѣйшими священниками неизмѣнно рѣшили и обдуманно опредѣлили созвать вселенскій соборъ". Папа приглашается принять участіе въ соборѣ „для установленія и утвержденія древняго преданія о досточтимыхъ иконахъ". Императрица

[1]) Дѣян. VII соб. 194—200 стр.
[2]) Ibid. 200 стр.

обѣщаетъ доставить папѣ всѣ удобства по пути въ столицу Византіи и обратномъ. Если же онъ не можетъ самъ прибыть, то пусть пришлетъ мужей почтенныхъ и свѣдущихъ, съ грамотою. Посланіе свое Ирина отправляетъ съ Константиномъ, епископомъ Леонтины. Она проситъ не задерживать посла. Сообщеніемъ о томъ, что сдѣланы всѣ распоряженія о доставленіи надлежащихъ почестей и покоя на пути оканчивается посланіе императрицы [1]).

Какъ же въ Римѣ отнеслись къ положенію церкви восточной? Съ самаго начала иконоборческихъ смутъ, римская церковь стала на защиту почитанія святыхъ иконъ. Папы Григорій II и Григорій III держали соборы въ Римѣ, на которыхъ опредѣлено было лишать общенія съ Церковію всякаго, кто осмѣлится попирать, обезображивать, унижать или хулить достойныя почитанія изображенія Христа Господа, Его Пречистой Матери, Апостоловъ и Святыхъ. Еще разъ на четвертомъ засѣданіи римскаго собора 769-го года обсуждался вопросъ о почитаніи иконъ. Константинопольскій соборъ 754 года преданъ былъ анаѳемѣ и постановлено было воздавать почитаніе иконамъ [2]). Такимъ образомъ на западѣ до папы Адріана (772—795) вопросъ о почитаніи иконъ былъ рѣшеннымъ соборно. Входить въ новое обсужденіе его съ епископами Запада не приходилось. Просьбу восточныхъ собратій удовлетворить было легко. И точно, папа не замедлилъ отвѣтомъ и императрицѣ Иринѣ, и патріарху Тарасію. Посланія эти представляютъ глубокій интересъ по своему содержанію. Не то важно въ нихъ, какъ авторъ доказываетъ истину иконопочитанія. Въ этомъ отношеніи восточные отцы были болѣе свѣдущи. Но папа сильно заинтересованъ выясненіемъ важности и авторитета своей каѳедры. Сказавъ о томъ впечатлѣніи, которое произвело на него посланіе императрицы, папа принимаетъ положеніе учителя по отношенію къ послѣдней. Онъ убѣждаетъ ее стоять за истину и тѣмъ уподобиться Константину и Еленѣ, „которые православную вѣру объявили всенародною и возвысили святую каѳолическую и

---

[1]) Дѣян. VII, 53—56 стр.
[2]) Hefele. III, 438. S.

апостольскую духовную мать вашу, церковь римскую, и вмѣстѣ съ прочими православными императорами почитали ее, какъ главу всѣхъ церквей". Съ точки зрѣнія папы это примѣръ достойный подражанія и для Ирины. За это и ей обѣщается слава, но только подъ условіемъ, если, „слѣдуя преданіямъ православной вѣры" продолжаетъ папа, „вы съ любовію будете принимать опредѣленія церкви блаженнаго Петра, князя апостоловъ и какъ въ ревности дѣлали ваши предшественники, святые императоры, такъ и вы достохвально почитая ее, возлюбите ея намѣстника отъ глубины сердца, а еще лучше, если ваша богодарованная власть будетъ слѣдовать православной, въ духѣ нашей святой римской церкви, вѣрѣ ихъ. И самъ князь апостоловъ, которому Господомъ Богомъ дана власть вязать и рѣшить грѣхи на небѣ и на землѣ, многократно покровительствовалъ Вамъ... Священнымъ значеніемъ его опредѣляется его достоинство и то, сколь великое почитаніе должно быть оказываемо всѣми вѣрующими въ мірѣ его верховному престолу; ибо Господь этого князя представилъ всѣмъ, какъ хранителя ключей небеснаго царства,—и Самъ оказываетъ ему честь той привиллегіей, что вручаетъ ему ключи царства небеснаго. Итакъ, превознесенный такою преславною честію онъ удостоился исповѣдать ту вѣру, на которой основывается церковь Христова. За блаженнымъ исповѣданіемъ слѣдовало блаженство наградъ; проповѣдію объ этомъ прославлена святая вселенская церковь, а отъ нея и всѣ прочія церкви Божіи получили правило вѣры, потому что самъ князь апостоловъ, блаженный Петръ, первый предсѣдатель на апостольской каѳедрѣ, преемникамъ своимъ, которые безпрерывно возсѣдали на его священнѣйшемъ престолѣ, оставилъ первенство своего апостольства и пастырскаго попеченія; и какъ ему дана была Спасителемъ нашимъ Господомъ Богомъ власть первенства, такъ и онъ самъ предоставилъ и предалъ ее по божественному повелѣнію своимъ преемникамъ первосвященникамъ, согласно преданію которыхъ мы почитаемъ священныя изображенія Христа и иконы Пресвятой Его Матери, апостоловъ и всѣхъ святыхъ"[1]). Папа

[1]) Дѣян. VII всел. соб. 128—130 стр.

очевидно развиваетъ теорію главенства римскаго епископа на почвѣ догматической. Для него безспорною истиною является княжество Апостола Петра. Римскіе епископы суть только единственные наслѣдники его прерогативъ по божественному праву. Они первосвященники въ строгомъ смыслѣ слова. Вѣра ихъ есть образецъ для всѣхъ христіанъ и правило для вселенской церкви. Посему то папа Адріанъ въ своемъ посланіи далѣе рѣшаетъ вопросъ о почитаніи иконъ, обосновывая законность его на Священномъ Преданіи и Священномъ Писаніи. Преданіе церкви римской поставляется на первомъ планѣ. Окончивъ изложеніе основъ для иконопочитанія, папа проситъ императрицу возстановить иконы. „Повелите священныя иконы въ вашемъ богохранимомъ царствующемъ городѣ и въ другихъ мѣстахъ Греціи возстановить и утвердить въ прежнемъ видѣ; сохраните преданіе нашей святѣйшей и священнѣйшей церкви и отвергните лукавство нечестивыхъ еретиковъ, чтобы наша святая каѳолическая и апостольская римская церковь приняла васъ въ свои объятія“ [1]). Далѣе папа проситъ императрицу возвратить римской церкви отнятое у нея первыми иконоборческими императорами. Затѣмъ особенно сильно возстаетъ папа противъ того, что патріархъ Царьграда осмѣлился приписать себѣ титулъ вселенскаго. „Каѳедра св. Петра на всемъ земномъ шарѣ пользуется первенствомъ и учреждена съ тѣмъ, чтобы быть главою всѣхъ церквей Божіихъ. И какъ святый апостолъ Петръ, по заповѣди Божіей, самъ управлялъ церковію, такъ и впослѣдствіи всегда сохранялъ и сохраняетъ первенство. Эта заповѣдь относительно наименованія церкви вселенскою, болѣе не должна относиться ни къ какой каѳедрѣ, кромѣ первой, всякій соборъ, утверждающей своею властію и охраняющей своею испытанною умѣренностью... Состоящему во второмъ разрядѣ ни какъ нельзя носить это названіе, развѣ только въ силу авторитета святой нашей католической и апостольской церкви. Поэтому, если онъ называется вселенскимъ вопреки волѣ выше его стоящей святой римской церкви,

[1]) Ibid. 145 стр.

которая есть глава всѣхъ церквей Божіихъ, то, очевидно, онъ показываетъ себя отступникомъ отъ святыхъ соборовъ и еретикомъ".

Наконецъ, папа заявляетъ, что онъ сильно былъ возмущенъ и опечаленъ тѣмъ, что Тарасій, „бывъ избранъ изъ сословія мірянъ и взятъ съ государственной службы, вдругъ возведенъ на степень патріаршества и вопреки опредѣленію святыхъ каноновъ сдѣланъ патріархомъ". Просьбою о радушномъ пріемѣ посылаемыхъ папою пословъ, Петра, архипресвитера и Петра, аббата обители Саввы, и оканчивается посланіе къ императрицѣ Иринѣ [1]).

Папа Адріанъ одновременно прислалъ посланіе и патріарху Тарасію. И въ немъ папа дѣлаетъ упрекъ цареградскому патріарху за возведеніе его изъ мірянъ на каѳедру первосвятителя. Но теперь онъ намѣренно оттѣняетъ послѣ печали и радость, испытанную имъ при чтеніи чистаго исповѣданія и правой вѣры Тарасія. Высказавъ свое желаніе о преданіи анаѳемѣ лже-собора 754 года, папа не преминулъ упомянуть и о величіи римской каѳедры и самому Тарасію угрожалъ непризнаніемъ законности его хиротоніи, если онъ не озаботится возстановленіемъ почитанія иконъ [2]).

Какъ ни старается папа Адріанъ обосновать главенство римской каѳедры, читателю его посланій ясно, что самъ онъ не выяснилъ себѣ еще всѣхъ правъ и привилегій, соединенныхъ съ главенствомъ. Видимо, дѣло это, если не совсѣмъ новое, то въ періодѣ начальнаго развитія. Несомнѣнно, иконоборческія волненія на Востокѣ представили благопріятную почву для развитія папства. Оно высвободилось отъ императорской власти Византіи. Теперь папы болѣе уже не имѣютъ нужды въ императорскомъ утвержденіи на каѳедрѣ. Этого мало. Они стали свѣтскими государями съ тѣхъ поръ, какъ Пипинъ Короткій подарилъ имъ отнятыя отъ лангобардовъ византійскія владѣнія. Независимые, съ великимъ престижемъ на Западѣ, субсидируемые мірскими владѣніями, папы чувствовали свою силу. Избытокъ ея пошелъ

[1]) Ibid. 147—151 стр.
[2]) Ibid. 152—160 стр.

на возведеніе зданія папскаго главенства. Относительно Запада хлопотать много не приходилось. Тамъ мысль о римскомъ главенствѣ внушалась миссіонерами одновременно съ распространеніемъ истинъ вѣры среди народовъ Запада. Совсѣмъ въ иномъ положеніи былъ Востокъ. Здѣсь получила свое начало христіанская вѣра, отсюда и занесена она въ Римъ. Если послѣдній получилъ первенство въ рангѣ епископскихъ каѳедръ, то не по Божественному праву, а по политическому принципу. О княжескомъ достоинствѣ апостола Петра на Востокѣ не имѣютъ понятія. Съ его апостольскимъ служеніемъ не связываютъ никакихъ особенныхъ преимуществъ по сравненію съ прочими апостолами. Если не отрицается здѣсь совсѣмъ преемство Петру римскихъ епископовъ, то изъ этого не дѣлается никакихъ особенныхъ привиллегій для римской каѳедры, ибо Апостолъ не для одного Рима поставлялъ епископовъ и самъ не былъ епископомъ какого либо города, но Апостоломъ всей церкви. Конечно, для восточныхъ церквей притязанія римскихъ епископовъ были не новостью. Но издавна они находили себѣ здѣсь отпоръ. Входить съ папою въ препирательства теперь было крайне не благовременно. Безъ участія Запада не мыслимъ вселенскій соборъ. Потому и есть лжесоборъ 754 года, что онъ состоялся безъ представителей отъ патріаршихъ каѳедръ. Церковь, по воззрѣнію восточныхъ богослововъ того времени, есть пятиглавое тѣло [1]). Соборъ тогда только и можетъ быть названъ вселенскимъ, когда представляется всѣми своими главами. На соборѣ съумѣютъ дать надлежащую оцѣнку вожделѣніямъ папы Адріана; но теперь пока не входятъ въ оцѣнку ихъ.

Римскіе легаты прибыли въ Константинополь въ концѣ 785 года или въ началѣ 786 года. Кажется, нѣсколько ранѣе ихъ явились въ столицу Византіи съ Востока два іеромонаха: Іоаннъ и Ѳома. Біографъ патріарха Тарасія называетъ ихъ уполномоченными Александрійскаго и Антіохійскаго патріарховъ [2]). Но въ строгомъ смыслѣ, кажется, ихъ

---

[1]) Пр. Ѳеодора Студита, письмо къ Навкратію (ч. II, 179 стр.).

[2]) Vita S. Tarasii 208 p. 10 стр. по изд. Heikel.

нельзя назвать представителями указанныхъ патріарховъ. По трудностямъ сношеній въ патріархатахъ Антіохійскомъ, Іерусалимскомъ и Александрійскомъ, посланные съ грамотою Тарасія не видѣли патріарховъ восточныхъ. Мѣстные епископы на свой страхъ взяли представительство за патріарховъ и уполномочили идти въ Константинополь двухъ пресвитеровъ монаховъ отъ лица всѣхъ православныхъ епископовъ восточныхъ патріархатовъ. „Итакъ, святѣйшій, пишутъ они патріарху Тарасію, зная ненависть къ намъ этого (магометанскаго) непотребнаго народа, мы разсудили удержать посланныхъ и воспрепятствовать встрѣчѣ ихъ съ тѣми людьми (патріархами), къ которымъ они посланы... А какъ, съ какимъ лицомъ, сказали они, явимся мы къ пославшимъ насъ, не принесши имъ никакой надежды? Это поставило насъ въ затрудненіе, но зная боголюбезныхъ братій нашихъ Іоанна и Ѳому, зная, что они украшены ревностію Божественною относительно православной вѣры, что они были синкеллами двухъ святыхъ и великихъ патріарховъ и что тѣмъ не менѣе они большіе любители священной тишины, мы сказали имъ: вотъ нынѣ, братіе, время благопріятное для спасенія и для подвига болѣе высшаго, чѣмъ тишина; идите съ этими мужами, пріимите на себя защиту ихъ и разскажите живымъ голосомъ то, что сообщить письменно владыкамъ нашимъ мы находимъ невозможнымъ... Вы, святѣйшій и блаженнѣйшій, пріимите нашихъ братій благосклонно. Вы будете имѣть въ лицѣ ихъ людей точно знающихъ единомысленное и единогласное православіе трехъ апостольскихъ престоловъ, которыми единогласно проповѣдуются шесть святыхъ и вселенскихъ соборовъ“ [1]). Съ этимъ письмомъ восточные епископы прислали и соборное посланіе Ѳеодора, патріарха Іерусалимскаго.

Что касается епископовъ Константинопольскаго патріархата, то въ этомъ отношеніи замѣчается любопытное явленіе. Давно ли былъ лжесоборъ 754 года? Болѣе трехъ сотъ епископовъ подписались подъ иконоборческимъ вѣроопредѣле-

---

[1]) Дѣян. 201—208 стр.

ніемъ. И теперь, едва прошло тридцать лѣтъ, можно было собрать не меньшее число православныхъ. Какимъ образомъ произошла такая быстрая перемѣна въ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ іерарховъ церкви? Лучше всякихъ внѣшнихъ свидѣтельствъ, эта внутренняя перемѣна въ убѣжденіяхъ епископовъ показываетъ степень ихъ искренности въ привязанности къ иконоборцамъ. Они плыли по теченію. Главари иконоборческихъ затѣй изъ іерархіи, опираясь на силу правительства, склонили ихъ къ участію въ соборѣ. Житейскія соображенія взяли перевѣсъ и заставили пожертвовать убѣжденіями. Къ этому должно присоединить и то, что далеко не всѣмъ иконоборство казалось богопротивною ересью. Тутъ уже имѣется на лицо недоразумѣніе, обусловленное отчасти низкимъ уровнемъ образованія [1]). Теперь замѣчалось иное вѣяніе. Патріархъ Павелъ предъ смертію своею далъ прекрасный примѣръ покаянія. Возведеніе Тарасія на каѳедру патріарха и симпатіи императрицы къ православнымъ развязали многимъ руки. Нѣкоторые безбоязненно стряхнули съ себя личину иконоборческую и пристали къ почитателямъ иконъ. Болѣе искренніе постарались поближе познакомиться съ вопросомъ и пришли къ раскаянію [2]). Но нѣкоторые продолжали упорствовать. Они прекрасно понимали, что почва ускользаетъ подъ ногами ихъ. Нужно бы, думали они, употребить силу, чтобы отстоять свое дѣло,—вѣдь идутъ уже дѣятельныя приготовленія къ собору. Не требовалось обладанія пророческимъ даромъ, чтобы замѣтить духъ времени.

Среди собравшихся въ столицу епископовъ несомнѣнно было нѣсколько убѣжденныхъ иконоборцевъ. Но не въ нихъ была сила партіи. Столичное населеніе изъ сословія знатныхъ и именитыхъ горожанъ также довольно сжилось съ иконо-

---

[1]) Ibid. 88 стр. Раскаявшіеся епископы второй группы на соборѣ заявляли: «Мы согрѣшили предъ Богомъ и предъ церковію и предъ этимъ святымъ соборомъ, потому что по невѣжеству впали въ заблужденіе и не имѣемъ ничего въ свое оправданіе».

[2]) «Голосъ закона, пророковъ, апостоловъ и отцевъ вполнѣ убѣдилъ насъ, что истина и благочестіе требуютъ, чтобы въ церкви были святыя иконы, согласно преданному съ древнихъ времена отъ святыхъ апостоловъ обычаю. И мы убѣждены теперь въ этомъ», говорили покаевшіеся епископы. (Ibid. 88 стр.).

борческими традиціями. Однако и не въ томъ мощь иконоборческая заключалась. Императоры иконоборцы были хорошими военоначальниками. Они съумѣли привязать къ себѣ воиновъ и воспитать ихъ въ духѣ реформы. Войско византійское рѣшительно симпатизировало иконоборческимъ идеямъ. Оно-то и стало теперь во главѣ оппозиціи императрицѣ и патріарху. Къ нему примкнули и другіе недовольные перемѣнами. Во всякомъ случаѣ иконоборцы представляли изъ себя силу, съ которой пришлось вести счеты.

Въ столицѣ было многолюдно. Прибыло не мало званныхъ гостей. Не всѣ вели себя спокойно. „Многіе изъ епископовъ, погрязшіе въ ереси христіанообвинителей, вмѣстѣ со многими изъ мірянъ, злоумышляли не допускать того, чтобы состоялся соборъ, но плотно стоять за низверженіе и порицаніе честныхъ иконъ. Они дѣлали не мало сходокъ и заговоровъ противъ патріарха, такъ что составлялись даже большія противозаконныя сборища“ [1]). Патріархъ Тарасій скоро прекратилъ незаконныя дѣянія иконоборческихъ епископовъ. Онъ объявилъ имъ, что безъ благословенія мѣстнаго епископа они не имѣютъ права собирать собраній, а иначе, по правиламъ, подлежатъ отлученію. Епископы присмирѣли. Тѣмъ временемъ императрица съ сыномъ возвратилась изъ поѣздки во Ѳракію и указала мѣсто для предположеннаго собора въ храмѣ Святыхъ Апостоловъ. Назначенъ былъ день. Наканунѣ его войско произвело возмущеніе. Воины вторглись въ крещальню храма и неистово кричали: „не быть собору!“ Однако, императрица не отмѣнила дня. На утро епископы собрались. Соборъ объявленъ былъ открытымъ. Патріархъ Тарасій произнесъ рѣчь. Прочитаны были „соборныя опредѣленія о томъ, что вселенскій соборъ никогда не долженъ быть созываемъ безъ согласія прочихъ святѣйшихъ патріарховъ“ [2]). Ясно, къ чему это направлялось. Соборъ 754 года оказывался лжесобором. Не успѣли сдѣлать вывода, какъ послышался шумъ внѣ храма. Это кричали воины. Они угро-

---

[1]) Дѣян. VII всел. соб. 60 стр.

[2]) Ibid. 61 стр.

жали отцамъ собора. Патріархъ послалъ сказать императрицѣ о случившемся. Ирина посовѣтовала отцамъ разойтись до болѣе благопріятнаго времени. Воины, вдоволь накричавшись, разошлись, и порядокъ былъ возстановленъ [1]). „Тогда подъ предлогомъ непріятельскаго движенія, точнѣе: пустивъ молву что народъ агарянскій выступаетъ, съ враждебною цѣлію, императоры издали повелѣніе, чтобы войска двинулись въ походъ“ [2]). Сборы были не долги, ибо въ дѣйствительности никакой войны не предвидѣлось. Но какъ бы то ни было, буйные элементы изъ столицы были выведены. „Послѣ такихъ событій церковь цѣлый годъ наслаждалась покоемъ“ [3]). Такъ какъ неизвѣстно было, когда состоится предположенный соборъ, то и іерархи, собравшіеся въ столицу, особенно изъ ближайшихъ мѣстъ, отбыли въ свои мѣста. Даже послы римскаго патріарха покинули гостепріимную столицу Византіи [4]). Но не патріархъ Тарасій, ни императрица Ирина не оставляли мысли о соборѣ. Теперь то ясно стало, что поторопились съ этимъ великимъ дѣломъ, не заручившись надлежащими мѣрами предосторожности. Цѣлый годъ употребленъ былъ на подготовку. „Патріархъ всѣмъ проповѣдывалъ слово истины“ [5]). Біографъ Тарасія точнѣе опредѣляетъ характеръ проповѣди его. „Къ прежнимъ трудамъ (т. е. по управленію, устройству богоугодныхъ заведеній и пр.) онъ присоединилъ заботу объ изысканіи доказательствъ (иконопочитанія) изъ Священнаго Писанія и святоотеческихъ твореній“ [6]). Патріархъ не оставилъ по себѣ записи своихъ работъ. Но несомнѣнно, благодаря этимъ спеціальнымъ занятіямъ его, сводъ доказательствъ изъ Свящ. Писанія и Преданія значительно облегчался на Никейскомъ соборѣ. Патріархъ зналъ, что предложить вниманію отцовъ. Послѣдніе и отъ себя многое привносили, какъ увидимъ; но несомнѣнно, главное руководство принадлежитъ патріарху Тарасію

---

[1]) Vita Tarasii 207 p. 9 стр. ср. Дѣян. VII, 60—62 стр.
[2]) Дѣян. VII. 62 стр.
[3]) Ibid.
[4]) Hefele B. III, 457. S.
[5]) Дѣян. VII. 62 стр.
[6]) Vita Tarasii 207 p. 10 стр.

не только какъ предсѣдателю собора, но и какъ человѣку свѣдущему въ обсуждаемомъ вопросѣ.

„Какъ только прошелъ годъ, благочестивые императоры снова издали повелѣніе, чтобы былъ созванъ соборъ въ митрополіи никейской“ [1]). Уполномоченные римскаго патріарха были возвращены съ пути изъ Сициліи [2]). Представители восточныхъ каѳедръ вѣроятно и не оставляли столицы въ ожиданіи собора. Епископовъ константинопольскаго патріархата собрать было не трудно. Всего на лицо членовъ предположеннаго собора оказалось свыше трехъ сотъ [3]). Представителями государственной власти были: патрицій Петрона и логоѳетъ Іоаннъ. Кромѣ того приглашены были на засѣданія собора почетные настоятели монастырей съ иноками [4]). Словомъ, совнѣ соборъ обставленъ былъ блестяще [5]).

По своимъ убѣжденіямъ члены собора раздѣлялись на

---

[1]) Дѣян. 62 стр.

[2]) Hefele, cit loc.

[3]) Число членовъ собора колебалось между 330 и 367.

[4]) Болѣе извѣстными изъ иноковъ были: Савва, игуменъ Студійскій и Платонъ, игуменъ новой обители Саккудіонъ. Всѣхъ иноковъ, присутствовавшихъ на соборѣ, было до 131 (столько подписей игуменовъ или ихъ представителей). Никогда прежде на соборахъ не появлялось такого числа монаховъ. Теперь приглашеніе ихъ оправдывалось нравственною необходимостію, ибо иноки были главными защитниками почитанія иконъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что игумены не были полноправными членами собора. Они и сами это сознавали, и приступили къ подачѣ голосовъ только по настоянію предсѣдателя.

[5]) Кажется, не нужно бы и возбуждать вопроса о предсѣдателѣ собора. Такъ это ясно изъ самыхъ дѣяній собора. Между тѣмъ латинскіе писатели стараются предсѣдательское кресло замѣстить папскими легатами. Основаніе для претензіи заключается въ томъ, что легаты подписываются подъ дѣяніями первыми, а за ними уже патріархъ Тарасій. Но издавна первенство чести отдавалось римскому патріарху. На востокѣ это было традиціей. И теперь на седьмомъ соборѣ не было резона отмѣнять обычай. Но дѣлать изъ порядка подписей какіе либо выводы слишкомъ смѣло, чтобы не сказать болѣе. Въ «Дѣяніяхъ» есть одно замѣчательное мѣсто, въ которомъ прямо предсѣдателемъ собора называется патріархъ Тарасій. На первомъ засѣданіи почтеннѣйшіе епископы острова Сициліи сказали: «считаемъ вполнѣ приличнымъ этому святому и вселенскому собору и достойнымъ его дѣломъ, чтобы *предсѣдатель*, святѣйшій архіепископъ царствующаго Константинополя, новаго Рима, сдѣлалъ приличный приступъ»... Святый соборъ сказалъ: «пусть будетъ согласно требованію святѣйшихъ епископовъ». И патріархъ Тарасій начинаетъ рѣчь. (Дѣяній 71 стр).

группы. Между ними можно было найти крайнихъ противниковъ всего, что хотя сколько нибудь напоминало реформатскій характеръ. По отношенію къ иконоборцамъ члены этой партіи отличались нетерпимостію [1]). Даже къ тѣмъ изъ нихъ, которые приносили покаяніе, они готовы были примѣнять суровыя мѣры наказанія. Извѣстно, что съ перваго же засѣданія собора нѣкоторые иноки ушли, когда услышали рѣшеніе о принятіи въ общеніе, съ сохраненіемъ занимаемыхъ каѳедръ, нѣкоторыхъ иконоборческихъ епископовъ, принесшихъ покаяніе [2]). Характеристики ихъ воззрѣнія на иконы въ дѣяніяхъ собора нѣтъ. Можно думать, что по этому вопросу они были и оставались православными.

Противоположную крайность составляли иконоборческіе элементы. На соборѣ таковыхъ было не много. Извѣстно, что нѣкоторые епископы, зараженные ересью, принесли раскаяніе и были приняты въ общеніе. Первый классъ ихъ составляли епископы, виновные во временной приверженности къ иконоборству. Таковыми были: Василій еп. Анкирскій, Ѳеодоръ, еп. Мирскій и Ѳеодосій еп. Амморейскій. Второй классъ былъ нѣсколько многочисленнѣе перваго. Въ немъ насчитывалось до семи епископовъ во главѣ съ Ипатіемъ Никейскимъ. Всѣ эти епископы иконоборческіе повинны были въ незаконныхъ сборищахъ для противодѣйствія предположенному въ столицѣ собору. Совершенно одинокимъ былъ Григорій еп. Неокесарійскій, обвинявшійся кромѣ привязанности къ иконоборству еще въ жестокостяхъ по отношенію къ иконопочитателямъ [3]).

[1]) Одинъ изъ членовъ собора такъ отзывался объ иконоборцахъ: «Эта ересь есть зло худшее всѣхъ ересей. Горе иконоборцамъ! Ихъ ересь хуже всѣхъ»... Ср. отзывъ преп. Ѳеодора Студита: «Нѣтъ ни одной ереси изъ зарождавшихся въ церкви хуже этой иконоборческой ереси». (письмо 81, 222 стр.).

[2]) Дѣян. VII, 112 стр.

[3]) При принятіи второй и третьей группы раскаявшихся епископовъ для отцовъ собора встрѣтилось затрудненіе. Потребовалось основательно изслѣдовать, возможно-ли принять ихъ съ сохраненіемъ сана? Основы для благопріятнаго рѣшенія были приведены слѣдующія: Правило св. апостоловъ 52-е; Никейскаго 1-го собора прав. 8-е; Ефесскаго собора прав. 3-е. Изъ писемъ св. Василія Великаго къ Амфилохію къ Евесіанамъ къ западнымъ и къ консулу Терентію; опредѣленіе третьяго вселенскаго собора про-

Болѣе численною партіей на соборѣ были православные съ умѣренными воззрѣніями. Во главѣ ихъ стоялъ патріархъ Тарасій. Онъ не былъ врагомъ реформы, но умѣлъ отдѣлить въ ней хорошее отъ дурнаго. Другъ и защитникъ почитанія иконъ, Тарасій чуждъ былъ крайностей и совсѣмъ не заражень духомъ нетерпимости. Даже болѣе, повидимому онъ держался не совсѣмъ правильнаго представленія относительно способовъ выраженія почтенія иконамъ. Уже на самомъ соборѣ Тарасій обнаружилъ это, когда пашла рѣчь о томъ, какъ понимать и какъ выражать почитаніе иконъ. Онъ считалъ ихъ только священными на равнѣ съ сосудами. „Честныя иконы сопричисляются къ святымъ сосудамъ“, говорилъ Тарасій на соборѣ [1]). Мнѣніе его не принято, и онъ отказался отъ него.

Среди членовъ собора повидимому были и такіе, которые готовы были принимать иконы, поставлять ихъ въ храмахъ и домахъ „для одного только напоминанія“, но не почитать ихъ [2]). Словомъ, различіе во мнѣніяхъ до соборныхъ засѣданій было замѣтное. Собору предстояло обсудить вопросъ объ иконахъ съ разныхъ сторонъ и прінти къ единомысленному рѣшенію. Безъ свободнаго изслѣдованія этого не возможно было достигнуть. Конечно, поэтому-то въ началѣ соборныхъ разсужденій отъ лица императрицы заявлялось: „Каждому изъ васъ мы даемъ право, безъ всякаго опасенія, говорить все, что пожелаетъ, чтобы изслѣдованіе дѣла могло производиться какъ можно тщательнѣе и чтобы истина была выяснена безъ всякаго принужденія“ [3]).

тивъ мессаліанъ; Изъ письма св. Кирилла Александрійскаго къ діакону Максиму; его же письма къ архимандриту Геннадію; изъ посланія св. Аѳанасія Великаго къ Руфиніану и другіе историческіе документы. Всѣ эти данныя помогли благопріятно разрѣшить недоумѣніе, и раскаявшіеся епископы были приняты въ общеніе съ сохраненіемъ степеней священства и занимаемыхъ ими каѳедръ (Дѣян. 1-е и 2-е седьм. всел. соб.).

[1]) Дѣян. VII, 265 стр. [2]) Ibid. 579 стр. [3]) Ibid. 75 стр.

IV.

Соборное опредѣленіе о почитаніи честныхъ иконъ. Основы для него: изъ Свящ. Писанія; изъ Свящ. Преданія; изъ догматическаго ученія о лицѣ Господа нашего Іисуса Христа и изъ идеи полезности иконъ для религіозно-нравственныхъ цѣлей и философскихъ доводовъ. Каноническія правила отцовъ седьмаго вселенскаго Собора. Дѣянія Собора какъ историческій памятникъ для характеристики отношеній восточной церкви къ западной.

Мы не станемъ излагать дѣянія собора въ послѣдовательномъ порядкѣ. Для насъ важна другая сторона дѣла. Соборъ узаконилъ почитаніе иконъ. На всѣ времена и для всѣхъ православныхъ христіанъ онъ постановилъ: „Мы, шествующіе царскимъ путемъ и слѣдующіе божественному ученію святыхъ отцевъ нашихъ и преданію каѳолической Церкви,—ибо знаемъ, что въ ней обитаетъ Духъ Святый,—со всякимъ тщаніемъ и осмотрительностію опредѣляемъ, чтобы святыя и честныя иконы предлагались (для поклоненія) точно также, какъ и изображеніе честнаго и животворящаго креста, будутъ ли онѣ сдѣланы изъ красокъ или (мозаическихъ) плиточекъ или изъ какого-либо другаго вещества, только бы сдѣланы были приличнымъ образомъ, и будутъ ли находиться во святыхъ церквахъ Божіихъ на священныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и на дощечкахъ, или въ домахъ и при дорогахъ, а равно будутъ ли это иконы Господа и Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, или непорочной Владычицы нашей Богородицы, или честныхъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ и праведныхъ мужей.—Чѣмъ чаще при помощи иконъ они дѣ-

лаются предметомъ нашего созерцанія, тѣмъ болѣе взирающіе на эти иконы возбуждаются къ воспоминанію о самыхъ первообразахъ, пріобрѣтаютъ болѣе любви къ нимъ и получаютъ болѣе побужденій воздавать имъ лобызаніе, почитаніе и поклоненіе, но никакъ не то истинное служеніе, которое, по вѣрѣ нашей, приличествуетъ одному только божественному естеству. Они возбуждаются приносить иконамъ ѳиміамъ въ честь ихъ и освѣщать ихъ, подобно тому, какъ дѣлаютъ это и въ честь изображенія честнаго и животворящаго креста, святыхъ ангеловъ и другихъ священныхъ приношеній и какъ, по благочестивому стремленію, дѣлалось это обыкновенно и въ древности; потому что честь, воздаваемая иконѣ, относится къ ея первообразу и поклоняющійся иконѣ покланяется ѵпостаси изображеннаго на ней“ [1]). Таково вѣроопредѣленіе отцовъ седьмаго вселенскаго Собора. Оно представляетъ собою выводъ и заключеніе изъ соборныхъ дѣяній. Для насъ особенный интересъ имѣютъ тѣ основы, на которыхъ покоится это опредѣленіе. Какъ и слѣдовало ожидать, отцы собора засвидѣтельствовали, что почитаніе иконъ имѣетъ за себя авторитетъ Священнаго Писанія, Священнаго Преданія и оправдывается требованіями разума. Отсюда, и основы иконопочитанія по Дѣяніямъ Собора сводятся къ слѣдующимъ: а) Изъ Священнаго Писанія, б) Священнаго Преданія, в) изъ догматическаго ученія церкви о Лицѣ Господа нашего Іисуса Христа, и г) изъ идеи полезности иконъ и изъ философскихъ доводовъ.

А) Свидѣтельства въ защиту иконопочитанія изъ Священнаго Писанія читались въ началѣ четвертаго засѣданія. На этотъ разъ ихъ приведено было немного. Было прочитано изъ книги Исхода: *И рече Господь къ Моисею: да сотвориши очистилище покровъ отъ злата чиста: двою лактій и полъ въ долготу, лактя же и полъ въ широту. И сотвориши два херувима злата изваянна, и возложиши я отъ обоихъ странъ очистилища. Да сотворятся херувимы, единъ отъ страны сея: и другій отъ страны другія очистилища: и сотвориши два херувима на обоихъ странахъ: Да будутъ*

[1]) Дѣян VII, 592—593 стр.

херувимы распростирающе крила верху, сосѣняюще крилами своими надъ очистилищемъ, и лица ихъ другъ къ другу, на очистилище будутъ лица херувимска. И да возложиши очистилище на кивотъ верху, и въ кивотъ да вложиши свидѣнія, яже дамъ тебѣ. И познанъ буду тебѣ оттуду, и возглаголю тебѣ съ верху очистилища между двѣма херувимы, яже суть надъ кивотомъ свидѣнія, и по всѣмъ елика аще заповѣмъ тебѣ къ сынамъ израилевымъ (25, 1, 17—22).

Изъ книги Числъ: *Сіе обновленіе олтаря, по исполненіи рукъ его, и по помазаніи его. Егда вхождаше Моисей въ скинію свидѣнія, глаголати ему, и услыша гласъ Господа глаголюща къ нему свыше очистилища, еже есть надъ ковчегомъ свидѣнія между двѣма херувимы: и глаголаша къ нему* (7, 88—89).

Изъ книги пророка Іезекіиля: *И введе мя въ храмъ... Храмъ же, и яже близъ его, устлана древомъ окрестъ, и помостъ, и отъ помоста до оконъ: окна же отворяемы трояко на приницаніе, и даже до дому внутренняго, и до внѣшняго, и на всей стѣнѣ окрестъ внутренней и внѣшней мѣры, и изваяніи херувими, и финики: финикъ посредъ херувима и херувима: два лица херувиму, лице человѣческо къ финику сюду и сюду, и лице львово къ финику сюду и сюду: изваянъ весь храмъ окрестъ. Отъ помоста даже до свода херувими* (44, 1, 16—20).

Изъ посланія Св. Апостола Павла къ Евреямъ: *Имѣяше убо первая скинія оправданія службы, святое же людское. Скинія бо сооружена бысть первая, въ нейже свѣтильникъ и трапеза и предложеніе яже глаголется хлѣбовъ, святая. По второй же завѣсь скинія глаголемая, святая святыхъ злату имущи кадильницу, и ковчегъ завѣта окованъ всюду златомъ: въ немже стамна злата, имущая манну и жезлъ Аароновъ прозябшій, и скрижали завѣта. Превыше же его херувими славы, оспѣняющіи (очистилище) олтарь* (9, 1—5) [1].

Вотъ и всѣ тѣ свидѣтельства отъ Священнаго Писанія, которыми, повидимому, удовольствовались отцы собора. Послѣ

[1]) Дѣяній 229—231 стр.

того, какъ прочитаны были эти свидѣтельства, патріархъ Тарасій, какъ предсѣдатель собора, предлагаетъ на обсужденіе слѣдующую мысль: „Священные мужи! мы имѣли случай видѣть, что въ ветхомъ Завѣтѣ были божественныя изображенія, херувимы славы, осѣняющіе очистилище; оттуда заимствовалъ ихъ и новый Завѣтъ“. Отцы собора одобряютъ выводъ предсѣдателя. „Да, владыко, это правда“, говорятъ они. Патріархъ проводитъ параллель далѣе. „Если ветхій Завѣтъ имѣлъ херувимовъ, осѣняющихъ очистилище; то и мы будемъ имѣть иконы Господа нашего Іисуса Христа, Святой Богородицы и святыхъ Его, осѣняющіе (святилище) олтарь“. „Воистину это — учрежденіе Божіе“, замѣтили сановники на слова патріарха [1]). Тѣмъ и закончилось разсужденіе о законности иконопочитанія на почвѣ свидѣтельствъ Свящ. Писанія. Очевидно, свидѣтельствъ приведено мало, свидѣтельства хотя и характерны, но оставлены безъ надлежащаго выясненія. Что же значитъ это? Первостепенный по важности источникъ отцы какъ будто оставили въ тѣни. Если враги иконъ черпали доводы изъ Писанія, то и защитникамъ надлежало бы обслѣдовать эту почву основательнѣе. Повидимому, этого не сдѣлано. Но именно только повидимому, а въ дѣйствительности вопросъ объ иконахъ на почвѣ Свящ. Писанія разработанъ обстоятельно и полно въ тѣхъ многочисленныхъ свидѣтельствахъ изъ святоотеческой письменности, которыя читались на соборѣ. Отцамъ седьмаго вселенскаго Собора оставалось только взять готовое и вывести свои заключенія. Для насъ важно разсмотрѣть аргументацію изъ Свящ. Писанія отдѣльныхъ церковныхъ писателей, которые разсуждали о почитаніи иконъ и удостоены были вниманія со стороны отцовъ седьмаго Собора.

Доводы изъ Свящ. Писанія въ пользу почитанія иконъ собраны у Леонтія, епископа Неаполя Кипрскаго въ сочиненіи его противъ іудеевъ и о святыхъ иконахъ. Вотъ что пишетъ этотъ епископъ: „Преданіе объ иконахъ есть законное преданіе. Послушай, что говоритъ Богъ Моисею: *сотвориши*

---

[1]) Дѣян. 251 стр.

два херувима злата изваяна, осьняюща надъ очистилищемъ (Исх. 25, 18 и 20). И опять относительно храма, показаннаго Богомъ Іезекіилю, сказано: *лица финиковъ, и львовъ и людей и херувимовъ отъ помоста даже до свода* (Іезек. 41, 18—19). Поистинѣ страшно слово, заповѣдывавшее Израилю не дѣлать никакого изваянія, ни образа и подобія того, что на небѣ и что на землѣ; но самъ же Богъ повелѣваетъ Моисею дѣлать изваянныхъ животныхъ и херувимовъ; Онъ же и Іезекіилю показалъ храмъ, наполненный изображеніями и подобіями львовъ, финиковъ и людей. Поэтому-то и Соломонъ, взявъ типъ храма изъ закона, наполнилъ его (храмъ) мѣдными, изваянными и литыми львами, волами, финиками и людьми и не былъ за это осужденъ Богомъ. Итакъ, если ты хочешь осуждать меня за иконы; то осуди и Бога, повелѣвшаго все это дѣлать для воспоминанія о Немъ". Конечно, авторъ предвидитъ возраженіе, что въ ветхомъ Завѣтѣ этимъ изображеніямъ не покланялись, какъ богамъ. „И мы, продолжаетъ онъ, не воздаемъ божескаго поклоненія картинамъ, иконамъ и изображеніямъ святыхъ. Если бы дереву иконы поклонялись, какъ Богу, то непремѣнно слѣдовало бы поклоняться и остальнымъ деревамъ; потому что еслибы поклонялись дереву иконы, то иконы не слѣдовало бы сожигать и тогда, когда на ней совершенно уничтожится изображеніе. И еще: пока два куска дерева, составляющіе крестъ, сложены крестообразно, до тѣхъ поръ я покланяюсь этому образу ради распятаго на немъ Христа; а когда они отдѣлены другъ отъ друга, я бросаю ихъ и сожигаю". „Если же ты упрекаешь меня, что я древу креста поклоняюсь, какъ Богу, то почему ты не упрекаешь Іакова, поклонившагося на верхъ жезла Іосифова (Евр. 11, 21)? Очевидно, что онъ поклонился, смотря не на дерево, но чрезъ дерево на Іосифа. Такъ и мы чрезъ крестъ взираемъ на Христа. И Авраамъ поклонился продавшимъ ему мѣсто для погребенія жены Сарры (Быт. 23, 7, 12), хотя они были люди нечестивые, и преклонилъ колѣна на землю; но онъ поклонился имъ, не какъ богамъ. Іаковъ изрекъ благословеніе Фараону, человѣку нечестивому и идолопоклоннику; но онъ изрекъ благословеніе не какъ Богу. Онъ же падши покло-

пился Исаву, но не такъ, какъ Богу". Это мало еще. Авторъ указываетъ прямую заповѣдь Божію о поклоненіи творенію. Псалмопѣвецъ Давидъ взываетъ: *возносите Господа Бога нашего и поклоняйтеся подножію ногу Его, яко свято есть и поклоняйтеся въ горѣ Святый Его.* Что-же есть подножіе ногъ Божіихъ? Самъ Богъ указываетъ: *Небо престолъ Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ* (Ис. 66, 1). Посредствомъ тварнаго, мы приносимъ поклоненіе и почитаніе единому Владыкѣ и Творцу [1]). Къ тому же и твореніе по волѣ Творца иногда совершаетъ чудеса. „Богъ сотворилъ много чудесъ посредствомъ дерева. Онъ далъ названіе древа жизни и древа познанія; Онъ же назвалъ другой садъ именемъ *Савекъ* и являетъ его садомъ помилованія (Быт. 22, 13). Затѣмъ Онъ жезломъ покрылъ Фараона (въ морѣ), разсѣкъ море, усладилъ воду, вознесъ змія, разсѣкъ камень, извелъ воду, древомъ, прозябшимъ въ скиніи, утвердилъ священство за Ааропомъ. Соломонъ говоритъ: благословенно древо, имже бываетъ правда (Прем. Сол. 14, 7). Елисей, бросивъ древо во Іорданъ, извлекъ оттуда на немъ желѣзо (4 Цар. 6, 6), какъ бы въ прообразъ изведенія Адама изъ ада. Онъ также повелѣваетъ (4 Цар. 4, 29) отроку своему жезломъ воскресить сына Соманитяныни. Неужели Богъ, сотворившій столько чудесъ посредствомъ дерева, не можетъ творить чудесъ и посредствомъ честнаго древа святаго креста? Если нечестиво почитать кости, то какъ же со всѣми почестями перенесли кости Іосифа изъ Египта? Какимъ образомъ мертвый человѣкъ, коснувшись къ костямъ Елисѣя, воскресъ?.. Вотъ и Авраамъ не допустилъ погребсти тѣло Сарры въ чужой гробницѣ, но чести ради похоронилъ ее въ собственномъ гробѣ (Быт. 23). И Іаковъ почитаетъ Бога посредствомъ камня, поставивши его и помазавши во образъ Христа, краеугольнаго камня (Быт. 28). Тотъ же Іаковъ холмъ камней на-

---

[1]) Авторъ обосновываетъ мысль о почитаніи святыхъ на словахъ Писанія, сказанныхъ Самимъ Богомъ: *яко вселюся въ нихъ и похожду* (Лев. 26, 12, ср. 2 Кор. 6, 16). «Образъ Божій есть человѣкъ, созданный по образу Божію, въ особенности же содѣлавшійся жилищемъ Духа Святаго. Итакъ, и справедливо почитаю икону рабовъ Божіихъ и поклоняюсь ей и прославляю домъ Духа Святаго». (Дѣян. 275 стр.).

звалъ свидѣтелемъ между собою и Лаваномъ (Быт. 31). Тоже засвидѣтельствовалъ и Іисусъ Навинъ, поставивъ двѣнадцать камней въ напоминаніе о Богѣ". Въ храмѣ іудейскомъ допущены были изображенія въ напоминаніе о Богѣ и въ славу Его (херувимы). Моисей сдѣлалъ ихъ по повелѣнію Божію. Но Соломонъ допустилъ нѣчто и такое, чего Богъ и не заповѣдалъ и чего не имѣла скинія свидѣнія. Однако Богъ не поставилъ этого ему въ вину, ибо онъ сдѣлалъ изображенія во славу Божію. „Были у тебя, іудей и нѣкоторыя другія вещи въ воспоминаніе и во славу Божію, а именно: жезлъ Ааронов, богопачертанныя скрижали, несгараемая купина, сухой камень, источившій воду, стамна, заключавшая манну, кивотъ, жертвенникъ, дщица съ именами Божіими, напоминавшій о Богѣ эфудъ, богообитаемая скинія. Ахъ, если бы и ты прежде былъ усерднымъ почитателемъ этихъ предметовъ, призывалъ Бога, Который выше всего, и получалъ напоминаніе объ Немъ посредствомъ этихъ малыхъ прообразовъ... Ахъ, если бы ты дѣлалъ изображенія, указанныя Моисеемъ и пророками и такимъ образомъ каждый день поклонялся Господу и Владыкѣ ихъ. Какъ ты не стыдишься, вооружаясь противъ меня и нанося клеветы иконамъ и кресту, когда и Авраамъ поклонился идолопоклонникамъ, и Моисей поклонился идолопоклоннику Іоѳору, Іаковъ Фараону, Даніилъ Новуходоносору? Если эти мужи, будучи пророками и праведниками, ради нѣкоторыхъ благодѣяній, кланялись до земли этимъ идолопоклонникамъ; то это не оправдываетъ ли меня тѣмъ болѣе, что я поклоняюсь кресту и изображеніямъ святыхъ, посредствомъ коихъ получаю отъ Бога тысячи благодѣяній. Благоговѣющій предъ царемъ не относится безъ почестей къ его сыну; и благоговѣющій предъ Богомъ всячески уважаетъ и почитаетъ, какъ Сына Божія, Христа Бога нашего, и образъ креста Его и изображенія святыхъ Его, и поклоняется имъ" [1]). Этимъ и заканчивается выдержка изъ апологіи Леонтія. Онъ велъ бесѣду съ іудеемъ. Для послѣдняго авторитетны только доводы изъ Пи-

[1]) Дѣян. VII, 268—280 стр.

санія ветхаго Завѣта. Апологетъ, стоя исключительно на этой почвѣ, освѣщаетъ событія и факты ветхозавѣтнаго домостроительства съ такой точки зрѣнія, что они являются благопріятствующими иконопочитанію. Несмотря на строгое запрещеніе изображеній и подобій, Самъ Господь повелѣлъ устроить скинію свидѣнія, наполнить ее предметами въ честь и славу Свою. Такимъ образомъ сотворенное руками людей стало священнымъ, святымъ и поклоняемымъ. Соломоновъ храмъ весь украшенъ былъ изображеніями, и Господь Богъ явилъ въ немъ славу Свою. Да и кромѣ храма сколько священныхъ предметовъ было въ ветхомъ Завѣтѣ, чрезъ которые совершалось поклоненіе Единому Богу? Сколько святыхъ мужей воздавали поклоненіе, какъ знакъ почтенія, людямъ, даже грѣшнымъ? Наконецъ, Самъ Богъ заповѣдуетъ поклоненіе подножію ногъ Его. Словомъ, ветхій Завѣтъ даетъ апологету матеріалъ къ обоснованію той мысли, что чрезъ твореніе воздавать честь Творцу было обычнымъ дѣломъ у евреевъ. Въ христіанской церкви принято поставлять иконы въ честь Господа и Его святыхъ и такимъ образомъ чрезъ матеріальное и тварное воздавать поклоненіе Единому Богу во святыхъ.

Въ томъ же духѣ приводятся свидѣтельства Писанія и въ посланіи Григорія, папы Римскаго, къ Герману, патріарху Константинопольскому. „Для богобоязненныхъ христіанъ предметомъ поклоненія служитъ Господь. Если же кто, подобно іудеямъ увлекаясь страстію къ обвиненію, будетъ примѣнять къ нимъ то, что въ древности было провозглашаемо противъ идолопоклонниковъ и будетъ приписывать идолослуженіе нашей церкви изъ за того, что она, при содѣйствіи честныхъ иконъ, божественнымъ и чуднымъ образомъ приводитъ насъ къ совершенству; то пусть онъ считается ничѣмъ инымъ, какъ лающею собакою, пусть будетъ отброшенъ далеко, какъ бы камень пращею, и пусть послушаетъ, что сказано іудею: о если бы видимые знаки, которыми былъ руководимъ израиль, приводили его къ поклоненію Богу! О если бы посредствомъ образнаго приходилъ онъ къ мысли о Создателѣ и не почиталъ тельца выше скрижалей завѣта. О если-бы онъ болѣе стремился къ священному жертвеннику, а не къ телицамъ

самарійскимъ. О если-бы онъ болѣе внималъ жезлу Аарона, а не Астартѣ. Хорошо было-бы для него и справедливо цѣловать одождившій божественнымъ дождемъ камень, а не Ваала. О если-бы онъ болѣе устремлялъ свои взоры на жезлъ Моисеевъ, на стамну золотую, на кивотъ, на очистилище, на эфудъ, на трапезу, на скинію, какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю! Все это, содѣланное во славу Божію, хотя и было рукотвореннымъ, но называлось святымъ святыхъ. О если-бы онъ обращалъ свои взоры на изваянныхъ херувимовъ, воспоминая о которыхъ, апостолъ говоритъ: *херувими славы осѣняющіи (очистилище) олтарь* (Евр. 9. 5) и которымъ писаніе приписываетъ божественную славу. Если бы онъ внялъ всему этому, то не поклонился бы идоламъ;—потому что всякое дѣло, совершенное во имя Господне, честно и свято“ [1]). Итакъ ветхій Завѣтъ даетъ основы для иконопочитанія.

Гораздо болѣе собрано изъ него доказательствъ въ пользу почитанія иконъ въ посланіи папы Адріана къ императрицѣ Ириніи [2]). Папа устанавливаетъ ту точку зрѣнія, что въ В. З. многіе праведные мужи по своему разумѣнію приносили въ честь и славу Божію вещественныя жертвы. И Господь милостиво принималъ ихъ, какъ пріятное Ему. „Авель, воспламеняемый Божественнымъ Духомъ, по собственному изволенію сердца принесъ Господу дары отъ первородныхъ стада своего. Объ немъ мы читаемъ, что Богъ призрѣлъ на Авеля и дары его. Затѣмъ и Ной, по окончаніи потопа, по высшему вдохновенію, самъ по своему произволенію и по чувству собственной изобрѣтательности создалъ алтарь Господу и на этомъ алтарѣ принесъ Господу жертву всесожженія отъ всѣхъ чистыхъ животныхъ и птицъ. Подобнымъ образомъ и Авраамъ, какъ написано, по собственному изволенію, устроилъ алтарь въ честь и славу явившагося ему Бога. Такъ же поступилъ Іаковъ, когда, убѣгая отъ Исава, брата своего, во снѣ видѣлъ ангеловъ Божіихъ, восходящихъ на небо и нисходящихъ съ неба по лѣствицѣ, и сверху лѣствицы говорившаго къ нему Господа:

[1]) Дѣян. VII, 323—321 стр.
[2]) Ibid. 127—151 стр.

возставъ отъ сна онъ тотчасъ, по собственному изволенію, взялъ камень, который былъ у него подъ головою *и поставиі его въ столпъ* (памятникъ) *и возліа елей верху его*, и назвалъ это мѣсто Веѳилемъ, говоря: *нѣсть сіе, но домъ Божій и сія врата небесная* (Быт. 28, 17). И всемогущій Богъ не прогнѣвался на него за то, что онъ, по своему желанію и усмотрѣнію, водрузилъ этотъ камень, какъ памятникъ. Немного далѣе въ исторіи Бытія разсказывается, что Богъ сказалъ ему: Я Богъ Веѳиля, гдѣ ты возложилъ елей на камень и далъ Мнѣ обѣтъ". Какой же можно сдѣлать выводъ изъ этихъ священныхъ повѣствованій? По собственному изволенію человѣкъ можетъ въ честь и славу Божію посвящать предметы тварные, и это Господомъ принимается, какъ пріятная жертва. Но можетъ ли быть это, посвященное Господу въ честь и славу Его, быть предметомъ почитанія? Можетъ и должно быть таковымъ. Моисею Господь заповѣдалъ устроить скинію и поставить въ ней херувимовъ (Исх. 25 гл.) и Самъ благоволилъ говорить среди этихъ рукотворенныхъ херувимовъ. Это было святое святыхъ. „Слѣдуетъ также для убѣжденія невѣрующихъ и исправленія заблуждающихъ, прибавить и то, что Богъ заповѣдалъ рабу Своему Моисею, говоря: *сотвори себѣ змію*... (Числъ 21, 8 и 9)... Мы вѣримъ, что израильскій народъ, при взглядѣ на мѣднаго змія, освобождался отъ постигавшаго его бѣдствія. Неужели, взирая на ликъ Христа Господа нашего и святыхъ, и почитая ихъ, мы будемъ сомнѣваться въ спасеніи? Не будемъ оказывать сочувствія такой безумной неразсудительности". Очевидно авторъ разумѣлъ неразсудительность иконоборцевъ, которые говорили, что иконопочитаніе есть идолослуженіе. Слѣдовательно, всѣ иконопочитатели, какъ идопоклонники, должны лишиться надежды на спасеніе. „Читаемъ также, продолжаетъ папа, что и Соломонъ царь въ построенномъ имъ храмѣ сдѣлалъ херувимовъ во славу Божію. а также раскрасилъ храмъ различными цвѣтами. Поэтому-то мы и всѣ православные, для прославленія вѣры нашей и для украшенія дома Божія, пользуемся разнообразіемъ цвѣтовъ и украшаемъ его живописными изображеніями. Пророкъ

Исаія, пророчествуя, говоритъ: *въ тотъ день будетъ жертвенникъ Господеви въ земли Египетстѣй, и столпъ въ предѣлахъ Его Господеви. И будетъ въ знаменіе во вѣкъ Господеви въ земли Египетстѣй: яко возопіютъ ко Господу на оскорбляющыя ихъ, и пошлетъ имъ Господь человѣка, иже спасетъ я, судяй спасетъ я* (Ис. 19, 19—20). И славный между пророками Давидъ воспѣваетъ, говоря: *исповѣданіе и красота предъ Нимъ* (Пс. 95, 6). И въ другомъ мѣстѣ: *Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего, и мѣсто селенія славы Твоея* (Пс. 25, 8). Возвѣщая пришествіе Искупителя нашего и воплощеніе Сына Божія, онъ убѣдительнымъ образомъ заповѣдуетъ поклоняться лику Его, въ память Его вочеловѣченія и домостроительства, говоря: *лица Твоего Господи взыщу* (Пс. 26, 8) и далѣе: *лицу твоему помолятся богатіи людстіи* (Пс. 44, 13), и опять: *знаменася на насъ свѣтъ лица твоего Господи*“ (Пс. 4, 7). Авторъ не дѣлаетъ выводовъ изъ собранныхъ имъ изреченій Свящ. Писанія В. Завѣта. Но мысль его совершенно понятна. Въ благолѣпіи храма и священныхъ украшеніяхъ его душа находитъ свое удовлетвореніе. Благолѣпіе потому и любилъ Давидъ и предъ Господомъ исповѣдалъ это. Подъ лицемъ Божіимъ онъ духомъ прозрѣвалъ человѣческій образъ воплотившагося Господа. Ему въ этомъ образѣ въ благолѣпныхъ храмахъ помолятся *богатіи людстіи*, его *взыщутъ*.

Въ разсмотрѣнныхъ нами свидѣтельствахъ основы для иконопочитанія черпаются изъ ветхаго Завѣта. Новый Завѣтъ даетъ менѣе данныхъ. Но нельзя сказать, что отцы собора не указывали на него. Мы видѣли, что они приспособили слова Апостола Павла изъ посланія его къ Евреямъ (9, 1—5). Одинъ изъ членовъ собора воспользовался изреченіемъ Ап. Павла (изъ посланія его къ Римлянамъ (15, 4): *елика преднаписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася.* „Эти святыя и досточтимыя иконы и живописныя картины и изображенія, дѣлаемыя на деревѣ, равно какъ и мозаическія, написаны въ наше наставленіе, въ образецъ намъ и для пробужденія въ насъ ревности къ подвигамъ святыхъ, чтобы и мы явились такимъ же образцемъ и проявили подвижниче-

скую ревность по Богѣ, чтобы и насъ Онъ удостоилъ жребія и части святыхъ и сдѣлалъ насъ наслѣдниками царствія своего“ [1]). Вотъ и все, что собрано изъ Священнаго Писанія въ защиту иконопочитанія. У такихъ писателей и защитниковъ иконъ, какъ преподобные Іоаннъ Дамаскинъ и Ѳеодоръ Студитъ, указывается болѣе мѣстъ благопріятныхъ. Отцы собора твореніями Іоанна не пользовались, хотя и знали и объ авторѣ и, вѣроятно, о произведеніяхъ его, [2]) а преп. Ѳеодоръ въ то время еще не выступалъ на поприще апологета. Но сколько бы ни удалось изыскать благопріятныхъ изреченій Свящ. Писанія, всѣ они имѣютъ характеръ относительный. Прямой заповѣди о почитаніи честныхъ иконъ въ Свящ. Писаніи нѣтъ, какъ равно нѣтъ и прямаго запрещенія. Однако иконоборцы, какъ и позднѣйшіе враги иконъ, приспособляли въ свое оправданіе также изреченія Свящ. Писанія. Извѣстно, что на соборѣ 754 года иконоборцы даже сгруппировали эти изреченія. Понятно, отцы седьмаго вселенскаго Собора не могли оставить безъ вниманія попытки иконоборцевъ найти основы для себя въ Свящ. Писаніи. Извѣстно, что на соборѣ одинъ изъ членовъ его, діаконъ Епифаній, читалъ подробное опроверженіе всѣхъ актовъ собора 754 года. Разобралъ онъ и тѣ изреченія Священ. Писанія, которыми надѣялись прикрыться иконоборцы. Изреченія эти слѣдующія: *Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. 4, 24), и еще: *Бога никтоже видѣ никогдаже* (Іоан. 1, 18) и: *ни гласа Его никогдаже слышасте, ни видѣнія Его видѣсте* (Іоан. 5, 37). Въ Евангеліи называются блаженными не видѣвшіе Бога, но вѣрующіе въ Него (Іоан. 20, 29). Сюда же отнесена и вторая заповѣдь закона Моисеева. Это первая группа изреченій, которыя, по мысли иконоборцевъ, будто бы свидѣтелуствуютъ противъ почитанія иконъ. Авторъ апологетической записки, діаконъ Епифаній, обращаетъ вниманіе на то, что ересеначальники всегда искали опоры для своихъ заблужденій въ Свящ. Писаніи.

[1]) Дѣян. 246 стр.
[2]) Ibid. 573 стр.

Такъ поступалъ и Арій и слѣдующіе за нимъ по времени еретики. „Нѣтъ ничего удивительнаго, если и эти еретики, держась своей пустой лжи, приводятъ намъ доказательства изъ Божественнаго Писанія, потому что дѣлать это они научились у своихъ учителей. Изреченія, сказанныя о невидимомъ и непостижимомъ божествѣ, они примѣнили къ домостроительству воплощенія единаго отъ Святой Троицы, Господа нашего Іисуса Христа. Кто изъ здравомыслящихъ не знаетъ, что выраженіе: *Бога ни ктоже видѣ никтдѣже* написано относительно божественнаго естества и что если выраженіе: *ни гласа Его (никтдѣ же) слышасте, ни видѣнія Его видѣсте*, кто-либо пойметъ относительно человѣчества, то онъ извратитъ все Евангеліе? Гдѣ мы помѣстимъ тогда изреченіе: „тогда Іисусъ глагола къ народомъ и ученикамъ своимъ“ (Мѳ. 23, 1), и: *рече Господь ко пришедшимъ къ Нему іудеомъ*, и: *рече Господь: горе вамъ книжницы и фарисее.* Или какъ мы поймемъ выраженіе: *отверзъ уста своя учаше ихъ* (Мѳ. 5, 2)? Очевидно, что эти выраженія относятся къ человѣчеству, тогда какъ выраженіе: *ни гласа Его слышасте, ни видѣнія Его видѣсте* относится къ Божественному существу. Такъ какъ Богъ Слово сдѣлался совершеннымъ человѣкомъ, то мы и голосъ Его слышали и образъ Его видѣли даже и послѣ воскресенія; ибо Онъ былъ осязаемъ (θомо) и являясь ученикамъ, говорилъ имъ о царствіи... Христіане не приносятъ поклоненія духомъ и истиною ни иконамъ, ни божественному образу креста, а также они никогда не дѣлали иконы невидимаго и непостижимаго естества; но такъ какъ Слово содѣлалось плотію и обитало между нами, то христіане и описываютъ и изображаютъ на иконахъ дѣла Его человѣческаго домостроительства. Они знаютъ, что Духъ есть Богъ и что кланяющіеся Ему должны поклоняться духомъ и истиною и потому на всякомъ мѣстѣ приносятъ Ему единому надъ всѣмъ Богу, въ Троицѣ воспѣваемому, согласное съ вѣрою служеніе и поклоненіе. Божественный образъ креста и честныя иконы мы съ любовію принимаемъ и почтительно поклоняемся имъ, будучи побуждаемы къ тому сильною любовію и усердіемъ къ ихъ первообразамъ“.

Иконоборцы указывали часто и на вторую заповѣдь закона Моисеева. Нашъ апологетъ негодуетъ на непониманіе смысла заповѣди, обнаруженное врагами иконъ. „Изреченія, сказанныя народу израильскому, который служилъ тельцу, и вкусилъ египетскаго заблужденія, они перенесли на божественное собраніе христіанъ. О если бы они поняли, что Богъ, намѣреваясь ввести іудеевъ въ землю обѣтованія, потому далъ имъ заповѣдь: *не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу* (Исх. 20, 4), что тамъ обитали идолопоклонники, поклонявшіеся и демонамъ, и солнцу, и лунѣ, и звѣздамъ и другимъ тварямъ, даже и птицамъ, и четвероногимъ, и гадамъ, только не поклонявшіеся Богу живому и истинному, и присовокупилъ: *да не поклонишися имъ, ни послужиши имъ*, для того, чтобы отклонить ихъ отъ идолопоклонства“. Когда же, по повелѣнію Господа, вѣрный рабъ его Моисей создалъ скинію свидѣнія, то сдѣлалъ человѣкообразныхъ херувимовъ“. Двумя способами Богъ привелъ ихъ къ боговѣдѣнію: съ одной стороны говоря—*Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши* (Мѳ. 4, 10: Втор. 6, 13), а съ другой, сдѣлавъ вылитыхъ изъ золота херувимовъ, осѣнявшихъ очистилище т. е. поклонявшихся Ему. Такимъ образомъ Онъ и чрезъ зрѣніе и чрезъ слухъ наводилъ іудеевъ на мысль, что они должны поклоняться Господу Богу и ему единому служить“.

Вторую группу изреченій, приведенныхъ иконоборцами, составляютъ мѣста изъ посланій св. Апостола Павла: *И измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка* (Римл. 1, 23) *и почтоша и послужиша твари паче Творца* (25 ст.). И опять: *Аще же и разумѣхомъ по плоти Христа, нынѣ къ тому не разумѣемъ* (2 Кор. 5, 15). *Вѣрою бо ходимъ, а не видѣніемъ* (ст. 8). *Тѣмъ же убо вѣра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божіимъ* (Римл. 10, 17). „Всякому очевидно, говоритъ нашъ апологетъ, что Апостолъ является преслѣдователемъ язычниковъ, когда говоритъ: *измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна чело-*

вѣка, потому что онъ присовокупляетъ: *и птицъ и четвероногъ и гадъ*. Но они съ коварною цѣлію урѣзали это мѣсто Писанія, чтобы такимъ образомъ ввести простодушныхъ въ заблужденіе, будто Апостолъ имѣетъ тутъ въ виду живописныя иконы церковныя, тогда какъ дальнѣйшія слова заключаютъ въ себѣ весьма ясное объясненіе текста, потому что тутъ упомянуто о птицахъ и четвероногихъ и гадахъ и о томъ, что язычники служили твари вмѣсто Творца". Послѣднюю мысль авторъ иллюстрируетъ примѣрами изъ исторіи языческихъ народовъ. Далѣе онъ уже спрашиваетъ враговъ иконъ о томъ времени, когда язычники осустились, прежде-ли, чѣмъ увѣровали во Христа, или послѣ? Отвѣтить на этотъ вопросъ трудно. Если сказать послѣ, то окажутся ложными предсказанія пророковъ о домостроительствѣ Христа Бога нашего. Если же язычники осуетились прежде пришествія Спасителя, то напрасно обвиненіе христіанъ, которые избавлены отъ идольскаго заблужденія. Что касается изреченій: *аще же и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ ктому не разумѣемъ. Вѣрою бо ходимъ, а не видѣніемъ*, то авторъ приводитъ толкованіе ихъ святыми отцами: Іоанномъ Златоустомъ и Кирилломъ Александрійскимъ. Первый говоритъ: „Апостолъ показываетъ, что Христосъ есть нашъ вождь; поэтому и присовокупилъ: *аще же и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ ктому не разумѣемъ*. Итакъ скажи мнѣ, что это значитъ? Неужели Онъ оставилъ плоть и нынѣ уже не пребываетъ съ плотію? Да не будетъ! Онъ и теперь во плоти; потому что этотъ же Іисусъ, вознесшійся на небо, пріидетъ такимъ же образомъ... Какимъ это такимъ же образомъ? во плоти, съ тѣломъ. Въ какомъ же смыслѣ говоритъ Апостолъ: *аще же и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ ктому не разумѣемъ?* Въ томъ, что если мы и знали Христа страждущимъ, то нынѣ уже не знаемъ. А что касается насъ, то жить по плоти значитъ быть во грѣхахъ, а не жить по плоти—не быть во грѣхахъ. По отношенію же ко Христу жизнь по плоти означаетъ участіе Его въ страданіяхъ, а именно: ощущеніе Имъ жажды, голода, утомленія и нужды во снѣ... Жизнь не по плоти по отношенію

къ Нему означаетъ то, что Онъ свободенъ и отъ этихъ страданій, а не то, что Онъ пребываетъ внѣ плоти, потому-что Онъ съ нею пріидетъ даже судить вселенную; причемъ плоть Его будетъ безстрастною и невредимою". Въ томъ же смыслѣ изъясняетъ изреченіе Апостола и святитель Кириллъ. Выраженіе: *вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ*, святитель Іоаннъ Златоустъ толкуетъ такъ: „Какъ бы кто не сказалъ: такъ что же? Что хочешь ты выразить, когда говоришь: *живуще въ тѣлѣ отходимъ отъ Господа* (2 Кор. 5, 6)? Значитъ, мы, живя здѣсь, дѣлаемся чужды Ему? Онъ предупредилъ такое неправильное пониманіе мысли, сказавши: *вѣрою бо ходимъ, а не видѣніемъ*, какъ бы такъ говоря: и здѣсь мы знаемъ Его, но не такъ ясно. Это онъ выражаетъ и въ другомъ мѣстѣ, говоря: *видимъ нынѣ яко зерцаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу*" (1 Кор. 13, 12). „Ясно, отъ себя прибавляетъ апологетъ, мы вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ, потому что здѣсь мы не видимъ Бога, но вѣруемъ въ Него. И о созданіяхъ Его мы вѣрою говоримъ, что они Имъ сотворены... Притомъ, видя стройное движеніе всего, мы приходимъ къ мысли о создавшемъ все премудромъ Богѣ". Этимъ и оканчиваетъ діаконъ Епифаній разборъ изреченій свящ. Писанія, которыми пользовались иконоборцы въ защиту своего заблужденія.

Что же дало Священное Писаніе ветхаго и новаго Завѣтовъ отцамъ собора по вопросу объ иконахъ? Увѣренность въ томъ, что почитаніе иконъ не запрещено Богомъ. Нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы содержалось указаніе на непозволительность почитанія иконъ. Пусть иконоборцы съ усиліемъ собираютъ подходящія, по ихъ мнѣнію, изреченія. Всѣ они и намека не даютъ на иконы и направлены не въ эту сторону. Но это отрицательная сторона вопроса. Положительная заключается въ томъ, что по даннымъ изъ Свящ. Писанія, Самъ Богъ благоволилъ открыть людямъ истину почитанія изображенія херувимовъ. Эту мысль въ широкихъ размѣрахъ осуществилъ Соломонъ въ устроенномъ имъ храмѣ. Христіанская церковь, по примѣру ветхозавѣтной освятила почитаніе иконъ. Употребленіе ихъ ни въ чемъ не противорѣчитъ Писанію. Это ясно предносилось сознанію

отцовъ седьмаго вселенскаго собора. Но свящ. Писаніе не даетъ многаго для выясненія подробностей относительно способовъ обнаруженія почитанія. Это восполняетъ Свящ. Преданіе. Отцы собора воспользовались имъ въ широкихъ размѣрахъ.

б) Чтеніе святоотеческихъ свидѣтельствъ выясняетъ древность почитанія иконъ. Кровоточивая женщина, исцѣлившись отъ недуга своего, сооружила въ честь Іисуса Христа статую [1]). Самъ Спаситель благоволилъ послать Авгарю, эдесскому князю нерукотворенное изображеніе Своего лика [2]). Свидѣтельствъ изъ втораго и третьяго вѣка нѣтъ [3]). Но за то изъ твореній отцевъ четвертаго вѣка приводятся они въ большемъ числѣ. Святитель Іоаннъ Златоустъ хвалитъ антіохійцевъ за любовь ихъ къ памяти св. Мелетія. Имя его „слышно было вездѣ и на улицахъ, и на торжищѣ, и на поляхъ, и на дорогахъ. Впрочемъ, не къ одному имени его вы питали такую привязанность, но и къ тѣлесному его образу; какъ вы поступали съ его именемъ, такъ вы поступали и съ его образомъ. Многіе начертывали этотъ образъ и на чашечкахъ и перстняхъ, и на печатяхъ, и на чашахъ брачныхъ чертоговъ, и на стѣнахъ и вездѣ, чтобы не только слышать это святое имя его, но и вездѣ видѣть тѣлесный образъ его и такимъ образомъ имѣть двойное утѣшеніе въ разлукѣ съ нимъ“. Въ другомъ словѣ Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „Я полюбилъ и залитую воскомъ картину, полную благочестія, потому что я видѣлъ на иконѣ ангела, поражающаго полчища варваровъ;

[1]) Свидѣтельство заимствуется изъ словъ Антипатра, епископа Бострійскаго. (Дѣян. 239 стр.).

[2]) Дѣян. 415 стр.

[3]) Несомнѣнно и въ формѣ символовъ и открыто существовали священныя изображенія и въ II и III вѣкахъ, но полнаго развитія иконопочитаніе не могло получить по слѣдующимъ причинамъ: Въ первоначальную церковь вступали члены изъ среды іудейской и языческой. Можно ли было этимъ младенцамъ въ религіозномъ отношеніи за одинъ разъ дать весь строго опредѣленный строй церковной жизни? Да къ тому же святая Церковь на первыхъ порахъ своего существованія подверглась гоненію со стороны іудеевъ и язычниковъ. Сколько бы честныхъ иконъ подверглось поруганію со стороны враговъ? Сколько бы несправедливыхъ нареканій выпало на долю христіанъ за иконопочитаніе? Наконецъ, послѣднимъ могла бы смущаться немощная совѣсть нѣкоторыхъ членовъ церкви изъ іудеевъ. (См. нашу книжку «Борьба за иконопочитаніе въ Византійской имперіи». М. 1890 г. 2 стр.).

я видѣлъ попранными племена варварскія и Давида справедливо говорящимъ: *Господи во градѣ твоемъ образъ ихъ уничижиши*“ (Пс. 72, 20) [1]). Святитель Григорій Нисскій подробно описываетъ изображеніе жертвоприношенія Авраамомъ сына своего Исаака и указываетъ то впечатлѣніе, которое производитъ изображеніе: „Нерѣдко видѣлъ я живописное изображеніе этого страданія, и никогда не проходилъ безъ слезъ мимо сего зрѣлища: такъ живо эту исторію представляетъ взору искусство“. [2]) Въ письмѣ къ императору Юліану отступнику Василій Великій, изложивъ кратко исповѣданіе христіанской вѣры, продолжаетъ: „Пріемлю и святыхъ апостоловъ, пророковъ и мучениковъ, которые возносятъ молитвы къ Богу и вѣрую, что по ихъ ходатайству человѣколюбивый Богъ изливаетъ свое милосердіе на меня и даруетъ оставленіе грѣховъ. Поэтому почитаю и изображенія ихъ на иконахъ и открыто покланяюсь имъ, потому что это предано святыми апостолами и не должно быть воспрещаемо. Поэтому во всѣхъ церквахъ своихъ мы изображаемъ исторію ихъ“ [3]). Изъ этихъ и другихъ многочисленныхъ свидѣтельствъ

---

[1]) Дѣян. 232—234 стр.

[2]) Ibid. 235 стр.

[3]) Ibid. 139 стр. ср. 299 стр. Святитель одобрительно отзывается объ искусствѣ живописцевъ. «Что повѣствовательное слово передаетъ чрезъ слухъ, то живопись показываетъ молча чрезъ подражаніе». Въ словѣ на день памяти мученика Варлаама онъ говоритъ: «Возстаньте теперь передо мною вы, славные живописатели подвижническихъ заслугъ! Добавьте своимъ искусствомъ это неполное изображеніе военачальника! Цвѣтами вашей мудрости освѣтите неясно представленнаго мною вѣнценосца! Пусть буду побѣжденъ вашимъ живописаніемъ доблестныхъ дѣлъ мученика; радъ буду признать надъ собою и нынѣ подобную побѣду вашей крѣпости. Посмотрю на эту точно изображенную вами борьбу руки съ огнемъ. Посмотрю на этого борца живѣе изображеннаго на вашей картинѣ. Да плачутъ демоны, и нынѣ поражаемые въ васъ доблестями мученика! Опять да будетъ показана имъ палимая и побѣждающая рука! Да будетъ изображенъ на картинѣ и подвигоположникъ въ борьбахъ Христосъ, Которому слава во вѣки вѣковъ» (305 стр.). Уполномоченные римскаго патріарха на соборѣ заявляли, что императоръ Константинъ Великій, построивши храмъ Спасителя въ Римѣ, по обѣимъ стѣнамъ его изобразилъ исторію ветхаго и новаго Завѣта, съ одной стороны Адама, исходящаго изъ рая, а съ другой разбойника, входящаго въ рай и прочее». (262 стр.). Другихъ свидѣтельствъ св. отцовъ мы не приводимъ. Ихъ очень много, и желающіе могутъ читать въ дѣяніяхъ (съ 232—418 стр.).

св. отцевъ, прочитанныхъ на соборѣ, становилась яснымъ, что съ IV вѣка иконы введены въ общее употребленіе. Ими украшали храмы, ихъ имѣли въ домахъ и на площадяхъ. Спрашивается, какъ могло случиться это, если иконопочитаніе не было апостольскимъ преданіемъ и было неизвѣстно въ первые три вѣка? Но отцы собора усмотрѣли и еще весьма важный признакъ законности иконопочитанія въ томъ, что съ первыхъ временъ христіанской церкви отъ святыхъ иконъ совершались чудеса. Это подтверждается многочисленными свидѣтельствами изъ святоотеческихъ твореній [1]).

Историческія справки изъ твореній святыхъ отцевъ даютъ отцамъ собора поводъ поставить вопросъ, какіе эпитеты должно прилагать къ иконамъ? Выслушавъ рѣчь святителя Іоанна Златоустаго о распространенности иконъ св. Мелетія, патріархъ Тарасій заявилъ: „И мы, запмствуя ученіе у отцевъ нашихъ, называемъ ихъ и честными, и святыми, и священными“ [2]). Когда было прочитано повѣствованіе Астерія, еп. Амасійскаго о мученицѣ Евфиміи, епископъ Константинъ заявилъ: „Тотъ же отецъ называетъ картину и священнымъ памятникомъ. Григорій Богословъ называетъ ее досточтимою иконою, Златоустъ—святою, а этотъ отецъ, котораго слово только что прочитано, священною. Что же можно еще возразить противъ этого?“ Ѳеодосій епископъ Амморейскій, обращаясь къ предсѣдателю, патріарху Тарасію, сказалъ: „Всесвятый и благочестивый владыка! мы и весь святый соборъ, выслушавъ ученіе святыхъ отцовъ нашихъ относительно священныхъ иконъ, вѣруемъ и исповѣдуемъ, что онѣ и священны и святы, а говорящій не такъ, да будетъ подъ анаѳемою“, на что весь соборъ отвѣтилъ: „да будетъ подъ

---

[1]) Изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ упомянемъ только о нѣкоторыхъ: Григорій Богословъ повѣствуетъ о чудѣ отъ иконы Полемона (238), Антипатръ Бострійскій—о чудесахъ отъ статуи Христа, сдѣланной усердіемъ исцѣленной женщины (239), приводится повѣствованіе о чудесахъ отъ иконы мученика Анастасія Перза (246—250), Аѳанасія Великаго—о чудѣ въ городѣ Беритѣ отъ иконы Спасителя (250—256), преподобнаго Нила—о чудѣ отъ иконы мученика Платона (257—259), Сафронія патріарха іерусалимскаго—о чудесахъ отъ иконы святыхъ Кира и Іоанна, повѣствованіе о чудесахъ св мучениковъ Косьмы и Даміана, Симеона столпника и др.

[2]) Дѣян. 233 стр.

анаоемою“ [1]). А когда было выслушано повѣствованіе святителя Аѳанасія Великаго о чудѣ отъ иконы Спасителя въ городѣ Беритѣ, одинъ изъ отцевъ собора заявилъ: „Вотъ и этотъ отецъ, котораго имя означаетъ: *безсмертный*, привелъ весь этотъ соборъ въ крушеніе и слезы, потому что не только призналъ иконы честными, но и совершающими чудеса“ [2]). Значитъ, иконы, отъ которыхъ совершаются чудеса, можно именовать чудотворными.

Иконоборцы VIII вѣка не отрицали Свящ. Преданія, въ качествѣ источника для вѣроученія и нравственности. Придавая ему важное значеніе, они сами спѣшили свои собственныя ложныя мнѣнія прикрыть авторитетомъ Свящ. Преданія. Изъ сохранившагося до насъ опроверженія дѣяній собора 754 года, составленнаго діакономъ Епифаніемъ, видно, что иконоборцы опирались на авторитетъ святителей: Епифанія Кипрскаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Аѳанасія Александрійскаго, Амфилохія Иконійскаго, Ѳеодорита Анкирскаго и Евсевія Памфила и другихъ. Діаконъ Епифаній подробно разсматриваетъ всѣ выписки изъ поименованныхъ святыхъ отцевъ. Сочиненіе Епифанія Кипрскаго, которымъ пользовались иконоборцы, оказывается подложнымъ, вѣроятно составленнымъ иконоборцами и приписаннымъ святителю Кипрской церкви. Что послѣдній не былъ недругомъ иконъ, видно изъ того, что „ученики его построили на островѣ Кипрѣ храмъ и назвали его именемъ этого отца; въ немъ въ числѣ многихъ другихъ иконныхъ

---

[1]) Ibid. 244 стр,

[2]) Ibid. 256 стр. На случай, если бы кто поставилъ вопросъ: «Отъ чего же находящіяся у насъ иконы не творятъ чудесъ?» Патріархъ таковому отвѣчаетъ: «потому, что, какъ сказалъ апостолъ, знаменія даются тѣмъ, кои не вѣруютъ, а не тѣмъ, кои вѣруютъ» (257). Вѣроятно, патріархъ Тарасій имѣлъ въ виду совопросника изъ среды присутствовавшихъ на соборѣ и иконы, бывшія предъ глазами, такъ сказать; но въ общемъ не могло быть сомнѣнія у патріарха, что и прежде и во времена его патріаршества и послѣ отъ иконъ совершалось много чудесъ? Для желающихъ познакомиться съ этимъ, можемъ указать на книжку преосвященнаго Сергія, еп. Могилевскаго «Православное ученіе о почитаніи св. иконъ и другія соприкосновенныя съ нимъ истины». 1887 г. Могилевъ и на книгу Снессоревой «Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворныхъ ея иконъ». Спб. 1892 г.

памятниковъ они помѣстили и его икону; если бы онъ гнушался видомъ честныхъ иконъ, то какимъ образомъ питомцы его рѣшились бы увѣковѣчить память его чрезъ изображеніе его на иконѣ“?[1]). Свидѣтельство противъ иконъ, заимствованное у святителя Григорія Богослова, иконоборцы читали такъ: „несправедливо заключать вѣру въ краскахъ, а не въ сердцѣ; потому что заключенное въ краскахъ легко стирается. Что же касается вѣры въ глубинѣ души, такъ она по сердцу мнѣ“. Авторъ опроверженія находитъ изреченіе Григорія въ такомъ видѣ искаженнымъ. Онъ приводитъ правильное чтеніе и выясняетъ смыслъ словъ святителя. „Несправедливо заключать вѣру въ краскахъ, а не въ сердцахъ; краски легко смыть; глубину люблю я“, такъ въ стихахъ на досугѣ размышлялъ Григорій Богословъ. Діаконъ Епифаній показываетъ, что самъ святитель придаетъ изреченію нравственный смыслъ, называя земное, временное и непостоянное красками въ противоположность духовному, истинному и прочному, которое имѣетъ опору въ сердцѣ и пребываетъ во вѣкъ[2]).—Изреченія Святителей: Іоанна Златоустаго и Василія Великаго, которыми желали прикрыться иконоборцы, не имѣютъ никакого отношенія къ иконамъ. Отцы увѣщеваютъ читать Писаніе и жизнеописанія добродѣтельныхъ мужей и поучаться примѣрами ихъ вѣры и жизни[3]). Къ этому діаконъ Епифаній прибавляетъ: „Всякому очевидно, что мы, слушая о мужествѣ святыхъ и о терпѣніи ихъ, ублажаемъ ихъ твердость и мужество. И усвоя божественныя писанія, и читая жизнеописанія святыхъ мужей, и видя иконныя живописи, мы приходимъ къ воспоминанію богоугодной ихъ жизни. Что слово сообщаетъ чрезъ слухъ, то живопись показываетъ молча чрезъ изображеніе, какъ сказалъ Василій Великій въ похвальномъ словѣ сорока мученикамъ“. И Іоаннъ Златоустъ высказываетъ тѣ же мысли и заявляетъ, что онъ „полюбилъ и залитую воскомъ картину ради благочестиваго содержанія“. Итакъ „еретики извратили то, что хорошо

---

[1]) Дѣян. 514 стр.
[2]) Ibid. 515—516 стр.
[3]) Ibid. 516—517 стр.

изречено отцами“ [1]). Изъ твореній Аѳанасія Александрійскаго иконоборцы приводили то, что сказано имъ противъ идоловъ, относя это къ иконамъ [2]). Отрывочно приведенное свидѣтельство Амфилохія иконійскаго ничего не можетъ дать иконоборцамъ въ защиту ихъ заблужденія. „Если кто либо станетъ усердно изслѣдовать этого отца, то никакъ не найдетъ у него мысли, возбраняющей изображеніе честныхъ иконъ... Даже намека нѣтъ на это у святаго отца“ [3]). Ѳеодоритъ анкирскій никогда не говорилъ и не писалъ того, что ему приписали иконоборцы [4]). Свидѣтельство Евсевія Памфила противъ иконъ, взятое изъ его письма къ Констанціи, сестрѣ Константина Великаго, не можетъ имѣть никакого значенія, какъ слово человѣка не совсѣмъ православнаго [5]). Иконоборцы приводили въ свою пользу свидѣтельство изъ книги „путешествій святыхъ апостоловъ“ о Ликомедѣ, который написалъ икону апостола Іоанна Богослова и молился предъ нею, за что Апостолъ не похвалилъ Ликомеда, назвавъ поступокъ его дурнымъ [6]). Книга эта апокрифическая. Соборъ положилъ запретить списываніе ея и почелъ достойнымъ предать ее огню [7]). Скевофилаксъ Димитрій заявлялъ отцамъ собора: „Я нашелъ книгу Константина Хартофилакса, въ которой говорилось о честныхъ иконахъ; но коварные люди вырѣзали листы, гдѣ говорилось объ иконахъ, и вотъ теперь эти книги у меня въ рукахъ“ [8]). Тоже показалъ діаконъ Косьма относительно одной схоліи къ ветхому Завѣту, вырванной иконоборцами, ибо въ ней содержалось указаніе въ пользу почитанія иконъ [9]). Показывались и другія книги, поврежденныя иконоборцами именно въ тѣхъ мѣстахъ,

---

[1]) Ibid. 517 стр.
[2]) Ibid. 518 стр.
[3]) Ibid. 519—520 стр.
[4]) Ibid. 529 стр.
[5]) Ibid. 530—542 стр.
[6]) Ibid. 392 стр.
[7]) Ibid. 398 стр.
[8]) Ibid. 411 стр.
[9]) Ibid. 413 стр.

гдѣ благопріятно говорилось объ иконахъ [1]). Это уже обличаетъ недобросовѣстность иконоборцевъ [2]).

Чтеніе твореній св. отцовъ выяснило отцамъ собора, что иконопочитаніе „распространено со временъ апостольской проповѣди“ и „предано не письменно“ [3]). „Каѳолическая Церковь совершенно послѣдовательно поступила, принявъ святыя и честныя иконы; она въ этомъ случаѣ согласна съ ученіемъ святыхъ отцовъ нашихъ“ [4]) Посему отцы собора имѣли основаніе сказать: „Да исправятъ насъ ученія богоглаголивыхъ отцовъ. Почерпая изъ нихъ, мы напоились истиною; слѣдуя имъ, мы прогнали ложь; бывъ научены ими, мы съ любовію пріемлемъ честныя иконы. Отцы проповѣдуютъ, а мы остаемся послушными чадами и хвалимся предъ лицемъ матери преданіемъ Каѳолической Церкви“ [5]).

В) По мыслямъ отцевъ седьмаго вселенскаго Собора, почитаніе иконъ имѣетъ для себя прочную основу и въ догматическомъ ученіи Церкви о Лицѣ Господа нашего Іисуса Христа и совершенномъ Имъ искупленіи рода человѣческаго. Съ этой точки зрѣнія иконоборческая ересь „есть зло худшее всѣхъ ересей, потому что она ниспровергаетъ домостроительство Спасителя [6])“. „Отрицающіе честныя иконы отрицаютъ домостроительство воплощенія Христа Бога нашего“ [7]). Какіе люди не принимали иконъ? спрашивали отцы. „Не принимавшіе крещенія, манихействовавшіе, утверждавшіе, что домостроительство Христово призрачно“ [8]). Иконоборчество напоминаетъ собою старыя ереси докетовъ. Напротивъ, иконописаніемъ свидѣтельствуется и открыто исповѣдуется истина воплощенія и вочеловѣченія Господа Іисуса Христа. „Такъ какъ единородный Сынъ, сущій въ лонѣ Отца, воззвавшій свое созданіе отъ осужденія на смерть къ жизни, по благоволенію Отца и Святаго Духа, соизволилъ содѣлаться человѣкомъ, преискренне пріобщившись нашей плоти и крови, какъ сказалъ великій

[1]) Ibid. 414 и 416 стр.

[2]) При чтеніи свидѣтельствъ изъ св. отцовъ иконоборцы «вмѣсто книгъ показывали намъ лоскутки и такимъ образомъ ввели насъ въ обманъ» свидѣтельствовали Григорій и Ѳеодосій, бывшіе иконоборческіе епископы (Ibid. 263 стр.). [3]) Ibid. 486 стр [4]) Ibid. 246 стр. [5]) Ibid. 353 стр.

[6]) Дѣян. 104 стр. ср. 220 стр. [7]) Ibid. 391 стр. [8]) Ibid. 405 стр.

Апостолъ, и во всемъ сдѣлался подобнымъ намъ, исключая грѣха; то мы, изображая икону человѣческаго Его образа и человѣческаго вида Его по плоти, а не божества Его, которое непостижимо и невидимо, стараемся наглядно представить предметы вѣры и показать, что Онъ не фантастично и не призрачно соединился съ нашимъ естествомъ, какъ ошибочно учили нѣкоторые древніе еретики, но что на самомъ дѣлѣ и по истинѣ содѣлался совершеннымъ человѣкомъ, исключая одного посѣяннаго въ насъ діаволомъ грѣха. При такомъ пониманіи непорочной вѣры въ Него, мы представляемъ на иконахъ образъ святой плоти Его и цѣлуемъ его, и удостоиваемъ его всякихъ почестей и приличествующаго ему почитанія; и такимъ образомъ приходимъ къ воспоминанію о божественномъ животворномъ и непзреченномъ вочеловѣченіи Его".[1]) Конечно, самымъ труднымъ было доказать законность изображенія Господа Іисуса Христа. Если доказано это, то понятно будетъ и право изображать на иконахъ Пречистую Богородицу и святыхъ. По сему-то отцы собора съ особенною полнотою развиваютъ основы догматическаго характера. Воплощеніе Господа Іисуса Христа есть одинъ изъ основныхъ догматовъ вѣры христіанской. Искаженіе и неправильное ученіе объ этомъ ведетъ за собою цѣлую цѣпь ересей. Если Второе Лице, Святыя Троицы, приняло только призрачное тѣло, то спасеніе наше есть праздная мечта. Но время древнихъ ересей миновало. Христологическій вопросъ благополучно разрѣшенъ на вселенскихъ соборахъ. Теперь иконоборцы подкапывались подъ него скрытно, непрямо. Они повели нападеніе на иконы. Но что же это значитъ? По какимъ разумнымъ доводамъ можно дойти до мысли о незаконности и неправильности обычая изображать Господа Іисуса Христа? Вѣдь иконоборцы признаютъ догматъ воплощенія и вочеловѣченія Христа. Сами они на своемъ соборѣ 754 года разсуждали такъ: „Создатель Богъ не потерпѣлъ видѣть, чтобы дѣло рукъ Его шло къ окончательной погибели (послѣ паденія), но чрезъ законъ и пророковъ заботился о спасеніи его. А когда и при другихъ средствахъ оно не могло воз-

[1]) Ibid. 273.

вратиться къ прежней своей славѣ; то Онъ въ послѣднія и предъопредѣленныя времена благоволилъ послать на землю своего Сына и Слово, который, по благоволенію Отца и при содѣйствіи равнаго Ему по могуществу животворящаго Духа, поселился въ дѣвическихъ ложеснахъ и отъ святой и непорочной плоти Дѣвы принялъ въ свою субстанцію или ипостась плоть единосущную намъ, сплотилъ и образовалъ ее при посредствѣ разумной и мыслящей души, родился отъ нея паче всякаго слова и разума, претерпѣлъ добровольно крестъ, подъялъ смерть и, тридневнымъ возставъ изъ мертвыхъ, исполнилъ все домостроительство спасенія“ [1]). Но если Второе Лице Святыя Троицы преискренне пріобщилось плоти и крови и содѣлалось полнымъ человѣкомъ кромѣ грѣха, то по какимъ же разумнымъ основаніямъ должно отказать Ему въ коренномъ свойствѣ человѣческой природы— описуемости? Отцы собора настаиваютъ на этой мысли. Человѣческая природа Спасителя нашего подлежитъ описанію. „Если Господь не воплотился, то пусть и не изображаютъ святаго образа Его въ человѣческомъ видѣ; если Онъ не родился въ Виѳлеемѣ отъ Преславной Дѣвы Богородицы, если волхвы не приносили даровъ, если пастырямъ не являлся ангелъ, если множество небеснаго воинства не возносили пѣсни рожденному, если носящій все не былъ носимъ, какъ младенецъ, въ чреслахъ родившей Его и дающій пищу всякой плоти не питался молокомъ, то пусть не изображаютъ этого... Если Онъ не воскрешалъ мертвыхъ, не возставлялъ разслабленныхъ, не даровалъ прокаженнымъ очищенія; если Онъ не дѣлалъ слѣпыхъ зрячими, а потомъ не дѣлалъ рѣчь косноязычныхъ ясною, не укрѣплялъ ноги хромыхъ и не изгонялъ демоновъ; если онъ не отверзалъ слухъ глухимъ, не совершалъ чудесъ и не творилъ божественныхъ знаменій, то пусть и не изображаютъ этого! Если Онъ не принялъ добровольно страданія, не обезоружилъ ада и, возставъ, не вознесся на небо, съ тѣмъ чтобы снова прійти судить живыхъ и мертвыхъ; то исторіи, въ которыхъ разсказывается объ этомъ, пусть ни письменами не пишутся, ни красками

[1]) Ibid. 436 стр.

не изображаются". [1]) „Пусть по истинѣ услышатъ, что божественное естество (во Христѣ) выше описанія, а человѣческое описуемо. Никто изъ благомыслящихъ, называя человѣческое естество описуемымъ, не называетъ описуемымъ того естества, которое не описуемо. И Самъ Господь, какъ совершенный человѣкъ, будучи плотію въ Галилеѣ, не былъ въ то же время въ Іудеѣ. И что Онъ самъ удостовѣряетъ, говоря: *идемъ во Іудею паки* (Іоан. 11, 7). Также разговаривая съ учениками своими о Лазарѣ, Онъ такъ сказалъ: *радуюсь васъ ради... яко не бѣхъ тамо* (Іоан. 11, 15), а какъ Богъ Онъ находится на всякомъ мѣстѣ владычества Своего, повсюду оставаясь неописаннымъ." [2]) „Дѣло совершенно богохульное Господа Іисуса Христа, истиннаго Бога нашего, называть неописуемымъ послѣ Его воплощенія, въ особенности, когда Онъ ученикамъ Своимъ сказалъ: *Лазарь другъ нашъ успе... и радуюся васъ ради... Яко не бѣхъ тамо* (Іоан. 11, 11 и 15). Неужели выраженіе: *не бѣхъ тамо не* есть указаніе на описуемость? Да! Вполнѣ есть. Но мы умалчиваемъ о томъ, что сказано въ Евангеліи объ Іисусѣ Христѣ до Его страданія; я разскажу о томъ, что случилось по воскресеніи. Явившійся женамъ ни въ какомъ случаѣ не былъ неописуемъ; явиться двумъ ученикамъ есть признакъ описуемости; войти при заключенныхъ дверяхъ и быть осязаннымъ Ѳомою, что другое означаетъ, какъ не описуемость? Что ученики шли въ Галилею и тамъ увидѣли Его и поклонились Ему, это означаетъ тоже самое. А что касается того, что ученики смотрѣли, какъ Онъ возносился на небо, и что ангелъ предсталъ и сказалъ имъ: *мужіе галилейстіи, что стоите зряще на небо; сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо* (Дѣян. 1, 11), такъ развѣ это не свидѣтельство описуемости? Да! Вполнѣ свидѣтельство. Такъ учили и всѣ богоносные отцы наши. Притомъ же для людей благомыслящихъ очевидно, что какъ Богъ и Слово Бога и Отца Онъ

[1]) Ibid. 320—321 стр. изъ посланія Григорія, папы римскаго, къ Герману, патріарху Константинопольскому.

[2]) Ibid. 472 стр.

невидимъ, неописуемъ и непостижимъ, и находится на всякомъ мѣстѣ владычества Своего. Съ той же стороны, что Онъ воспринялъ естество человѣческое, Онъ и видимъ и описуемъ, какъ Онъ Самъ сказалъ ученикамъ Своимъ, что Онъ „не былъ тамъ“. При томъ же Онъ доступенъ нашему ощущенію, какъ увѣрилъ насъ въ этомъ Ѳома“ [1]). Яснѣе этого трудно разъяснить вопросъ объ описуемости человѣческой природы Господа нашего Іисуса Христа. Если же эта природа описуема, то она можетъ изображаться на иконахъ, какъ допустила это дѣлать Православная Церковь. Иконоборцы, признавая въ лицѣ Іисуса Христа полную человѣческую природу, почему то настаивали на неописуемости этой природы. Они провозгласили анаѳему тому, „кто неописуемое существо Бога Слова и упостась Его старается вслѣдствіе воплощенія Его описывать на иконахъ человѣкообразно посредствомъ вещественныхъ красокъ, и болѣе уже не мыслитъ, какъ богословъ, что Онъ и по воплощеніи тѣмъ не менѣе неописуемъ“ [2]). Для иконоборцевъ изображеніе на иконахъ Іисуса Христа было камнемъ преткновенія. Имъ казались, что чрезъ живопись возобновляется ересь Несторія. „Живопись напоминаетъ собою Несторія, раздѣляющаго одного Сына и Бога Слово, воплотившагося ради насъ, на двоицу сыновъ“ [3]), разсуждали они. То, думалось имъ, изображенія Христа Спасителя напоминаетъ ересь Евтихія и Діоскора т. е. монофизитство. „Вотъ сдѣлалъ живописецъ икону и назвалъ ее Христомъ; а имя „Христосъ“ есть имя и Бога и человѣка; а слѣдовательно онъ описалъ, какъ представилось его слабоумію, неописуемое божество описаніемъ созданной плоти, или слилъ неслитное соединеніе и впалъ въ нечестивое заблужденіе сліянія. Онъ допустилъ такимъ образомъ относительно божества два богохульства: описуемость и сліяніе. Тѣмъ же самымъ богохульствамъ под-

[1]) Ibid 555—556 стр. [2]) Ibid. 555 стр. Ясно, что этимъ положеніемъ иконоборцы ставили себя въ безвыходное положеніе. Таинство воплощенія если неописуемо, то и неизреченно, не выразимо въ словѣ. Основываясь на послѣднемъ, должно запретить и всякое богословіе, какъ на основаніи неописуемости запрещалось изображеніе.

[3]) Ibid. 462 стр.

падаетъ и покланяющійся иконамъ“ [1]). Наконецъ, по мнѣнію иконоборцевъ, живопись т. е. изображенія Іисуса Христа „вводитъ четверичность во Святую и живоначальную Троицу“ [2]).

На какомъ же основаніи построяются всѣ эти обвиненія по адресу иконопочитателей? Иконоборцы имѣли своеобразное представленіе о соединеніи природъ въ Лицѣ Іисуса Христа. По ихъ мнѣнію „никто никакого представленія не можетъ имѣть о раздѣленіи или смѣшеніи въ этомъ превосходящемъ разумъ и мысль, несказанномъ и непостижимомъ соединеніи двухъ естествъ въ одну Ѵпостась“ [3]). На слова иконопочитателей, что они изображаютъ икону одной плоти Его, иконоборцы отвѣчаютъ, что будто это нечестиво. „По ученію отцевъ, говорятъ они, плоть есть съ тѣмъ вмѣстѣ плоть Бога Слова, ни мало не допускающая мысли о раздѣленіи, но вся и всецѣло воспринятая въ божественное естество и всецѣло обоготворенная... Тоже самое нужно сказать и о святой душѣ Его. Когда божество Сына восприняло въ собственную ѵпостась естество плоти; то душа содѣлалась посредницею между божествомъ и грубымъ тѣломъ и какъ одна и та же плоть есть съ тѣмъ вмѣстѣ и плоть Бога Слова, точно такъ-же и одна и та же душа есть съ тѣмъ вмѣстѣ и душа Бога Слова. То и другое вмѣстѣ, потому что душа, равно какъ и тѣло обоготворились, и божество было нераздѣльно съ ними даже и во время отдѣленія души отъ тѣла, во время добровольнаго страданія, такъ что гдѣ душа Христа, тамъ и божество Его, и гдѣ тѣло Христа, тамъ и божество“ [4]). Такимъ образомъ, по мысли иконоборцевъ, раздѣленіе естествъ въ лицѣ Господа Іисуса Христа не возможно представить даже въ мысли. Понятно съ этой точки зрѣнія Іисусъ Христосъ будетъ неописуемъ. Всякая попытка изобразить его равносильна будетъ желанію раздѣлить нераздѣлимое и такимъ образомъ повторить ересь Несторія. Или, если допустить возможность изображенія, это будетъ значить слить оба естества и такимъ образомъ, представивъ ихъ описуемыми, впасть въ ересь Евтихія. Но божество неописуемо. Изображенный же Богъ будетъ инымъ бо-

---

[1]) Ibid. 469 стр. [2]) Ibid. 560 стр. [3]) Ibid. 465 стр. [4]) Ibid. 475 стр.

гомъ т. е. четвертымъ лицемъ [1]). Ходъ мыслей иконоборцевъ понятенъ. Но отъ этого мысли ихъ не дѣлаются удобопріемлемыми съ догматической точки зрѣнія. Ни одинъ православный богословъ никогда не отрицалъ, что человѣческое естество въ лицѣ Господа Іисуса Христа обожествилось. Но уничтожилось-ли отъ этого коренное свойство человѣческой природы—описуемость? Нѣтъ, какъ это основательно доказано отцами церкви. Но, если человѣческая природа въ лицѣ Господа Іисуса Христа описуема, то она можетъ мыслиться отдѣльно отъ неподлежащаго описанію божества. „Какъ кажется, говоритъ діаконъ Епифаній по адресу иконоборцевъ, они никогда не читали отеческихъ изреченій, а если и читали, то мимоходомъ, а не внимательно. Григорій Богословъ уничтожаетъ этотъ вымыслъ ихъ (т. е. то положеніе иконоборцевъ, что „никто никакого представленія не можетъ имѣть о раздѣленіи двухъ естествъ“), говоря: „если различаются естества силою мышленія, то различаются и имена“. И всѣ святые отцы наши, не допуская смѣшенія, говорятъ, что два естества раздѣлимы въ смыслѣ различія, но не разъединенія ихъ... Несторій предметно раздѣлялъ естества, говоря, что иной Слово Божіе, и иной родившійся отъ Дѣвы,—дѣлитъ Его на собственно человѣка и собственно Бога. Каѳолическая же церковь, исповѣдуя неслитное соединеніе, мысленно и только мысленно раздѣляетъ естества, нераздѣльно исповѣдуя и по соединеніи ихъ одного и того же Еммануила“ [2]). Иконоборцы „говорятъ, продолжаетъ тотъ же авторъ

---

[1]) «Какимъ образомъ, спрашиваютъ иконоборцы, иконопочитатели отдѣляютъ плоть сплетшуюся съ божествомъ и обоготворенную и стараются писать икону Его, какъ простаго человѣка? При этомъ они впадаютъ и въ другую непотребную крайность, когда отдѣляютъ плоть отъ божества и представляютъ ее имѣющею собственную ѵпостась, усвояя плоти особое лицо, которое, по ихъ словамъ, они изображаютъ на иконахъ. Этимъ они показываютъ прибавленіе къ Троицѣ четвертаго лица, а сверхъ того они то, что обоготворено чрезъ воспріятіе, изображаютъ необоготвореннымъ. Итакъ, думая писать икону Христа, они принуждены или считать божественное описуемымъ и слившимся съ плотію, или же считать плоть Христа необоготворенною и отдѣльною (отъ божества) и признавать плоть лицемъ, имѣющимъ собственную ѵпостась и въ этомъ случаѣ сдѣлаться, подобно несторіа-

[illegible] (476—477 стр.). [2]) Ibid. 433 стр.

разбора дѣяній Собора 754 года, что принимающіе честныя иконныя живописи разрываютъ и раздѣльно представляютъ единаго Христа. Они съ презрѣніемъ провозглашаютъ, что никогда не допускалась мысль о раздѣленіи (Христа). Очевидно, что имъ не извѣстны отеческія изреченія, потому что всѣ отцы ясно проповѣдуютъ раздѣленіе двухъ естествъ, впрочемъ, какъ выше сказано, только мысленное, а не на самомъ дѣлѣ, какъ осмѣлился богохульствовать Несторій. Если же Господь живописно представляется въ томъ видѣ, какъ Онъ содѣлался совершеннымъ человѣкомъ; то въ этомъ поистинѣ нѣтъ ни одного слова ни о разрывѣ или отдѣльномъ представленіи, или какомъ либо раздѣленіи (естествъ), равно какъ и о сліяніи ихъ, какъ они многократно лжесвидѣтельствовали; потому что иное дѣло икона и иное дѣло первообразъ, и свойствъ первообраза никогда никто изъ благоразумныхъ людей не будетъ искать на иконѣ“ [1]). Итакъ, мысленное раздѣленіе естествъ въ лицѣ Господа Іисуса Христа не ведетъ къ несторіанству, а обвиненіе въ монофизитствѣ съ этой точки зрѣнія является нелѣпымъ. „Ересь Діоскора и Евтихія противоположна ереси Несторія, а чтобы ереси противоположныя находились въ одномъ и томъ же ученіи и исповѣданіи, это невозможно, подобно тому, какъ невозможно видѣть въ одномъ и томъ же предметѣ въ одно и то же время бѣлое и черное, горячее и холодное въ несмѣшанномъ состояніи“ [2]). Если же изображенія живописныя нисколько не напоминаютъ несторіанства, то очевидно, что они не вводятъ четвертаго лица въ Святую Троицу. „Хотя Христосъ и изображается на иконѣ въ человѣческомъ видѣ, но дѣлающій (икону) не вѣруетъ въ четверичность, а только исповѣдуетъ, что Богъ Слово вочеловѣчился истинно, а не призрачно. Правда, повредившій свой умъ Несторій и богохульно принимавшій во Христѣ двѣ ѵпостаси такъ же какъ и два естества ввелъ четверичность; но святая Церковь Божія, правильно исповѣдующая во Христѣ одну ѵпостась при двухъ естествахъ, свыше научена изображать Его посредствомъ иконъ для воспоминанія о спаси-

[1]) Ibid. 475—476 стр. [2]) Ibid. 478 стр.

тельномъ домостроительствѣ Его“ [1]). Такъ прекрасно разъясняются на соборѣ всѣ недоумѣнія относительно обычая изображать на иконахъ ликъ Господа нашего Іисуса Христа. Съ догматической точки зрѣнія живописныя изображенія имѣютъ подъ собою твердую почву. Иконы Христа суть показатели нашей вѣры въ воплотившагося и вочеловѣчившагося нашего ради спасенія Господа. Они дѣлаютъ всѣмъ извѣстнымъ домостроительство воплощенія. Иконоборчество ниспровергаетъ этотъ догматъ. Посему отцы собора въ правѣ были сказать: „Слѣдуя Господнимъ заповѣдямъ, собрался божественный соборъ священныхъ іереевъ, для изъясненія и формулированія, на основаніи отеческаго ученія, досточтимаго таинства домостроительства Христова“.

Конечно, самымъ труднымъ для апологета иконопочитанія было защитить и оградить отъ нападокъ возможность и законность изображенія на иконахъ Спасителя. Что же касается вопроса объ изображеніяхъ Пресвятой Богородицы и святыхъ, то сами иконоборцы не ставили даже вопроса о возможности дѣлать изображенія ихъ. Они предвидѣли вопросъ, „почему они порицаютъ существованіе иконъ пренепорочной и всеславной Дѣвы, которая есть воистину Богородица, пророковъ, апостоловъ и мучениковъ, такъ какъ они суть простые люди, а не состоятъ изъ двухъ естествъ т. е. божества и человѣчества, соединенныхъ въ одной упостаси, на подобіе единаго Христа“? На сей вопросъ на иконоборческомъ соборѣ 754 года кратко отвѣчали: „по отрицаніи первой (т. е. иконы Христа) нѣтъ надобности и въ послѣднихъ“ [2]). Въ этомъ отвѣтѣ иконоборцы сами себѣ произнесли приговоръ. Очевидно отвѣтъ не на вопросъ и никого не можетъ удовлетворить.

Отцамъ истиннаго седьмаго вселенскаго собора приходилось останавливаться и на вопросѣ о возможности изображенія ангеловъ. Ангелъ есть духъ безплотный. Въ какомъ же видѣ можно изобразить его на иконѣ? Когда прочитаны были мѣста изъ книги Исходъ (25, 1. 17—22) и изъ книги

---

[1]) Ibid. 561 стр. [2]) Ibid. 649 стр. [3]) Ibid. 490—492 стр.

Числъ (7, 88 и 89) и изъ пророка Іезекіиля (41, 16—20), а также изъ посланія св. апостола Павла къ евреямъ (9, 1—5), патріархъ Тарасій заявилъ: „священные мужи! мы имѣли случай видѣть, что въ Ветхомъ Завѣтѣ были божественныя изображенія, херувимы славы, осѣняющіе очистилище; оттуда заимствовалъ ихъ и Новый Завѣтъ". Отцы согласились съ этимъ заявленіемъ. Одинъ изъ нихъ добавилъ отъ себя: „Херувимъ, какъ прочитано, имѣлъ лице человѣческое. Какъ же нѣкоторые говорятъ: кто видѣлъ лице херувимское? хотя и говорится здѣсь о лицѣ скульптурномъ". Предсѣдатель собора, патр. Тарасій, на это замѣтилъ: „всѣ святые, удостоившіеся видѣть ангеловъ, видѣли ихъ человѣкообразными, какъ мы читаемъ это въ разныхъ мѣстахъ Писанія; поэтому Богъ, говоря Моисею: *вижди и сотвориши Ми по всему, елика Азъ покажу тебѣ на горѣ* (Исх. 25, 9), имѣлъ въ виду и херувимовъ. И потому Моисей, рабъ Божій, сотворилъ такіе образы, какіе видѣлъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ и херувимовъ такими, какими видѣлъ ихъ". Представитель восточныхъ архіереевъ Іоаннъ отъ себя присоединилъ заявленіе о видѣніяхъ патріарха ветхозавѣтнаго Іакова: „Богъ боролся съ нимъ въ человѣческомъ образѣ и назвалъ его *Израилемъ*. Слово это переводится: умъ, видящій Бога. Самъ же Іаковъ сказалъ: *видѣхъ Бога лицемъ къ лицу и спасеся душа моя* (Быт. 32, 30). Вотъ открывались не только разумныя силы, но и Самъ Богъ, невидимый по естеству и безтѣлесный; и открывались въ нашемъ образѣ" [1]). На этомъ основаніи соборъ признаетъ правильнымъ изображенія „святыхъ ангеловъ, поелику они являлись въ человѣческомъ видѣ тѣмъ, которые удостоились этого" [2]). Итакъ, по даннымъ христіанской догматики нѣтъ препятствій къ изображенію лика Господа нашего Іисуса Христа, ангеловъ и святыхъ Божіихъ людей. Но догматическими данными не исчерпываются основанія для пользованія иконами. Послѣднія очень полезны для религіознаго образованія людей.

Г) Полезность иконъ для религіозно-воспитательныхъ цѣ-

---

[1]) Ibid. 231—232 стр. [2]) Ibid. 616 стр.

лей рельефно обрисовывается въ посланіяхъ и рѣчахъ отцовъ собора и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ твореній древнихъ отцовъ церкви. Иконы содѣйствуютъ религіозному обученію т. е. пріобрѣтенію познанія религіозныхъ истинъ. Покаявшійся епископъ Ѳеодосій Амморейскій въ рѣчи своей на соборѣ заявилъ: „Считаю полезнымъ изображать жизнь святыхъ и всеславныхъ апостоловъ, пророковъ и мучениковъ, чтобы труды и подвиги ихъ были извѣстны народу, въ особенности простому, кратко обрисовывались въ его сознаніи и поучали его“ [1]). Папа Адріанъ въ своемъ посланіи къ императрицѣ Иринѣ, сказавъ о существованіи иконъ съ древнихъ временъ, продолжаетъ: „И грубые язычники, разсматривая живописную исторію божественнаго писанія, обращались отъ почитанія идоловъ и демонскихъ истукановъ къ истинному свѣту христіанства и къ почитанію любви Божіей. И знаменитый отецъ и проповѣдникъ, блаженный Григорій, епископъ сего апостольскаго престола, говоритъ, что иконы необходимы для того, чтобы тѣ, которые не знаютъ писанія, на стѣнахъ могли читать то, чего они не могутъ читать въ книгахъ“ [2]). Не только для первоначальнаго обученія христіанскимъ истинамъ полезны иконы, онѣ нужны и при дальнѣйшемъ религіозномъ образованіи для закрѣпленія въ памяти узнаннаго чрезъ слухъ. „То, въ истинѣ чего мы увѣрились чрезъ слухъ, писалъ патріархъ Германъ, мы передаемъ и чрезъ живопись, чтобы тверже укрѣпить это въ своей памяти. Скованные тѣломъ и кровью, мы принуждены и посредствомъ зрѣнія укрѣплять то, что служитъ къ удовлетворенію души“. [3]) Иконы содѣйствуютъ возбужденію религіознаго чувства и вызываютъ стремленіе къ подражанію подвигамъ изображенныхъ святыхъ. На соборѣ было прочитано мѣсто изъ слова святителя Григорія Нисскаго о жертвоприношеніи Авраама. „Нерѣдко видѣлъ я, говорилъ отецъ, живописное изображеніе этого страданія, и никогда не проходилъ безъ слезъ мимо сего зрѣлища“. Вниманіе отцовъ собора было остановлено на томъ, что святитель Григорій плакалъ, созерцая изображеніе жертво-

[1]) Ibid. 85 стр. [2]) Ibid. 132 стр. [3]) Ibid. 328 стр.

приношенія. „Если этому учителю доставило пользу и вызвало слезы живописное изображеніе этой исторіи, заявилъ одинъ изъ отцовъ собора, то насколько болѣе оно принесетъ сокрушенія и пользы для неученыхъ и простыхъ“. Другой развилъ мысль далѣе: „Если святый Григорій, неусыпно помышлявшій о божественномъ, плакалъ, видя живописное изображеніе Авраама; то насколько болѣе можетъ принести пользы и вызвать потоковъ слезъ у зрителей живописное представленіе домостроительства воплощенія Господа нашего Христа, насъ ради вочеловѣчившагося?“ Патріархъ Тарасій отъ себя добавилъ: „Если бы мы увидѣли икону, представляющую Господа распятымъ, то развѣ мы не заплакали бы?“ Тогда отцы собора согласно отвѣтили: „это величественное зрѣлище, потому что въ немъ познается высота уничиженія насъ ради вочеловѣчившагося Бога“ [1]). Иконы, наконецъ, полезны для нравственнаго воспитанія христіанъ. „Всѣ православные и благочестивѣйшіе императоры, всѣ священники и благочестивые служители Божіи, а также весь міръ христіанскій, въ силу принятаго ими съ самыхъ первыхъ временъ преданія отъ святыхъ отцовъ, сохраняли иконы и живописныя изображенія для благочестиваго настроенія и сердечнаго сокрушенія“ [2]), писалъ папа Адріанъ. Діаконъ Епифаній ярко очертилъ то дѣйствіе, которое могутъ производить иконы на внутреннее настроеніе человѣка. „Святая каѳолическая церковь Божія различными и разнообразными путями привлекаетъ родившихся въ ней къ покаянію и умѣнью соблюдать заповѣди Божіи; она всѣ наши чувства стремится направить къ прославленію владычествующаго надъ всѣми Бога, и старается сдѣлать это при посредствѣ какъ слуха, такъ и зрѣнія; и потому все, что совершено для нашего спасенія, представляетъ взорамъ приходящихъ. Такъ, когда она кого-либо отвлекаетъ отъ жадности и сребролюбія, то показываетъ ему икону Матѳея, апостола изъ мытарей, оставившаго страсть сребролюбія и послѣдовавшаго за Христомъ, за тѣмъ—Закхея, подымающагося

---

[1]) Ibid. 235—236 стр. [2]) Ibid. 132 стр.

на смоковницу, желающаго видѣть Христа и дающаго обѣтъ половину имѣнія своего отдать нищимъ и, если у кого что присвоилъ, возвратить вчетверо. Постоянное разсматриваніе изображеній на иконахъ служитъ къ охраненію цѣломудрія и къ непрестанному памятованію объ этомъ, чтобы обратившійся не возвратился къ своимъ нечистотамъ". Нецѣломудреннымъ церковь показываетъ икону Іосифа и Сусанны. „Вотъ церковь узнала, что человѣкъ проводитъ жизнь въ роскоши, облекается въ мягкія одежды и на эти одежды истрачиваетъ то, что слѣдовало бы отдавать нищимъ, что вообще онъ пристрастился къ изнѣженности, показываетъ ему Илію, облеченнаго милостію и довольствующагося скудною пищею, а также Іоанна, одѣтаго въ верблюжіи кожи и питающагося дикимъ медомъ, а перстомъ указывающаго на Христа и исповѣдующаго, что Сей есть подъемлющій грѣхъ міра. Сверхъ того она показываетъ Василія Великаго и множество аскетовъ и иноковъ, изможденныхъ плотію." [1]) Таковы разсужденія отцовъ относительно полезности иконъ. Какъ иллюстраціи къ разсужденіямъ, подобраны факты изъ свящ. Преданія. Отцы много слышали повѣствованій о благотворныхъ дѣйствіяхъ иконъ, сообщенныхъ святыми отцами. Такъ Григорій Богословъ повѣствуетъ объ иконѣ Полемона, обратившей женщину отъ порока [2]). Подобное дѣйствіе произвела и икона Пресвятой Богородицы на Марію Египетскую [3])" Нужно ли упоминать объ очевидно благотворномъ дѣйствіи чудотворныхъ иконъ? Преданіе Церкви доставило отцамъ богатый матеріалъ изъ этой области. Они собрали множество повѣствованій о чудотворныхъ иконахъ съ указаніемъ на самыя чудеса и на достовѣрныхъ свидѣтелей событій.

Принимая во вниманіе полезность иконъ, отцы собора могли уже безъ долгаго изслѣдованія рѣшить вопросъ и о томъ, какъ смотрѣть на искусство живописи въ отношеніи къ церкви. Извѣстно, что иконоборцы заклеймили это искусство наименованіемъ „нечестиваго и неблагоприличнаго дѣла" [1]), „изобрѣтеннаго суетностію враговъ—язычниковъ" и

---

[1]) Ibid. 575—576 стр. [2]) Ibid. 239 стр. [3]) Ibid. 312 стр. [4]) Ibid. 546 стр.

людей „преданныхъ демонамъ“ [1]). Искусство живописи они называли „богохульствомъ, противорѣчащимъ домостроительству нашего спасенія и подрывающимъ шесть святыхъ соборовъ“ [2]).

На соборѣ было высказано нѣсколько основательныхъ мыслей въ защиту живописнаго искусства церковно-религіознаго характера. „Какимъ это образомъ, спрашивалъ апологетъ иконопочитанія, діаконъ Епифаній, искусствомъ живописцевъ подрываются шесть святыхъ и вселенскихъ соборовъ и какимъ образомъ, вопреки волѣ ихъ, ставятся иконы въ церквахъ, когда сами оные божественные отцы наши, учительски и непринужденно объяснявшіе таинство нашего спасенія, изобразили его въ честныхъ храмахъ, пользуясь искусствомъ живописцевъ? Кто изъ божественныхъ отцевъ нашихъ провозвѣстилъ, что искусство живописцевъ не согласно съ самымъ необходимымъ догматомъ нашего спасенія т. е. съ домостроительствомъ Христовымъ“? Оказывается, что иконоборцы не подъискали ни одного святоотеческаго свидѣтельства и не могли найти. Посему „они умѣютъ пустословить, но не доказывать того, что высказываютъ... Всѣ низкія искусства, отвлекающія отъ цѣли заповѣдей Божіихъ, должны быть отвергаемы; но искусства иного рода, искусства полезныя въ жизни не носятъ на себѣ ничего непристойнаго и не презирались и не отвергались святыми отцами нашими. Такъ и искусство живописное; если имъ кто либо пользуется для изображенія чего либо позорнаго, то оно должно быть презираемо и отвергаемо... Но какъ скоро мы хотимъ изображать жизнь добродѣтельныхъ мужей, подвиги мучениковъ и достойныя повѣствованій страданія ихъ, или таинство домостроительства великаго Бога и Спасителя нашего, тогда, пользуясь искусствомъ живописцевъ, мы являемся поступающими весьма правильно... Такъ же надобно относиться и къ книгамъ. Если кто либо описываетъ въ книгахъ повѣствованія позорныя, то и книжки позорны и достойны отверженія и должны быть отдаляемы отъ христіанскаго слуха; если же слова и повѣствованія внушены Богомъ и ве-

[1]) Ibid. 492 и 494 стр. [2]) Ibid 459 стр.

дутъ къ благочестію, то онѣ достойны и должны быть принимаемы и считаемы достойными церкви Божіей. Такъ же точно надобно относиться и къ изображеніямъ Господа нашего Іисуса Христа и святыхъ Его... Никто изъ благомыслящихъ не будетъ позорить искусства, если посредствомъ его приготовляется что нибудь полезное (для удовлетворенія) нуждъ сей жизни; нужно только имѣть въ виду цѣль и образъ, какимъ совершается произведеніе искусства: если оно для благочестія, то оно должно быть принимаемо, если же для чего либо позорнаго, то оно ненавистно и должно быть отвергнуто“ [1]). Живописцы, изображающіе Господа Іисуса Христа, крестъ и лики всѣхъ святыхъ, совершаютъ дѣло полезное для благочестія. Слѣдовательно, занятіе ихъ не можетъ быть названо „нечестивымъ и неблагопристойнымъ дѣломъ“ „изобрѣтеннымъ суетностію враговъ-язычниковъ“, какъ говорили иконоборцы. Вопреки имъ, отцы собора находятъ, что „искусство живописца есть занятіе священное и совсѣмъ не таково, чтобы осмѣивать его“ [2]). Занимающіеся живописью иконъ, являются благовѣстниками и учителями, ибо они „не противорѣчатъ Писанію, а напротивъ, что говоритъ Писаніе, то и они представляютъ, такъ что они бываютъ согласны съ написаннымъ“ [3]). Такъ возвышенъ взглядъ отцовъ собора на искусство въ его отношеніи къ церкви. Не рекомендуя крайностей [4]), они своимъ авторитетомъ освятили приложеніе его къ удовлетворенію религіозныхъ потребностей, высказали свое высокое мнѣніе объ искусствѣ живописномъ и тѣмъ на всѣ времена узаконили его для употребленія въ церкви.

Отцы собора имѣли опредѣленную задачу засвидѣтельствовать вѣру всѣхъ и во всѣ времена въ принятый церковью догматъ почитанія иконъ. Основательность этой вѣры доказана свидѣтельствами отъ Свящ. Писанія и Преданія. Но

---

[1]) Ibid. 460—462 стр. [2]) Ibid. 244 стр. [3]) Ibid, 245 стр.

[3]) Отцы высказываются противъ употребленія музыки въ церкви. Діаконъ Епифаній выразительно замѣчаетъ: «Если кто либо дѣлаетъ арфу или гусли, то его произведеніе позорно». Какъ «произведеніе позорное», арфа и гусли не могутъ быть приняты въ храмы. Безъ сомнѣнія къ этому же разряду должны быть отнесены и органы, получившіе права гражданства въ западной латинской церкви и лютеранскихъ киркахъ.

извѣстно, что иконоборцы широко пользовались и предпочитали даже доводы отъ разума. Этимъ они многихъ совращали. Отцы собора не могли совершенно оставить безъ вниманія разумные доводы. Мы уже видѣли ихъ разсужденія о полезности иконъ. Но отцы сдѣлали шагъ по этому пути и нѣсколько далѣе. Они не пренебрегаютъ и *философскими* основами иконопочитанія. Правда, основы эти не развиты, не проведены до послѣднихъ выводовъ, какъ это находимъ у великаго апологета иконопочитанія, преп. Ѳеодора Студита [1]). Однако, діаконъ Епифаній объ иконоборцахъ замѣтилъ, что они не знали того, что „сказано богоноснымъ Діонисіемъ (Ареопагитомъ) въ его книгѣ о небесной іерархіи; тамъ онъ говоритъ такъ: „нѣтъ точнаго сходства между слѣдствіями и причинами, но слѣдствія носятъ въ себѣ образы причинъ, а самыя причины въ силу своего первенства владычествуютъ надъ слѣдствіями“ [2]). Подъ причинами разумѣется міръ идей. Это суть первообразы видимаго міра. Послѣдній мыслится, какъ слѣдствіе своихъ причинъ—идей. Въ отдѣльности каждый предметъ видимаго міра есть образъ невидимаго идейнаго первообраза. По сравненію съ послѣднимъ первый съ нимъ сходенъ только въ одномъ имени, а сущности того и другаго совершенно различны. Если отъ общихъ разсужденій перейти къ частному вопросу объ иконахъ, то дѣло должно представляться такъ: существуютъ причины, т. е. первообразы. Это суть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Пресвятая Богородица, безплотные духи и святые. Должны существовать и слѣдствія ихъ, т. е. образы. Послѣдніе съ своими первообразами имѣютъ одинаковое имя, но совсѣмъ различныя сущности. Что отцы собора стояли на этой философской точкѣ зрѣнія, это видно изъ нѣкоторыхъ сужденій ихъ. „Мы съ любовію принимаемъ иконы, писалъ патріархъ Та-

---

[1]) Преподобный Ѳеодоръ Студитъ развиваетъ философскія основанія иконопочитанія и въ письмахъ, и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательны: Ἀντιῤῥητικος три небольшихъ трактата противъ иконоборцевъ; Quaestiones aliquae иконоборцевъ относительно описуемости Господа Іисуса Христа; Adversus iconomachos capita septem и Epistola ad Platonem de cultu sacrarum imaginum (Напеч. у Migne. Patrolog. curs. complet. gr. ser. t. 99). [2]) Ibid. 473 стр.

расій игумену Іоанну, такъ какъ они суть отображеніе первообразовъ, а не что нибудь другое“ [1]). „Икона подобна первообразу не по существу, а только по напоминанію“ [2]), разсуждаетъ діаконъ Епифаній. „Видимая икона только по имени имѣетъ общеніе съ первообразомъ, а не по сущности“ [3]). Названный апологетъ иконъ ставитъ въ упрекъ иконоборцамъ то, что они говорятъ „относительно иконы Христовой и самого Христа, будто въ сущности то и другое ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Если бы они признали различіе между ними, то не говорили бы такихъ пустыхъ и странныхъ вещей, потому что всякому очевидно, что иное дѣло икона и иное первообразъ; послѣдній одушевленъ, а та неодушевлена... Положимъ предъ взорами находятся живописныя изображенія Петра и Павла, но души ихъ, конечно, не находятся на иконахъ. И какимъ образомъ кто нибудь будетъ видѣть тутъ душу, когда тутъ нѣтъ даже и тѣла Петрова?.. Посему мы принимаемъ честныя иконы, но считаемъ ихъ только иконами и ничѣмъ инымъ, такъ какъ они имѣютъ только имя первообраза, но не имѣютъ его сущности“ [4]). Итакъ, иконы носятъ только имя своихъ первообразовъ, не имѣя ничего общаго съ ними по сущности. Вотъ предъ нами, напримѣръ, икона Господа Іисуса Христа, или икона святителя Николая. По воззрѣнію отцевъ собора мы можемъ первую именовать „Іисусъ Христосъ“, а вторую—„Святитель Николай“. Имя первообраза и образа одно. Но всякому понятно, что существо первообраза отлично отъ сущности образа. Первообразъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть единородный и единосущный Отцу Сынъ, воспринявшій въ единство ѵпостаси человѣческое естество. Образъ представляетъ соединеніе красокъ на деревѣ. Къ сущности его относятся вещества и болѣе ничего. Первообразъ иконы Святителя Николая есть святый епископъ Мирликійской церкви (читай житіе его подъ 6 Декабря), а образъ по своей сущности ни чѣмъ не отличается отъ образа Господа Іисуса Христа.

---

[1]) Дѣян. 681 стр. [2])Ibid. 462 стр. [3]) Ibid. 470 стр. [4]) Ibid. 479—480 Стр. ср. 557 стр.

Къ великому утѣшенію истинныхъ чадъ Церкви православной отцы собора отстояли великое сокровище для нея— честныя иконы. По основаніямъ изъ Свящ. Писанія и Свящ. Преданія и соображеній разумныхъ необходимость изображеній Спасителя и всѣхъ святыхъ стала очевидною. Но, конечно, труды отцовъ по этому вопросу далеко еще были не окончены. И въ то время были лица съ убѣжденіями, что иконы полезны и имѣть ихъ должно, но въ то же время оказывать имъ почтеніе рѣшительно отказывались. Это были полуиконоборцы [1]). Возможна была и другая крайность— суевѣрное обоготвореніе иконъ. Чтобы предостеречь православныхъ отъ той и другой крайностей, нужно было авторитетнымъ голосомъ вселенскаго собора опредѣлить, что нетолько должно имѣть иконныя изображенія, но нужно и почитать ихъ. Далѣе требовалось уяснить, въ какихъ формахъ должно выражать почтеніе иконамъ.

Изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ Священнаго Писанія отцы собора усмотрѣли, что почитаніе иконъ не противорѣчитъ ему. Святые отцы въ своихъ произведеніяхъ уже занимаются разъясненіемъ вопроса объ иконопочитаніи. Они сами оказывали почтеніе и любовь къ живописнымъ изображеніямъ и другимъ внушали эти чувства и словомъ и примѣромъ. Но этого мало. Имъ желалось выяснить трудный вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находятся почитаніе первообразовъ и ихъ образовъ. Для выясненія этого, отцы пользовались аналогіями и подобіями. Излюбленный ими примѣръ, повторяемый у многихъ отцевъ, почтеніе, оказываемое портретамъ императоровъ. Св. Анастасій, епископъ Бострійскій такъ это представляетъ: „Въ отсутствіе императора портрету его воздается поклоненіе вмѣсто его самого; а когда онъ находится на лицо, то было бы излишне, оставивъ первообразъ, поклоняться портрету. Но изъ того, что портрету не поклоняются въ то время, когда на-

[1]) Ibid. 579 стр. «Нѣкоторые говорятъ, сообщилъ діаконъ Епифаній, что достаточно имѣть иконныя изображенія для одного только напоминанія, но не лобызать ихъ; одно принимаютъ, а другое отвергаютъ, и такимъ образомъ оказываются какими то полулжецами, или отчасти лжецами, а отчасти говорящими истину, потому что съ одной стороны исповѣдуютъ истину, а съ другой говорятъ ложь».

ходится на лицо тотъ, ради кого воздается ему поклоненіе, еще не выходитъ, что не слѣдовало оказывать ему почтенія... Какъ наносящій безчестіе портрету императора подвергается праведному наказанію, какъ будто-бы нанесъ безчестіе самому императору, хотя портретъ есть ни что иное, какъ дерево и краски, смѣшанныя съ воскомъ; такъ же точно и оказывающій безчестіе чьему бы то ни было образу наноситъ оскорбленіе тому самому, чей это образъ“ [1]) Святитель Аѳанасій въ словѣ противъ аріанъ (3) пишетъ: „въ изображеніи (царя) есть видъ и образъ царя, а въ царѣ есть видъ представленнаго въ изображеніи; представленное въ изображеніи подобіе царя не отлично отъ него; такъ что, кто смотритъ на изображеніе, тотъ видитъ въ немъ царя и, наоборотъ, кто смотритъ на царя, тотъ узнаетъ, что онъ представленъ въ изображеніи. А по сему безразличію подобія, желающему послѣ изображенія видѣть царя, изображеніе можетъ сказать: я и царь—одно и тоже; я въ немъ, и онъ во мнѣ. Что видишь во мнѣ, то усмотришь и въ немъ; и что видѣлъ ты въ немъ, то усмотришь во мнѣ“. Посему, „кто поклоняется изображенію, тотъ поклоняется въ немъ царю, потому что изображеніе есть его образъ и видъ“ [2]). Святитель Василій Великій объ отношеніи образа къ первообразу разсуждаетъ такъ: „Хотя изображеніе императора и называется императоромъ, однакоже не два императора, потому что ни власть не разсѣкается, ни сила не дѣлится; ибо какъ управляющее нами начальство и владычество одно, такъ и наше славословіе одно, а не много ихъ. Потому и честь изображенія переходитъ къ первообразу“ [3]). И въ другомъ мѣстѣ: „Кто на торжищѣ смотритъ на царскій образъ и говоритъ, что изображаемое на картинѣ есть царь, тотъ не двухъ царей признаетъ т. е. образъ и того чей образъ; и если указавъ на написанное на картинѣ скажетъ: „это царь“ не лишитъ первообразъ царскаго именованія, вѣрнѣе же сказать признаніемъ образа подтверждаетъ честь, воздаваемую царю“ [4]).

Такъ разсуждали великіе отцы и учители церкви объ образѣ въ его отношеніи къ первообразу. Отцы седьмаго все-

---

[1]) Ibid. 283 стр. [2]) Ibid. 295—296 стр. [3]) Ibid. [4]) Ibid. 297 стр.

ленскаго Собора, на основаніи этихъ разсужденій, сдѣлали свои заключенія. Свидѣтельство св. Анастасія дало отцамъ поводъ заключить: „Отецъ показалъ, что въ отсутствіи императора оказывается почтеніе портрету его, но и въ присутствіи его ему не наносится безчестія. Тоже надобно сказать теперь и относительно Господа всѣхъ Іисуса Христа, Который не находится между нами въ чувственномъ видѣ, потому что Онъ невидимъ нашими чувственными глазами, но, какъ Богъ, Онъ находится повсюду. Надобно почитать образъ Его, какъ это отецъ показалъ относительно портрета императора [1]). Итакъ, *надобно почитать образъ* Господа Іисуса Христа. Слова святителя Аѳанасія дали поводъ отцамъ высказаться такъ: „Сама сущность вещей научаетъ, что честь изображенія относится къ первообразу, равнымъ образомъ и безчестіе“ [2]). Слова святителя Василія, что „честь изображенія переходитъ къ первообразу“, приняты были отцами собора за непререкаемую истину. Это, конечно, относится какъ къ иконамъ Господа Іисуса Христа, такъ и всѣхъ святыхъ. Почитающій икону какого либо святаго оказываетъ честь самому святому.

Но въ какихъ формахъ должно воздавать честь иконамъ? Отцы собора занимались разсмотрѣніемъ и этого вопроса. Ими выслушаны были слова св. Анастасія, еп. Ѳеопольскаго: „Никто пусть не ошибается относительно значенія поклоненія. Мы кланяемся и людямъ и святымъ ангеламъ; но не служимъ имъ, какъ богамъ; ибо Моисей говоритъ: *Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши* (Втор. 6, 5; Мѳ. 4, 10). Смотри: при словѣ „послужиши“ прибавлено „единому“, а къ слову „поклонишися“ не прибавлено. Значитъ, покланяться можно и не Богу, потому что поклоненіе есть обнаруженіе почтенія, а служить нельзя никому, кромѣ Бога“ [3]). Предсѣдатель собора, патр. Тарасій, обративъ вниманіе отцовъ на толкованіе выше приведенныхъ словъ св. Анастасія. „Слова, составляющія средину рѣчи, сильно приводятъ всѣхъ насъ, даже горячо противящихся, къ принятію святыхъ иконъ

[1]) Ibid. 283 стр. [2]) Ibid. 296 стр.
[3]) Дѣян. 281 стр.

и къ поклоненію имъ. „Поклоненіе, говоритъ онъ, есть обнаруженіе почтенія“. Итакъ, всѣ исповѣдующіе, что слѣдуетъ почитать священныя иконы, но отказывающіеся поклониться имъ, обличаются этимъ святымъ отцемъ въ томъ, что они говорятъ лицемѣрно. И въ самомъ дѣлѣ, не воздавая поклоненія, которое есть символъ почтенія, они являются поступающими наоборотъ, т. е. оказывающими непочтеніе“ [1]). По отношенію образа и первообраза поклоненіе, какъ выраженіе почтенія, одно. Единство поклоненія очевидно выводится изъ отношенія образа къ своему первообразу. Первый съ послѣднимъ представляютъ полное подобіе по имени. Если почитаніе образа относится къ первообразу, то и поклоненіе какъ форма и обнаруженіе почитанія, оказываемаго образу, переходитъ на первообразъ. „Богоносный Василій, свѣтильникъ и учитель церкви Божіей, посвященный Святымъ Духомъ въ божественныя тайны, сказалъ, что честь изображенія относится къ первообразу и устремляющій взоръ свой на изображеніе императора и покланяющійся ему (изображенію) поклапяется не двумъ императорамъ, но одному. Отецъ ясно сказалъ, что императоромъ называется и изображеніе императора и однако не два отъ этого императора. Поэтому покланяющійся изображенію Христову и говорящій, что это есть Христосъ Сынъ Божій, не грѣшитъ. Очевидно, что Христосъ есть Сынъ Божій, и сопрестоленъ Отцу на небесахъ и находится тамъ вмѣстѣ съ своею плотію. Но могуществу Его воздается поклоненіе и прославленіе посредствомъ видимаго изображенія, сдѣланнаго красками; при помощи его (изображенія) мы воспоминаемъ также о земной жизни Христа. Поэтому отецъ и показалъ, что не два поклоненія, но одно, относящееся вмѣстѣ и къ изображенію и къ первообразу, который изображенъ на немъ“ [2]).

Съ поклоненіемъ тѣсно связанъ и другой видъ обнаруженія почитанія иконъ,—*цѣлованіе* ихъ. Патріархъ Тарасій не хочетъ даже допустить различія между этими двумя формами. Для него покланяться и лобызать (προσκυνεῖν и ἀσπάζεσθαι) „имѣютъ одно и то же значеніе, потому что κυνεῖν въ древнемъ греческомъ языкѣ значитъ и цѣловать и любить

[1]) Ibid стр. 282. [2]) Ibid. 298 стр.

(ἀσπάζεσθαι и φιλεῖν), а предлогъ πρὸς (къ) указываетъ на нѣкоторое увеличеніе любви. Κυνέω и προσκυνῶ значатъ лобызаю и воздаю поклоненіе. Послѣднее (προσκυνῶ) указываетъ собою на лобызаніе и на любовь непрестанную, ибо что мы цѣлуемъ, то и любимъ, тому кланяемся, а что любимъ и чему кланяемся, то конечно и цѣлуемъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ и человѣческій обычай, соблюдаемый нами по отношенію къ друзьямъ, особенно при встрѣчахъ, когда то и другое выполняется. И не только теперь мы такъ дѣлаемъ, но тоже дѣлали и въ древности, такъ какъ мы находимъ свидѣтельства тому въ Божественномъ Писаніи. Такъ въ исторіяхъ царей написано: *и Давидъ воста и паде на лице свое, и поклонися* Іонаѳану *трижды и облобыза кійждо другъ друга* (1 Цар. 20, 41). Что такое говоритъ Господь въ Евангеліи о фарисеяхъ? *Любятъ прежде возлеганія на вечеряхъ... и цѣлованія на торжищахъ* (Мѳ. 23, 6—7). Очевидно, что здѣсь словомъ цѣлованіе (ἀσπασμός) Онъ называетъ поклоненіе (προσκύνησις). Имѣя о себѣ высокое понятіе и считая себя праведными, фарисеи страстно желали, чтобы всѣ имъ кланялись, а не того, чтобы цѣловались съ ними въ уста. Цѣлованіе есть символъ скорѣе смиренія, а не фарисейскихъ помысловъ. Затѣмъ цѣловалъ и Божественный апостолъ Павелъ, какъ пишетъ объ немъ въ Дѣяніяхъ Лука: *бывшимъ же намъ въ Іерусалимѣ, любезно пріяша насъ братія. На утріе же вниде Павелъ съ нами ко Іакову, вси же пріидоша старцы. И цѣловавъ ихъ сказаше по единому коеждо, еже сотвори Богъ во языцѣхъ служеніемъ его* (Дѣян. 21, 17—19). Значитъ, и здѣсь словомъ цѣлованіе по мысли апостола изображается почтительное поклоненіе, какое мы оказываемъ другъ другу, какъ и объ Іаковѣ сказано: *поклонися на верхъ жезла* (Евр. 11, 21). Согласно съ этимъ говоритъ и Григорій Богословъ: „воздай почтеніе Виѳлеему и поклонись яслямъ“. Итакъ, кто же изъ здраво и правильно мыслящихъ подумаетъ, что эти изреченія божественнаго Писанія говорятъ о служеніи духомъ?.. Правда и въ божественномъ Писаніи и у св. отцевъ нашихъ, выражавшихся весьма точно, слово „поклоненіе“ часто встрѣчается относительно служенія духомъ, но это значитъ только то, что это слово, имѣя много значеній между прочимъ озна-

чаетъ и поклоненіе, соединенное съ служеніемъ (Богу)“ [1]). Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ поклоненіе относится только къ одному Богу, [2]) и ничему изъ тварнаго оно принадлежать не можетъ. Точнѣе его должно назвать служеніемъ. Отцы седьмаго вселенскаго собора въ своемъ опредѣленіи прекрасно оттѣнили различіе поклоненія, когда сказали: „взирающіе на иконы возбуждаются къ воспоминанію о самыхъ первообразахъ, пріобрѣтаютъ болѣе любви къ нимъ и получаютъ болѣе побужденій воздавать имъ лобзаніе, почитаніе и поклоненіе, но никакъ не то истинное служеніе, которое, по вѣрѣ нашей, приличествуетъ одному только божественному естеству“ [3]). Поклоненіе иконамъ въ отличіе отъ служенія должно назвать относительнымъ, потому что „честь, воздаваемая иконѣ, относится къ ея первообразу и покланяющійся иконѣ покланяется vпостаси изображеннаго на ней“ [4]). Поклоненіе истинное, служебное принадлежитъ только единому Богу, а относительное воздается и тварнымъ существамъ. Иконамъ, хотя онѣ имѣютъ сущность тварную и саму по себѣ не достойную поклоненія, должно воздавать и почитаніе и поклоненіе ради первообразовъ, изображаемыхъ ими. Посему и поклоненіе, подобающее Богу, воздается Ему чрезъ поклоненіе иконамъ. По сей, конечно, причинѣ, оно и пріятно Богу и принимается Имъ.

Отцы собора въ своемъ вѣроопредѣленіи установили и освятили обычай „приносить иконамъ ѳиміамъ въ честь ихъ и освѣщать ихъ“ [5]). Основаніемъ для этого рѣшенія послужили разсужденія святителя Германа, авторитетъ котораго высоко почитался отцами собора [6]). Вотъ что писалъ Германъ Ѳомѣ, еп. клавдіопольскому: „Пусть не соблазняетъ кого либо и то, что предъ иконами святыхъ мы дѣлаемъ

---

[1]) Ibid. 617—618 стр. [2]) Ibid. 265 стр. [3]) Ibid. 593 стр. [4]) Ibid.

[5]) Ibid. 593 стр. [6]) О патріархѣ Германѣ діаконъ Епифаній на соборѣ докладывалъ: «Германъ былъ воспитанъ въ божественныхъ писаніяхъ, будучи съизмала посвященъ Богу и уподобился божественнымъ отцамъ; разсужденіямъ его необходимо слѣдовать; его сочиненія получили прочное положеніе во всей вселенной, потому что въ гортани его были величанія Бога, а въ рукахъ мечи обоюдоострые, которыми онъ поражалъ непокорныхъ церковному преданію». (Ibid. 572 стр.).

освѣщеніе и благовонное куреніе. Совершать это въ честь святыхъ придумано въ символическомъ смыслѣ, потому что они упокоеніе свое имѣютъ во Христѣ и честь, оказываемая имъ, относится къ Нему. Премудрый Василій говоритъ, что честь, оказываемая святымъ ихъ сорабами, служитъ доказательствомъ любви нашей къ общему Владыкѣ. Чувственные огни суть символъ невещественнаго и божественнаго свѣтодаянія, а ароматическое куреніе—символъ чистѣйшаго всецѣлаго вдохновленія и преисполненія Духа Святаго“ [1]).

Отрицая почитаніе иконъ, иконоборцы послѣдовательно должны были высказаться и противъ обычая чествовать иконы куреніемъ ѳиміама и освѣщеніемъ. Это, какъ и живописное искусство, они называли обычаями язычниковъ. „Недостойно христіанамъ, получившимъ надежду воскресенія, пользоваться обычаями народовъ, преданныхъ идолослуженію, и святыхъ, имѣющихъ возблистать такою славою, оскорблять безславнымъ и мертвымъ веществомъ“ [2]). Конечно, иконоборцы направляли это прещеніе непосредственно противъ иконъ. Но подъ понятіе „безславнаго и мертваго вещества“, которымъ чествуются святые, подходятъ и свѣчи и ладонъ. Вообще иконоборцы заразились какимъ то страннымъ духомъ пуризма. Для нихъ матеріальное считалось нечистымъ и недостойнымъ религіознаго назначенія. Апологетъ иконопочитанія, извѣстный намъ діаконъ Епифаній, замѣтилъ относительно матеріи для религіозныхъ цѣлей слѣдующее по адресу иконоборцевъ: „Что касается тѣхъ, которые считаютъ матерію гнусною, то они желаютъ опозорить истину; имъ бы слѣдовало избѣгать худшаго и принимать лучшее и припоминать то, какъ восхваляются въ Писаніи древнія святыя жертвы, когда онѣ приносились Богу. Когда же онѣ приносились демонамъ, то хотя вещество ихъ было тоже самое, онѣ были дѣломъ полнымъ гнусности. Они смотрятъ только на то, что предъ ихъ глазами и обвиняютъ церковь въ томъ, что она содержитъ символы, изобрѣтенные язычниками; между тѣмъ если вещество, будучи употребляемо на различныя противозаконныя потребности, оскверняется

[1]) Ibid. 349 стр. [2]) Ibid. 496 стр.

и дѣлается гнуснымъ, то изъ-за этого не слѣдуетъ еще препебрегать полезною стороною его. Если они будутъ такъ разсуждать и относиться къ различнымъ вещамъ, то они должны будутъ отвергнуть все, посвященное Богу, а именно: священныя одежды и священные сосуды, потому что и язычники также дѣлали идоловъ изъ золота и серебра и возліянія имъ совершали изъ вина, а хлѣбы воинству небесному евреи приносили изъ муки. Остается имъ обвинять каѳолическую церковь еще въ одномъ. Язычники въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ восхваляютъ своихъ боговъ и демоновъ. Не слѣдуетъ ли намъ въ своихъ историческихъ книгахъ не восхвалять ни Всевышняго Бога, ни святыхъ Его, чтобы не уподобиться язычникамъ! Вѣдь и эти примѣры мы заимствуемъ у язычниковъ! О, что за превратность и что за безсмысленность понятій! Такъ какъ мы безъ сомнѣнія люди чувственные, то для познанія всякаго божественнаго и благочестиваго преданія и для воспоминанія о немъ имѣемъ нужду въ вещахъ чувственныхъ“ [1]).

О почитаніи честнаго и животворящаго Креста на соборѣ не разсуждали. Къ этому и повода не было. Извѣстно, что иконоборцы почитали Крестъ. Почитатели честныхъ иконъ упрекали ихъ въ непослѣдовательности. Почитать Крестъ и отвергать почитаніе образа Распятаго есть противорѣчіе, думали отцы собора. Сила и значеніе Креста одинакова съ силою и значеніемъ иконы. Иконоборцы говорили, что иконы не священны и не святы и потому, что нѣтъ молитвы освящающей иконы [2]). Діаконъ Епифаній на это отвѣчаетъ: „Надъ многими изъ такихъ предметовъ, которые мы признаемъ святыми, не читается священной молитвы, потому что они по самому имени своему полны святости и благодати. Поэтому такіе предметы мы почитаемъ, какъ достойные почитанія и и лобызаемъ ихъ. Такимъ образомъ и самый образъ животворящаго Креста, хотя на освященіе его и не полагается особой молитвы, считается нами достойнымъ почитанія и служитъ достаточнымъ для насъ средствомъ къ полученію освященія. Что же касается воздаваемаго нами ему поклоненія,

---

[1]) Ibid. 497—198. [2]) Ibid, 488 стр.

изображенія его на чемъ либо и напечатлѣнія его въ воздухѣ, то мы уповаемъ, что чрезъ это прогоняются демоны. Тоже самое и относительно иконы; обозначая ее извѣстнымъ именемъ, мы относимъ честь ея къ первообразу; цѣлуя ее и съ почтеніемъ поклоняясь ей, мы получаемъ освященіе. Равнымъ образомъ когда мы цѣлуемъ и объемлемъ различные священные сосуды, то надѣемся, что получимъ чрезъ нихъ нѣкоторое освященіе. Или они (иконоборцы) должны признать также вещами обыденными и незаслуживающими чествованія Крестъ и священные сосуды, какъ приготовленіе плотника, или живописца, или ткача, такъ какъ и эти вещи не имѣютъ освящающей ихъ священной молитвы, или же и честныя иконы они должны считать священными и святыми и достойными почитанія“ [1]).

О почитаніи мощей святыхъ въ Дѣяніяхъ седьмаго вселенскаго собора находимъ отрывочныя сужденія. Вотъ покаявшійся Анкирскій епископъ Василій предъ соборомъ отцевъ заявляетъ наряду съ исповѣданіемъ догматовъ вѣры: „молю о заступничествѣ непорочную Владычицу нашу Пресвятую Богородицу, святыя и небесныя силы и всѣхъ святыхъ, и почитая святые и честные останки (мощи) ихъ, лобызаю ихъ и почтительно поклоняюсь имъ, будучи увѣренъ, что получаю отъ нихъ освященіе“ [2]). Другой покаявшійся епископъ, Ѳеодосій Амморійскій, исповѣдалъ: „Покланяюсь и останкамъ святыхъ; почитаю и лобызаю ихъ, какъ останки мужей, подвизавшихся за Христа и получившихъ отъ Него благодать совершать врачеванія, исцѣлять болѣзни и изгонять духовъ; такъ какъ церковь христіанская, начиная со святыхъ апостоловъ и отцовъ, владѣетъ этимъ даромъ и до нашего времени“ [3]). На соборѣ была читана копія съ посланія Ѳеодора, Іерусалимскаго патріарха. Въ немъ святитель разсуждаетъ о почитаніи святыхъ и о мощахъ пишетъ: „Какъ спасительные источники Господь Христосъ даровалъ намъ останки святыхъ, источающіе немощнымъ многообразныя благодѣянія, изливающіе благовонное муро и прогоняющія демоновъ. Вотъ что говоритъ великій учитель Аѳанасій:

---

[1]) Ibid. 488—489 стр. [2]) Ibid. 80 стр. [3]) Ibid. 84 стр.

„кости мучениковъ прогоняютъ болѣзни, исцѣляютъ немощныхъ, слѣпымъ даютъ зрѣніе, прокаженныхъ очищаютъ, искушенія и скорби разсѣеваютъ, и это дѣлаютъ они чрезъ поселившагося въ нихъ Христа". [1]) Само Писаніе удостовѣряетъ это. „Прекрасно воспѣлъ и псалмопѣвецъ: *дивенъ Богъ во святыхъ своихъ* (пс. 67, 36). И опять: *святымъ, иже суть на земли Его, удиви Господь вся хотѣнія своя въ нихъ* (пс. 15, 3)" [2]). Фактическое подтвержденіе мыслей святителя отцы нашли въ повѣствованіи о чудѣ отъ мощей св. мученика Анастасія Перса [3]). По силѣ благодатнаго дѣйствія мощи святыхъ имѣютъ одинаковую силу съ иконами ихъ. Тѣ и другія могутъ быть чудотворными. Но какъ не всякая икона имѣетъ благодатную мощь творить чудеса, такъ и отъ мощей святыхъ не всегда и не для всѣхъ бываютъ чудотворныя знаменія. „Останками мучениковъ, говоритъ епископъ Леонтій, и иконами часто прогоняются демоны... Скажи мнѣ, сколько происходило чудесныхъ осѣненій и источниковъ, часто даже истеченій крови отъ иконъ и мученическихъ мощей"? [4]) Все это совершалось по благодати Бога нашего. „Человѣколюбивый Богъ, писалъ патріархъ Германъ, посредствомъ такого снисхожденія, содѣлывалъ весьма слабыхъ крѣпчайшими въ вѣрѣ въ Него и проявлялъ чрезъ это Свою силу, какъ это было съ апостолами. Иногда тѣнь ихъ, а иногда полотенце, взятое изъ ихъ одѣянія, доставляли врачеваніе. И какъ у нихъ тѣнь не всякаго тѣла, но только одного Петра подавала исцѣленіе страждущимъ, а также полотенца не изъ всякой одежды, но только изъ однихъ одеждъ Павла исцѣляли немощныхъ въ возмездіе за вѣру ихъ въ проповѣдуемаго ими Бога, Который благодать свою проявляетъ также и чрезъ неодушевленные предметы". [5]) Такъ нужно мыслить объ иконахъ и мощахъ. Не всякія изъ нихъ бываютъ источниками благодѣяній для вѣрующихъ, а только тѣ, чрезъ которыя благоволитъ Богъ. Но по этой причинѣ нѣтъ основаній отказывать въ почитаніи мощамъ, какъ и иконамъ. И почитаніе ихъ должно выра-

---

[1]) Ibid 217 стр. [2]) Ibid. [3]) Ibid. 247—248 стр. [4]) Ibid. 273 стр. [5]) Ibid. 351 стр.

жаться въ тѣхъ же формахъ и видахъ, какъ и почитаніе иконъ. Это значитъ, что мощамъ святыхъ приличествуетъ поклоненіе, лобзаніе ихъ и вожженіе предъ ними свѣчей съ куреніемъ ѳиміама. По опредѣленію отцевъ собора отвергающіе „останки святыхъ мучениковъ“ подлежатъ совершенно одинаковому наказанію съ отвергающими „евангеліе, или изображеніе Креста, или иконную живопись“. [1]) Да и съ точки зрѣнія разумной почитать святаго и презирать его мощи суть дѣйствія противорѣчивыя. Святые суть „палатки и чистыя жилища Божіи и незапятнанныя зеркала Духа Святаго и *души* ихъ *въ рукѣ Божіей* (Прем. Соломона 3, 1), какъ написано“ [2]). Какъ же не почитать того храма, въ которомъ обитала душа святаго и который былъ полаткою Духа Святаго? Не только мощи святыхъ, но и предметы, освященные событіями изъ земной жизни Спасителя, Пречистой Богородицы и святыхъ, достойны почитанія и поклоненія. Потому-то и великій отецъ церкви Григорій Богословъ взываетъ: „воздай почтеніе Виѳлеему и поклонись яслямъ“ [3]). А епископъ Леонтій, развивая это положеніе, такъ разсуждаетъ: „Какъ родные дѣти какого либо отца, на время покинувшаго ихъ, по чувству сильнаго душевнаго влеченія къ нему, увидятъ ли жезлъ его въ домѣ, или сѣдалище, или одежду, со слезами обнимаютъ все это и цѣлуютъ не изъ почтенія ко всему этому, но изъ любви и почтенія къ отцу; такъ и мы, всѣ вѣрные, покланяемся Кресту, какъ жезлу Христову, а всесвятому гробу, какъ престолу и одру Его, яслямъ же и Виѳлеему, а также и прочимъ святымъ Его селеніямъ, какъ дому Его; апостоловъ же Его и святыхъ мучениковъ и прочихъ святыхъ почитаемъ, какъ друзей Его, и Сіонъ, какъ городъ Его, а Назаретъ съ любовію принимаемъ, какъ страну Его, и Іорданъ обнимаемъ, какъ божественную баню Его. Мы съ особенно великимъ восторгомъ почитаемъ тѣ мѣста, по которымъ Онъ ходилъ, на которыхъ садился или являлся, или къ которымъ прикоснулся, хотя бы даже тѣнію Своею, и благоговѣемъ предъ ними, какъ предъ мѣстами Божіими. При этомъ мы почитаемъ не самое мѣсто,

---

[1]) Ibid. 594 стр. [2]) Ibid. 216 стр. [3]) Ibid. 618 стр.

или домъ, или страну, или городъ, или камни, но обращавшагося въ этихъ мѣстахъ, явившаго намъ Себя на нихъ во плоти и избавившаго насъ отъ заблужденія, Христа Бога нашего“ [1]).

Такова догматическая дѣятельность отцевъ седьмаго вселенскаго собора. Они освятили и узаконили на всѣ времена существованія православной Церкви почитаніе честныхъ иконъ, мощей святыхъ, и мѣстъ священныхъ для христіанъ. Чада Церкви, послушные ей, какъ матери, возродившей ихъ и ведущей къ блаженству на небѣ, навсегда сохранятъ нерушимо завѣтъ отцовъ вселенскаго собора. Только своевольные, кичливые умомъ, часто слабымъ и непросвѣщеннымъ, съ какою то непонятною враждою возстаютъ противъ священныхъ завѣтовъ, освященныхъ голосомъ вселенской церкви. Исторія даетъ имъ урокъ. Пусть только не пренебрегаютъ ея наставленіями.

Отцы собора кромѣ утвержденія догмата иконопочитанія занимались еще разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ кононическихъ и дисциплинарныхъ вопросовъ изъ практики церковной. Результатомъ этихъ занятій было появленіе на свѣтъ двадцати двухъ каноническихъ правилъ. Эти послѣднія, какъ историческій матеріалъ, освѣщаютъ нѣсколько нестроенія въ церковной жизни, если не вызванныя, то усиленныя иконоборческими смутами. Духъ своеволія, забвенія правилъ и законовъ церковныхъ проявлялся во всѣхъ классахъ общества. Этихъ пороковъ не чужды были епископы, настоятели монастырей и приходскихъ храмовъ. Первымъ правиломъ своимъ отцы седьмаго собора выражаютъ готовность „во всемъ соблюдать церковныя правила“. „Мы съ радостію, свидѣтельствуютъ они, подобной той, какъ если бы кто обрѣлъ большую добычу, и съ любовію принимаемъ божественныя правила и содержимъ всецѣло и непоколебимо постановленіе этихъ правилъ, изложенныхъ трубами Духа Святаго, всеславными апостолами и шестью святыми и вселенскими соборами, а равно соборами, помѣстно собиравшимися для изданія такихъ заповѣдей и, наконецъ, святыми отцами нашими. Всѣ

[1]) Ibid. 270 стр.

они были просвѣщены однимъ и тѣмъ же духомъ и узаконили полезное".

Въ эпоху иконоборцевъ образованіе значительно пало. Иконоборческіе императоры первой серіи не любили наукъ и не жаловали ученыхъ людей, а притѣсненія и гоненія на иконопочитателей дали еще болѣе сильный толчекъ къ упадку и безъ того уже захирѣвшей науки. Къ великому счастію, предсѣдателемъ вселенскаго собора былъ просвѣщенный и ученый мужъ. Не могъ онъ равнодушно смотрѣть на то заурядное явленіе, что каѳедры епископовъ замѣщались людьми далеко не подготовленными въ научномъ отношеніи. Желательно было устранить это печальное явленіе. Видимо отцовъ собора воодушевляла еще мысль, что не въ конецъ перевелись образованные люди въ знаменитой нѣкогда по образованію греческой землѣ. Стоило только приложить болѣе старанія и предусмотрительности при избраніи кандидатовъ на епископство. И вотъ отцы опредѣляютъ, „чтобы всякій, имѣющій быть возведенъ въ санъ епископа, зналъ Псалтирь въ совершенствѣ, дабы могъ такимъ образомъ и всѣхъ своихъ клириковъ поучать изъ нея. Также опредѣляемъ, чтобы митрополиты до степени несомнѣннаго убѣжденія испытывали его, подготовленъ ли онъ къ тому, чтобы съ разсужденіемъ, а не бѣгло читать священныя правила и святое Евангеліе, книгу Божественнаго Апостола и все Божественное Писаніе, а также къ жизни согласной съ божественными заповѣдями и къ ученію ввѣреннаго ему народа" [1]).

При деспотизмѣ иконоборцевъ вторженіе гражданской власти въ дѣла церкви стало явленіемъ заурядным. Избраніе патріарховъ и епископовъ совершалось по указаніямъ и

---

[1]) Прав. 2. Зонара высоко ставитъ требованіе отцевъ собора. Знаніе псалтири является у него, согласно тексту правила, условіемъ, безъ котораго не могло быть избранія во епископа. Кромѣ того митрополитъ долженъ взять клятву съ поставляемаго, чтобы онъ зналъ все божественное Писаніе и умѣлъ бы объяснить всякое мѣсто его. Но Вальсамонъ склоненъ думать, что такое требованіе отъ кандидатовъ епископства по тому времени было слишкомъ высокимъ, потому что тогда «вслѣдствіе иконоборческой ереси многіе вѣрные ἐξηγροικίσθησαν. «Σύνταγμα τῶν θείων κ. ἱερ. καν. Ράλλη καὶ Πότλη 2-й т. 561—562 стр. ed. Αθην. 1852 г.).

волѣ императоровъ и мірскихъ властей. Свобода церкви была совершенно подавлена. Церковь мыслилась, какъ одно изъ государственныхъ учрежденій. Іерархи трактовались, какъ государственные чиновники, назначеніе и смѣна которыхъ всецѣло обусловливались желаніемъ мірскихъ властей. Отцы собора усматриваютъ въ этомъ нарушеніе важнѣйшаго правила церкви, которое гласитъ: „если какой либо епископъ, воспользовавшись мірскими начальниками, чрезъ нихъ получитъ (епископскую) власть въ церкви, то да будетъ онъ изверженъ и отлученъ и всѣ находящіеся въ общеніи съ нимъ“ (апост. прав. 30). По сему на слѣдующее время отцы и постановили считать недѣйствительнымъ „всякое избраніе епископа, или пресвитера, или діакона, совершаемое мірскими начальниками“ [1]) и возстановили во всей силѣ дѣйствіе четвертаго правила Перваго Никейскаго вселенскаго собора.

Для упорядоченія и возвышенія пастырской дѣятельности отцы собора повелѣваютъ „никакоже замышляти епископу просити злата и сребра или иного нѣкоего вида отъ сущихъ подъ нимъ епископъ, или причетникъ или черноризецъ“ [2]) и строго осуждаютъ симонію [3]). Для обсужденія епархіальныхъ нуждъ рекомендуется возстановить древнее правило о созваніи соборовъ мѣстныхъ по крайней мѣрѣ однажды въ годъ [4]), о положеніи мощей въ возобновляемые храмы [5]) и о тщательномъ испытаніи искренности желающихъ креститься евреевъ [6]). Въ эпоху господства иконоборцевъ въ народныя массы намѣренно пускались листки—„дѣтскія забавы“, какъ выражаются отцы собора, а иногда „неистовыя глумленія и лживыя писанія, направленныя противъ честныхъ иконъ“. Отцы собора опредѣляютъ всѣ таковыя писанія представлять въ константинопольскую епископію „для присоединенія ихъ къ прочимъ книгамъ еретиковъ“. Ослушникамъ угрожаютъ суровымъ церковнымъ наказаніемъ [7]). При разстройствѣ церковной жизни стало наблюдаться особенно въ столицѣ самоволіе среди духовенства. Клирики, безъ благословенія епархіальнаго епископа, оставляли свои приходы, поселялись въ домахъ богатыхъ людей

[1]) Прав. 3-е. [2]) Прав. 4-е. [3]) Прав. 5-е. [4]) Прав. 6-е. [5]) Прав. 7-е. [6]) Прав. 8-е. [7]) Прав. 9.

и совершали богослуженія „въ ихъ молитвенницахъ“. А епископы и игумены дозволяли себѣ, какъ бы свою собственность, продавать или дарить имущество, принадлежащее церкви или монастырю. Иногда въ епископіяхъ и обителяхъ совсѣмъ не назначались экономы для завѣдыванія имуществомъ. Отцы собора положили прекратить эти безпорядки [1]). Желая оградить церковное имущество отъ расхищенія, они угрожаютъ церковными наказаніями всякому, кто дерзнетъ расхитить монастырь или церковь и обратить ихъ въ обыкновенныя жилища [2]). Въ видахъ церковнаго благоустройства запрещается непосвященнымъ читать съ амвона [3]), опредѣлять одного и того-же клирика къ двумъ церквамъ [4]), женщинамъ жить при епископіяхъ и въ мужскихъ монастыряхъ [5]). По опредѣленію отцовъ собора „епископы или клирики, украшающіе себя блестящими и пышными одеждами, должны исправляться; если же пребудутъ упорными (т. е. не будутъ одѣваться въ скромныя одежды), то ихъ слѣдуетъ подвергать эпитиміи, равно какъ натирающихся благовонными мастями“ [6]). По свидѣтельству современниковъ собора [7]), въ то время многіе предпринимали на себя постройку монастырей и церквей. Между таковыми благотворителями часто бывали лица, не обладавшіе достаточными средствами. Понятно, что начатыя постройки иногда не доводились до конца [8]). Вотъ почему отцы собора положительно запрещаютъ начинать постройку молитвеннаго дома тому, кто не имѣетъ средствъ довести дѣло до конца. Во времена иконоборцевъ пустила широкіе корни въ духовенствѣ симонія. Патріарху Тарасію пришлось, какъ увидимъ ниже, вести по этому случаю переписку. На соборѣ не оставили безъ вниманія недуга. „Гнусность сребролюбія такую возымѣла силу надъ настоятелями церквей, свидѣтельствуютъ отцы, что нѣкоторые даже изъ такъ называемыхъ благоговѣйныхъ мужей и женъ, забывъ заповѣди

---

[1]) Прав. 10—12. [2]) Прав. 13. [3]) Прав. 14. [4]) Прав. 15. [5]) Прав. 18. [6]) Прав. 16. [7]) Напримѣръ, преп. Ѳеодора Студита.

[8]) Отцы собора говорятъ, что «нѣкоторые изъ монаховъ, желая начальствовать и уклоняясь отъ послушанія, оставляютъ свои монастыри и начинаютъ строить свои молитвенные дома, не имѣя средствъ къ выполненію своего предпріятія (Прав. 17).

Господни, впали въ заблужденіе и посвящающихъ себя священному званію и монашеской жизни принимаютъ за золото". Отцы угрожаютъ низложеніемъ неисправимымъ симонистамъ [1]). Послѣдніе три правила посвящены благоустроенію монашеской жизни. Эпоха иконоборцевъ и въ эту среду внесла разстройство. Гонимые и преслѣдуемые иноки искали убѣжища въ пустыняхъ, горахъ и мѣстахъ потаенныхъ. О соблюденіи монастырскихъ правилъ во всей строгости тогда нечего было и думать. Но таково уже свойство слабой человѣческой природы, — предоставлено послабленіе по нуждѣ, является желаннымъ продолженіе его и безъ нужды. Монаховъ гнали, и они волею и неволею перемѣняли мѣстожительство. Прекратилось гоненіе, а многіе изъ иноковъ продолжали ходить по монастырямъ, перемѣняя безъ всякой нужды мѣсто своего пребыванія. Иные даже совсѣмъ покидали монастыри и поселялись въ домахъ мірянъ. Отцы вселенскаго собора опредѣлили: „монахамъ не слѣдуетъ покидать своихъ монастырей и переходить въ другіе" [2]). Безусловно запрещается впредь существованіе двойныхъ монастырей, т. е. имѣющихъ мужское и женское отдѣленія [3]). Вообще отцы хотятъ поставить монаховъ подалѣе отъ сообщества женскаго пола. Только въ случаяхъ необходимости иноку дозволяется принимать пищу вмѣстѣ съ женщинами [4]). Этимъ и оканчиваются законоположенія отцевъ седьмаго вселенскаго собора. На всѣхъ правилахъ лежитъ отпечатокъ времени. Отцы озабочены сохраненіемъ наслѣдія. Мысль ихъ обращается ко временамъ прошедшимъ и въ нихъ ищетъ опоры для узаконеній. Какъ въ догматической дѣятельности соборъ отстоялъ завѣты христіанской старины, такъ онъ поступилъ и въ области канонической.

Дѣянія седьмаго вселенскаго собора имѣютъ значеніе и какъ историческій памятникъ для характеристики взаимныхъ отношеній между помѣстными церквами. Мы видѣли уже, какими мыслями одушевлялся папа Адріанъ I въ своихъ письмахъ къ императрицѣ Иринѣ и къ патріарху Тарасію. Для него римская церковь есть первая церковь, и первенство ея

[1]) Прав. 19. [2]) Прав. 21. [3]) Прав. 20. [4]) Прав. 22.

будто имѣетъ подъ собою основы догматическаго характера. Блаженный Петръ Апостолъ былъ княземъ всѣхъ Апостоловъ и первымъ епископомъ Рима. Онъ отъ Самого Господа будто-бы получилъ право властнаго княженія вмѣстѣ съ ключами царства небеснаго. Преемникамъ своимъ Петръ оставилъ тоже властное первенство. Римскіе епископы суть князи всѣхъ остальныхъ епископовъ вселенской Церкви. Римская Церковь одна непоколебимо содержитъ всегда истинную вѣру. Всѣ христіане должны сообразоваться съ ея исповѣданіемъ и порядками церковной жизни. Такъ будто было всегда въ церкви, такъ и быть должно. Папа безъ всякихъ оговорокъ утверждаетъ, что „каѳедра св. Петра на всемъ земномъ шарѣ пользуется первенствомъ и учреждена съ тѣмъ, что-бы быть главою всѣхъ Церквей Божіихъ. И какъ святый Апостолъ Петръ, по заповѣди Божіей, самъ управлялъ Церковію, такъ и впослѣдствіи (въ лицѣ своихъ преемниковъ) всегда сохранялъ и сохраняетъ первенство“. Только римскій епископъ имѣетъ право носить титулъ вселенскаго. Если Константинопольскій патріархъ присвоитъ себѣ это титло, „вопреки волѣ выше его стоящей святой римской Церкви, которая есть глава всѣхъ церквей Божіихъ, то, очевидно, онъ покажетъ себя отступникомъ отъ святыхъ соборовъ и ересникомъ, потому что, если онъ есть вселенскій, то значитъ онъ признаетъ за собою такое же церковное первенство, какъ и наша каѳедра, что покажется страннымъ всѣмъ вѣрнымъ христіанамъ, потому что самимъ Искупителемъ міра дано первенство и власть надъ всѣмъ міромъ блаженному апостолу Петру, и чрезъ этого апостола, которому преемниками стали мы неопытные, святая католическая и апостольская римская Церковь до сего времени удерживаетъ и всегда будетъ удерживать первенство и силу власти“ [1]). По мнѣнію папы не только догматическіе, но и каноническія и историческія основы имѣетъ подъ собою первенство римской каѳедры. Быть православнымъ христіаниномъ, это значитъ соблюдать вѣру и преданія римской Церкви. Только она одна сохраняетъ

[1]) Дѣян. 147—148 стр.

вселенскую истину и поучаетъ ей всѣ другія церкви [1]). Такъ думаетъ папа.

Но согласны ли съ нимъ представители всей вселенской Церкви? Вѣруютъ ли и исповѣдуютъ ли они тѣ убѣжденія, которыми одушевленъ римскій епископъ?

Не спорятъ отцы собора, что римской Церкви принадлежитъ первенство чести. Но это первенство не даетъ какихъ либо особливыхъ правъ римскому епископу. Какъ и всѣ другіе, онъ есть преемникъ апостольской власти учить, управлять и священнодѣйствовать. Въ этомъ отношеніи права его совершенно одинаковы съ правами всякаго епископа. Въ ученіи вѣры римскій епископъ не гарантированъ отъ заблужденій и погрѣшностей. Исторія указываетъ папъ еретиковъ. Церковь судила ихъ на вселенскихъ соборахъ. Ученіе папы Адріана также подлежитъ оцѣнкѣ отцовъ вселенскаго собора. Если послѣдніе найдутъ его православнымъ и одобрятъ, то оно можетъ стать руководственнымъ для православныхъ христіанъ. Но авторитетъ то его получается отъ имени собора, а не отъ римской каѳедры. Когда на седьмомъ вселенскомъ соборѣ прочитаны были посланія папы Адріана, патріархъ Тарасій сказалъ: „Озаренный свѣтомъ Христовымъ и родившій насъ благовѣствованіемъ, божественный Апостолъ Павелъ, въ посланіи къ Римлянамъ, имѣя въ виду ревностную и чистую вѣру ихъ во Христа, истиннаго Бога нашего, такъ сказалъ: *вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ* (Римл. 1, 8). Этому свидѣтельству надобно слѣдовать; противорѣчить же ему значитъ поступать неразумно. Поэтому Адріанъ, предстоятель древняго Рима, руководясь вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ, ясно написалъ благочестивѣйшимъ нашимъ императорамъ, а также и нашему смиренію и доказалъ, что *онъ вполнѣ содержитъ древнее преданіе каѳолической церкви*. И сами мы на основаніи писаній, умозаключеній и доказательствъ, изслѣдовавъ истину и познавъ ее, на основаніи ученія отцевъ, твердо, непреклонно и согласно прочитанному посланію, исповѣдали, исповѣдуемъ и будемъ исповѣдывать тоже самое, пріемля, согласно, древнему преданію святыхъ отцевъ, живопис-

[1]) Ibid. 158—159 стр.

ныя иконы и покланяясь имъ съ горячею любовію“ [1]). На слова Тарасія соборъ согласно заявилъ: „весь святой соборъ также учитъ“, т. е. учитъ почитать иконы согласно преданію вселенской Церкви. Критеріемъ истинности вѣры является преданіе этой послѣдней, а не римской одной. Исповѣданіе только потому признается истиннымъ, что оно не противорѣчитъ вѣрѣ каѳолической Церкви. Въ своихъ посланіяхъ, какъ оказалось, папа Адріанъ о почитаніи иконъ учитъ право, потому что его ученіе согласно съ преданіемъ всей Церкви. Тарасій искалъ истину не въ римской церкви, но въ Писаніи и у отцевъ. Онъ нашелъ ее и съ нею свѣрилъ ученіе частной, римской церкви. Оказалось ученіе послѣдней сходно съ ученіемъ вселенской церкви. Теперь уже безопасно можно принять посланія папы Адріана, какъ образцы вѣры. Но ясно, такое значеніе они пріобрѣли только послѣ оцѣнки ихъ съ точки зрѣнія вселенскаго преданія. Авторитетъ ихъ окрѣпъ съ того времени, когда одобрилъ ихъ вселенскій соборъ. Итакъ, истинную вѣру хранитъ церковь вселенская, а не одна римская. Предстоятель послѣдней не есть единственный учитель христіанъ. Онъ самъ ученикъ и членъ вселенской церкви и только тогда учитъ право и истинно, когда согласуется въ ученіи съ исповѣданіемъ каѳолической Церкви. Въ случаяхъ несогласія онъ также подлежитъ суду послѣдней, какъ то и сдѣлалъ шестой вселенскій соборъ относительно папы Гонорія. Самъ патріархъ Тарасій въ своихъ письмахъ къ папѣ и намека не даетъ на то, что онъ имѣетъ понятіе о римскомъ главенствѣ. Для него папа есть „всесвятѣйшій и блаженнѣйшій братъ и сослужитель“ константинопольскаго патріарха, а не глава и князь [2]).

[1]) Ibid. 160 стр.

[2]) Въ своемъ первомъ посланіи къ папѣ патріархъ Тарасій сообщаетъ о событіяхъ, предшествовавшихъ собору и далѣе пишетъ: «Боголюбезные епископы получили отъ благочестивыхъ императоровъ нашихъ повелѣніе собраться въ Никеи, славной митрополіи виоинской области. Тогда мы взяли съ собою находившихся при насъ боголюбезныхъ мужей и представителей вашихъ, а равно и пришедшихъ съ востока и вмѣстѣ съ ними отправились въ эту митрополію. Когда же мы заняли мѣста, то сдѣлали *главою* Христа, потому что на святомъ престолѣ лежало святое евангеліе, всѣмъ собрав-

Послѣднее засѣданіе отцевъ седьмаго вселенскаго собора было въ магнаврскомъ дворцѣ. На немъ присутствовала императрица Ирина съ сыномъ. Послѣ привѣтственной рѣчи предсѣдателя собора, патріарха Тарасія, говорила императрица и выразила желаніе, чтобы прочитано было вѣроопредѣленіе отцевъ собора. Выслушавъ послѣднее императрица заявила: „пусть скажетъ святый и вселенскій соборъ, по общему ли вашему согласію провозглашено читанное опредѣленіе“? Въ отвѣтъ на это епископы воскликнули: „мы такъ вѣруемъ, всѣ такъ думаемъ и всѣ подписали его по общему одобренію. Это вѣра апостольская, это — вѣра православная, эта вѣра утвердила вселенную. Вѣруя во единаго Бога, въ Троицѣ воспѣваемаго, мы съ любовію принимаемъ честныя иконы Его; думающіе иначе да будутъ анаѳема; мыслящіе иначе да будутъ изгнаны изъ церкви. Мы слѣдуемъ древнему законоположенію католической церкви“ [1]). Это вѣра православная, говорятъ отцы вселенскаго собора. Устами ихъ выражено вселенское самосознаніе церкви. Это разумъ не единаго лица, всегда не гарантированнаго отъ заблужденія; но разумъ всей церкви, непогрѣшимой, руководимой Духомъ Святымъ, съ Единымъ Господомъ Іисусомъ Христомъ во главѣ. Тутъ невозможно уклоненіе отъ истины. И кто любитъ истину, тотъ послушаетъ голоса вселенской Церкви и пребудетъ вѣрнымъ завѣтамъ ея.

шимся сюда священнымъ мужамъ возвѣщавшее: *праведный судъ судите* (Іоан. 7, 24)... Сообщивъ о порядкѣ чтенія посланій, о вѣроопредѣленіи и объ отлученіи еретиковъ, Тарасій продолжаетъ: Христосъ Богъ нашъ, этотъ *камень*, на которомъ мы утверждены, никакъ не допустилъ, чтобы съ верху до низу тканый хитонъ Его, т. е. *основанная Имъ и на Немъ* церковь Его была разсѣчена и разодрана, а члены ея расходились въ разныя стороны» (Дѣян. 667—668 стр.). И такъ, Церковь основа на камнѣ Христѣ. Ап. Петръ не есть камень краеугольный церкви. Онъ ничѣмъ особеннымъ не обладаетъ по сравненію съ другими апостолами. Посему, если римскій патріархъ и есть его преемникъ, то и въ этомъ случаѣ онъ ничѣмъ не отличенъ отъ другихъ архіереевъ по правамъ священства и есть только братъ и сослужитель» ихъ, а не глава и князь.

[1]) Дѣян. 627 стр.

V.

Пастырская дѣятельность святителя Тарасія; сотрудники его; столкновеніе съ иноками по вопросу о симонистахъ; отношенія патріарха Тарасія къ императору Константину VI по поводу развода его и новаго брака; размолвка иноковъ съ патріархомъ по этому поводу; исходъ столкновенія; благотворительность святителя; мирная кончина его; заключеніе.

БЛАГОПОЛУЧНО закончилъ свои дѣянія вселенскій Соборъ. Напутствуемые благожеланіями, отцы стали выбывать изъ столицы къ мѣстамъ своего служенія. Съ спокойною совѣстію, подъ авторитетомъ соборнаго рѣшенія вопроса, столь долго волновавшаго церковь, епископы займутся теперь порученнымъ имъ дѣломъ строенія таинъ Божіихъ. Нигдѣ такъ не волновалось общество христіанъ, какъ въ византійской имперіи. Константинопольскій патріархатъ былъ ареною борьбы запальчивой и продолжительной. Здѣсь то съ большею силою проявились и тѣ нестроенія въ церковной и общественной жизни, которыя несла за собою реформаторская затѣя иконоборцевъ. Буря затихла, но слѣдствія ея давали себя чувствовать. Настала тишина. Нужно было спѣшить исправленіемъ паносnаго, поломаннаго и обезображеннаго. Кто же возьмется за это? Тѣже дѣятели, которые подготовили торжество вселенской истины. Во главѣ дѣятелей, какъ яркая звѣзда на небѣ, стоитъ величавый первоіерархъ константинопольскаго пат-

ріархата, святитель Тарасій. Онъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ императорскою властію, которой отдаетъ должное, не унижаясь и не заискивая [1]). Власть эта, по свидѣтельству самаго Тарасія, находится съ нимъ въ полномъ согласіи и единомысліи. Слѣдовательно, въ нужныхъ случаяхъ она окажетъ содѣйствіе патріарху уже тѣмъ самымъ, что сочувственно отнесется къ его мѣропріятіямъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшіе годы послѣ собора. Митрополиты и епископы патріархата большею частію единомысленны съ первосвятителемъ. Нѣкоторое столкновеніе у патріарха вышло съ монахами, но и то не сряду послѣ собора, а спустя нѣкоторое время. Простой народъ рѣшительно благоговѣетъ предъ святителемъ. Патріархъ снискалъ себѣ общую любовь народа своими душевными качествами и широкою благотворительною дѣятельностію. Такимъ образомъ, время для дѣятельности было благопріятное. Да и надъ паствой Христовой наблюдалъ великій и дѣятельный пастырь, а не наемникъ.

До рѣшенія вопроса на вселенскомъ соборѣ не было возможности и времени провести въ жизнь почитанія иконъ въ смыслѣ соборнаго вѣроопредѣленія. Надъ константинопольскою церковію тяготѣло постановленіе лжесобора 754 года. Иконоборческая партія зорко слѣдила за дѣятельностію но-

---

[1]) Въ посланіи своемъ къ императрицѣ Иринѣ патріархъ Тарасій послѣ собора писалъ: «Вы, кротчайшіе и мужественнѣйшіе императоры, не допустили, чтобы въ ваши времена существовало такое заразительное и душевредное заблужденіе (иконоборство), но постарались уничтожить его благодатію живущаго въ насъ Духа, чтобы, какъ церковныя дѣла, такъ и всѣ подчиненные находились въ добромъ порядкѣ, и царство ваше управлялось мирно, согласно значенію вашего имени (Ирина—миръ). Вы сочли невозможнымъ допустить, чтобы о прочихъ вещахъ мы думали одинаково, а по отношенію къ самому существенному въ жизни нашей т. е. къ церковному миру, расходились и разъединялись, и это въ то время, когда Христосъ есть глава, а мы слѣдовательно члены и должны составлять едино тѣло въ силу нашего единомыслія и единовѣрія. Поэтому вы повелѣли собраться сему священному и многочисленному собору нашему въ этой митрополіи никейской, чтобы мы, уничтоживши раздѣленіе, разстоящееся привели къ единенію, а недавно сотканную изъ колючихъ нитей позорную одежду, т. е. лжеученіе, разодрали и уничтожили и вмѣсто нея развернули хитонъ православія (Дѣян. 615 стр.).

ваго патріарха. Но вотъ вселенская церковь открыто высказалась за почитаніе иконъ. Теперь патріархъ чувствуетъ подъ собою твердую почву. Онъ первый обязанъ исполнить то, что заповѣдалъ соборъ. Что же предпринимаетъ Тарасій? Самъ образованный и ученый, онъ понимаетъ, что наученіе лучшій путь къ убѣжденію. И патріархъ начинаетъ ученіе съ церковной каѳедры. Но этого еще мало. Святитель понимаетъ важность впечатлѣній, получаемыхъ отъ созерцанія иконъ наряду съ ученіемъ. Біографъ Тарасія сообщаетъ, что онъ изобразилъ подвиги и страданія святыхъ мучениковъ на внутреннихъ стѣнахъ храмовъ [1]). Понятна цѣль святителя. Вмѣсто сценъ и разныхъ видовъ, которыми любили украшать храмы иконоборцы, обращая ихъ, по выраженію одного современника иконоборцамъ, въ птичники и овощныя лавки Тарасій ввелъ священную живопись. Прежде въ храмахъ стѣнныя изображенія привлекали вниманіе богомольца. Созерцаніе сценъ изъ будничной жизни неминуемо развлекало его и по меньшей мѣрѣ понижало религіозное настроеніе. Теперь вошедшій въ храмъ видѣлъ изображенія святыхъ, ихъ жизнь въ картинахъ и невольно приводился къ воспоминанію того, что онъ зналъ о подвигахъ созерцаемыхъ на иконахъ подвижниковъ. Но если богомолецъ мало знакомъ былъ съ жизнію святыхъ мужей, такъ тутъ же ему съ каѳедры предлагалось и повѣствованіе о тѣхъ лицахъ и событіяхъ, которыя онъ видѣлъ изображенными на стѣнахъ храма. Понятно, что уносилъ изъ храма богомолецъ. Но если сомнѣніе въ истинѣ иконопочитанія не покидало еще его, то для полнаго убѣжденія можно было пособить чтеніемъ. Патріархъ чрезъ своихъ учениковъ распространялъ въ свѣтъ книжки, въ которыхъ на основаніяхъ Священнаго Писанія и святоотеческихъ твореній доказывалась истинность и законность почи-

---

[1]) Vita 215 a 10, по Heikel. 20 стр. Καὶ καλῶν εἰς βοήθειαν κατ' ὀφθαλμοῦς παντῶν ἑτοίμην γραφὴν καὶ βίβλιον αὐτόματον, ἐν τοῖς ἱεροῖς ναοῖς τοὺς ἀγῶνας τούτων ἐγγράψας σεπτῶς ἀνεστήλωσεν...

танія иконъ [1]). Въ качествѣ пособниковъ себѣ Тарасій пользовался своими учениками. Одинъ изъ нихъ самъ свидѣтельствуетъ, что, слушая ученіе Тарасія, записывалъ и съ помощію переписчиковъ заготовлялъ экземпляры для распространенія въ народѣ [2]).

Но, конечно, важнѣе была помощь отъ учениковъ Тарасія, служившихъ въ санѣ епископовъ на разныхъ каѳедрахъ. Было въ Византіи много монастырей. Среди нихъ выдавались и благоустроенные, и съ строгими монастырскими правилами жизни. Но Тарасій счелъ нужнымъ основать свой монастырь. Избрана была прекрасная мѣстность на берегу Босфора Фракійскаго. Здѣсь, вдали отъ шума и городской суеты, которая оказывала иногда вліяніе и за крѣпкими и высокими стѣнами столичныхъ обителей, собрался кружокъ ревнителей строгой жизни. Все это ученики Тарасія. Такъ недавно въ свѣтскомъ званіи еще онъ училъ ихъ наукамъ. Теперь ученики подъ руководствомъ святителя усовершенствуются въ добродѣтельной жизни. Успѣвающихъ Тарасій возводитъ въ епископскій санъ и посылаетъ въ разные города. Не порывая своихъ связей съ учителемъ, ученики всюду являются борцами за ту святую истину, для торжества которой такъ много сдѣлалъ первосвятитель [3]). Плодотворная дѣятельность патріарха съ учениками не замедлила принести плоды по роду своему. Ряды иконоборцевъ значительно поредѣли, хотя, къ сожалѣнію, не прекратили своего существованія.

Біографъ патріарха Тарасія поставляетъ ему въ заслугу то, что онъ „уничтожилъ узелъ симоніи и какъ бы взялъ въ добычу даръ Святаго Духа“ [4]). Что это значитъ? Тарасій „опредѣлилъ, чтобы избраніе и посвященіе іереевъ совершалось безъ мзды“ [5]). Неизвѣстно, въ какое время патріархъ опубликовалъ это опредѣленіе. Самъ Тарасій заявляетъ въ посланіи къ игумену Іоанну, что на вселенскомъ соборѣ „большая часть досточтимыхъ епископовъ принесли жалобу собору, — и мы предвидѣли эту жалобу—будто очень многіе

---

[1]) Ibid, 29 стр. [2]) Ibid. [3]) Ibid. 9 стр. [4]) Ibid. 12 стр. [5]) Ibid.

изъ епископовъ продавали священство за деньги“ [1]). Но на соборѣ не состоялось никакого рѣшенія по поводу этихъ жалобъ. Преподобный Ѳеодоръ Студитъ имѣлъ поводъ обсуждать вопросъ о симонистахъ времени святительства Тарасія. Вотъ что онъ сообщаетъ объ отношеніяхъ собора къ нимъ: „касательно симоніанъ тогда т. е. на соборѣ не было объявлено, такъ какъ дѣло объ нихъ имѣло разсматриваться послѣ собора“ [2]). А разсматривалось ли? Повидимому, разсматривалось. Преп. Ѳеодоръ заводитъ рѣчь объ этомъ. „А когда было разсмотрѣно, то“... досадный пропускъ въ греческомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ. Какое же состоялось рѣшеніе? Патріархъ Тарасій стоялъ за строгія мѣры по отношенію къ симонистамъ. Онъ заявляетъ, что не можетъ имѣть общенія „съ такими іереями, но чуждъ части ихъ, потому что они не суть іереи... Божественныя правила низлагаютъ и лишаютъ священническаго достоинства какъ дающаго, такъ и принимающаго при рукоположеніи во священство“ [3]). „Зная истинное ученіе и будучи посвященъ въ тайны божественными апостолами и ихъ послѣдователями, святыми отцами нашими, я смѣло и громко говорю, что епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, хиротонисованный за деньги, чуждъ священства, потому что благодать Духа Божественнаго не продается за деньги. Это дѣло каіафское, это изобрѣтеніе симоніанское; оно чуждо священнической чистоты“ [4]). Пятое правило седьмаго вселенскаго собора направлено противъ симоніанъ. Словомъ, патріархъ Тарасій былъ строгимъ блюстителемъ извѣстнаго апостольскаго правила, которое гласитъ: „если какой либо епископъ, или пресвитеръ или діаконъ получитъ это достоинство за деньги, то да будетъ низверженъ и онъ и поставившій его“... [5]).

Въ силу таковыхъ убѣжденій патріархъ Тарасій долженъ былъ примѣнить строгія мѣры къ симонистамъ, на которыхъ поступили жалобы. Однако таковой строгости въ дѣйствительности не наблюдается. Преподобный Ѳеодоръ Студитъ

---

[1]) Дѣян. VII соб. 681 стр. [2]) Творенія св. отца нашего преп. Ѳеодора Студита въ русск. перев. СПБ. 1867 г. ч. 1. 246 стр.
[3]) Дѣян. 681 стр. [4]) Ibid. 683 стр. [5]) 29-е прав.

сообщаетъ, что патріархъ подвергъ обличенныхъ и подозрѣваемыхъ въ симоніи временной эпитиміи „на одинъ годъ и болѣе". „При помощи нѣкоторыхъ монаховъ, которыхъ имена прохожу молчаніемъ, издано было имъ (патріархомъ) опредѣленіе не подвергать низложенію навсегда, такъ что тѣ, которые низложены Богомъ чрезъ верховнаго Апостола Петра, стали бы опять священнослужителями Христовыми" [1]). Уже въ послѣднихъ словахъ преп. автора письма очевидно неодобреніе рѣшенію патріарха относительно симонистовъ. И дѣйствительно нѣкоторые изъ монаховъ возстали противъ патріарха. Однако голосъ протестантовъ не былъ услышанъ. „Наступилъ день Богоявленія Христова; пришли въ этотъ день и подвергнутые эпитиміи и требовали разрѣшенія, какъ исполнившіе эту эпитимію; патріархъ отказалъ, но императрица настаивала на ихъ принятіи. Тогда патріархъ открыто служитъ вмѣстѣ съ ними въ тотъ самый праздникъ, конечно, не невольно, а добровольно, ибо онъ могъ не служить вмѣстѣ съ низложенными, однако служилъ, хотя иной и скажетъ, что онъ не могъ поступить иначе. Отъ этого съ нимъ произошло разногласіе единомысленныхъ съ Саввою... Римъ не одобрилъ этого, нѣтъ, но признавалъ и самый соборъ не вселенскимъ, а помѣстнымъ и исправлявшимъ собственныя погрѣшности здѣшнихъ, утверждая, впрочемъ ложно, будто засѣдавшіе не были представителями прочихъ патріарховъ, а римскіе присланы были сюда по другой причинѣ, не для собора; посему, какъ говорятъ, по возвращеніи своемъ и были низложены пославшимъ ихъ, хотя и оправдывались принужденіемъ" [2]). Итакъ во главѣ противниковъ распоряженія патріарха сталъ студійскій игуменъ Савва. Къ нему примкнули другіе иноки. Послѣдніе тогда сильно тяготѣли къ Риму. Причиною этого были вообще стѣсненія и гоненія на православныхъ отъ императоровъ иконоборцевъ. Истина попиралась, представители православія преслѣдовались, а патріархи были послушными исполнителями воли императоровъ. Гдѣ же было искать защиты и помощи? Развивается паломничество и высе-

---

[1]) Твореній ч. 1, письмо 38, стр. 247. [2]) Ibid. 247—248 стр.

леніе на западъ [1]). Римскій патріархъ, уже почти независимый отъ иконоборцевъ императоровъ, свободно и безнаказанно анаѳематствуетъ ихъ на соборахъ. Такое положеніе папы невольно обращаетъ на него вниманіе гонимыхъ восточныхъ православныхъ. Авторитетъ римскаго предстоятеля растетъ и здѣсь, въ предѣлахъ Византіи. Появляется партія западниковъ. Послѣдняя во многомъ раздѣляетъ римскія воззрѣнія [2]). Уже на соборѣ представители этой партіи заявляли о себѣ. Когда въ положительномъ смыслѣ рѣшенъ былъ вопросъ о принятіи въ общеніе обращающихся отъ иконоборческой ереси епископовъ, нѣкоторые иноки ушли изъ засѣданія [3]). Нужно думать, что они непремянули обвинить Тарасія въ слишкомъ большей снисходительности къ бывшимъ еретикамъ. А гуманныя мѣры къ подозрѣваемымъ въ симоніи еще болѣе уронили Тарасія въ глазахъ этихъ не въ мѣру строгихъ протестантовъ. Они поспѣшили сообщить о дѣяніяхъ патріарха въ Римъ. Папа видимо принимаетъ сторону ихъ. Собора Никейскаго вселенскимъ онъ не признаетъ, своихъ уполномоченныхъ подвергаетъ строгому взысканію. Вѣроятно и снисходительность патріарха къ симонистамъ была истолкована въ худую сторону. Быть можетъ передано было,

---

[1]) Преслѣдованіями «было вызвано и обусловлено, пишетъ историкъ Ленорманъ, настоящее, такъ сказать, выселеніе монаховъ по направленію къ Западу. Массы священно-служителей и монаховъ, избѣгшихъ рукъ палачей, искали убѣжища не только въ Римѣ, который оказывалъ имъ пріемъ, но еще большее число ихъ, покинувшее востокъ, водворилось въ южныхъ провинціяхъ Италіи, которыя оставались въ подчиненіи императору. Начиная съ 733 года въ одной области Бари насчитывали цѣлую тысячу греческихъ восточныхъ монаховъ, нашедшихъ себѣ въ ней убѣжище. Согласно даннымъ византійскихъ писателей и итальянскихъ хроникеровъ, общее число православныхъ священниковъ, монаховъ и мірянъ, переселившихся въ продолженіе двухъ царствованій, Льва Исаврянина и Константина Копронима, изъ Греціи въ Калабрію и область Отранто, для избѣжанія направленныхъ противъ нихъ преслѣдованій, можно опредѣлить въ 50.000 человѣкъ». (Изъ книги La Grandé Grèce въ русск. перев. Хр. Чтеніе 1887 г. Май и Іюнь 678 стр.).

[2]) Замѣчательно, даже такіе представители и борцы за православіе, какъ Ѳеодоръ Студитъ, примыкаетъ отчасти къ партіи западниковъ. Согласно съ Римомъ и онъ видитъ въ возведеніи Тарасія изъ мірскаго званія на патріаршество корень золъ для церкви, хотя и не усматриваетъ нарушенія каноновъ (Твор. ч. 1, п. 53, стр. 311). [3]) Дѣян. 112 стр.

что Тарасій и самъ, хотя косвенно, причастенъ грѣху симоніи. Папа готовъ былъ повѣрить этому тѣмъ болѣе, что избраніе Тарасія изъ мірянъ съ его точки зрѣнія было уже нарушеніемъ каноновъ. Изъ Рима наводятся справки негласно. Отъ Тарасія это не могло укрыться. „Нападенія на насъ возникаютъ и извнутри и извнѣ“, писалъ патріархъ игумену Іоанну [1]). Внутри нападали монахи, а извнѣ—Римъ.

Чтобы нѣсколько успокоить противниковъ, Тарасій счелъ нужнымъ написать и въ Римъ и къ внутреннимъ оппонентамъ посланія, въ которыхъ выяснилъ свою точку зрѣнія на грѣхъ симоніи и свои отношенія къ симонистамъ. Первое посланіе по этому вопросу адресовано было папѣ Адріану. „Многократно, писалъ Тарасій, и многообразно мы научаемся изъ евангелія, апостоловъ и отцевъ имѣть несребролюбивый нравъ при посвященіи во священство и не быть златолюбцами или сребролюбцами или любостяжательными при поставленіи всякаго священнаго мужа. Это мы покажемъ въ нижеприведенныхъ свидѣтельствахъ изъ писаній Божественныхъ и отеческихъ. Возлагающіе руку суть служители, а не продавцы Духа. Получившіе благодать Духа даромъ получили заповѣдь даромъ и раздавать ее, такъ какъ щедрое право на это они получили изъ слова Господня. Если же кто либо будетъ обличенъ, что пріобрѣлъ ее за деньги, то таковаго они объявляютъ низложеннымъ изъ священнаго чина... Опасаясь обвиненія за молчаніе, мы возвѣщаемъ объ этомъ всѣмъ предстоятелямъ подвѣдомственныхъ намъ церквей, чтобы имѣть дерзновеніе сказать словами божественнаго Апостола: *чисты есмы отъ крове* (Дѣян. 20, 26) преступающихъ каноническія постановленія, а тѣмъ болѣе рукополагающихъ или рукоположенныхъ за деньги... А потому мы не колеблясь возвѣщаемъ истину, сохраняя и содержа то, что преподано намъ въ правилахъ святыхъ и всеславныхъ апостоловъ и преславныхъ отцевъ нашихъ и если что либо изъ этого нарушено нѣкоторыми, то таковыхъ мы гнушаемся... Ниже приведенныя священныя избранныя свидѣтельства показываютъ, что вовсе чуждъ священства тотъ, кто или даетъ

[1]) Дѣян. VII соб. 685 стр.

или получаетъ мзду прежде ли хиротоніи, во время ли самой хиротоніи или даже послѣ хиротоніи, потому что когда ни взять, все значитъ взять". Далѣе слѣдуютъ указанія и выписки „избранныхъ свидѣтельствъ", а именно: 29-е правило св. апостоловъ, изъ книги Дѣяній святыхъ Апостоловъ 8, 18—23, изъ третьей книги Царствъ 13, 33—34, изъ четвертой книги Царствъ о проказѣ Гіезія, изъ толкованія святого Василія Великаго на 8 гл. 20 ст. пророка Исаіи, изъ посланія его же къ подчиненнымъ ему епископамъ о томъ, что не слѣдуетъ рукополагать за деньги, изъ жизни св. Іоанна Златоустаго о низложеніи посвященныхъ за деньги, изъ правила Халкидонскаго собора втораго, изъ окружнаго посланія Геннадія, Константинопольскаго патріарха и изъ правила шестаго вселенскаго собора 22-аго [1]). Конечно, такое торжественное заявленіе о своей непричастности къ симоніанамъ и объ обѣщаніи низлагать виновныхъ должно было парализовать клеветы на патріарха Тарасія въ Римѣ. Но нужно было еще объясниться и съ внутренними оппонентами. И вотъ Тарасій отправляетъ посланіе „боголюбивѣйшему и досточтимѣйшему сослужителю господину Іоанну, пресвитеру и игумену, отрекшемуся отъ мірскихъ заботъ". Сообщивъ ему о бывшемъ вселенскомъ соборѣ и его вѣроопредѣленіи относительно честныхъ иконъ, Тарасій упоминаетъ о жалобѣ на многихъ епископовъ, что будто они продавали священство за деньги. „Мы познали и евангельскія заповѣди и каноническія опредѣленія и отъ чистаго сердца, не руководясь сребролюбіемъ, и съ совѣстію, быстро стремящеюся къ Богу, стараемся во всемъ слѣдовать каноническимъ и евангельскимъ опредѣленіямъ... Божественныя правила низлагаютъ и лишаютъ священническаго достоинства какъ дающаго, такъ и принимающаго при рукоположеніи во священство... Итакъ всякій епископъ, или пресвитеръ или діаконъ, если будетъ обличенъ, что за деньги или преподалъ или получилъ хиротонію, то да отпадетъ отъ священства... Вотъ что мы проповѣдуемъ, священнѣйшій мужъ, хотя нѣкоторые и хотятъ издѣваться надъ нами. И такъ какъ

[1]) Дѣян. 670—679 стр.

мы знаемъ, что ты принимаешь и евангельскія и апостольскія и каноническія опредѣленія, то и пишемъ тебѣ. Просимъ предложить это и досточтимымъ мужамъ, инокамъ и аскетамъ, а если тебѣ будетъ угодно, то и показать самое посланіе“ [1]).

Изъ этихъ двухъ посланій всякому становилось яснымъ что патріархъ Тарасій, авторъ ихъ, былъ врагомъ симоніанъ. Но какъ же объяснить вышеуказанныя его снисходительныя отношенія къ тѣмъ епископамъ, на которыхъ заявлены были обвиненія въ симоніи еще на самомъ соборѣ? пр. Ѳеодоръ Студитъ, современникъ событій, говоритъ, что патріархъ ограничился эпитиміею и принялъ въ общеніе всѣхъ, заподозрѣнныхъ въ симоніи. Такъ какъ въ этомъ было усмотрѣно нарушеніе каноническихъ правилъ, то и послѣдовали выше указанныя непріязненныя отношенія къ патріарху со стороны монаховъ. Самъ преп. Ѳеодоръ держитъ сторону послѣднихъ и считаетъ протестъ ихъ правильнымъ. Но Ѳеодоръ посвященъ былъ въ іеромонаха патріархомъ Тарасіемъ. Поэтому ему ставили вопросъ, какимъ образомъ онъ согласился принять рукоположеніе отъ патріарха, имѣвшаго общеніе съ симоніанами, и законна ли его хиротонія? „Если ты скажешь, пишетъ преп. Ѳеодоръ монаху Арсенію по поводу своихъ отношеній къ патріарху Тарасію, почему мы тогда (когда патріархъ принялъ въ общеніе симоніанъ) не возражали и почему послѣ собора приняли рукоположеніе отъ господина Тарасія, то мы въ оправданіе свое и тебѣ и всѣмъ говоримъ, что съ одной стороны мы были подвластными и тогда не знали того, что намъ стало извѣстно послѣ, а съ другой стороны мы имѣли основательную причину въ словахъ Тарасія, что онъ не назначалъ эпитиміи и, если бы зналъ, ни съ кѣмъ изъ такихъ людей не только не сталъ бы служить вмѣстѣ, но и низложилъ бы ихъ. Хотя на самомъ дѣлѣ не то было, какъ открылось, но мы, желая согласія, удовольствовались сказаннымъ, разсудивъ, что въ сомнительномъ дѣлѣ надобно снисходительнѣе склоняться къ миру, какъ говоритъ Григорій

---

[1]) Ibid. 679—686 стр.

Богословъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потому, что онъ былъ одобряемъ за православіе и за мужественную ревность по немъ прочими церквами". Снисходительность преп. Ѳеодора была достаточнымъ мотивомъ къ тому, что онъ не порвалъ общенія съ патріархомъ. Но не это-ли и патріархомъ руководило въ его отношеніяхъ къ подозрѣваемымъ въ симоніи, хотя на нихъ и поступили жалобы? Патріархъ прерываетъ съ ними общеніе на нѣкоторое время. Вѣроятно собирались справки и доказательства по поводу обвиненій. Но если обвинялись, по словамъ Тарасія, очень многіе епископы, то разслѣдовать дѣло не было возможности. По правиламъ низложенію подлежали всѣ епископы симонисты и всѣ рукоположенные ими. Этого мало. Можно-ли было имѣть общеніе со всѣми тѣми, съ которыми имѣли общеніе симонисты, напримѣръ, сослужили? Вѣдь самому Тарасію ставили въ вину только то, что онъ служилъ литургію съ симонистами. Если же обстоятельное и полное разслѣдованіе виновности епископовъ было едвали возможно, то тѣмъ менѣе возможнымъ было примѣненіе законнаго наказанія во всей полнотѣ. Къ чему бы повело это? Преп. Ѳеодоръ Студитъ прекрасно это понималъ. „Вы знаете, писалъ онъ къ Стефану чтецу, какъ вамъ относиться къ нему (патріарху Тарасію). А мы, услышавъ въ частности о рукоположенныхъ за деньги, что они не принимаются имъ въ общеніе, хотя о немъ думали не такъ, почли полезнымъ для блага мира сохранять согласіе съ нимъ, ибо Григорій Богословъ говоритъ, что, пока возможно, надобно склоняться къ миру и, если неправда только подозрѣвается, то снисхожденіе лучше настойчивости... Со всякимъ священникомъ неосужденнымъ, согласно съ Богословомъ и Златоустомъ, надобно имѣть общеніе. Будемъ изслѣдовать и дознавать о томъ, съ кѣмъ мы должны вступить въ общеніе, исповѣдуетъ ли онъ правую вѣру, не рукоположенъ ли онъ за деньги, и что нибудь другое виновное, подозрѣваемое въ его жизни или передаваемое молвою, не справедливо ли. Если же онъ, хотя получилъ руко-

---

[1]) Твор. ч. 1, письмо 38, 248.

положеніе отъ такого-то еретика или рукоположеннаго за деньги, но самъ не еретикъ и безъ своего вѣдѣнія рукоположенъ рукоположеннымъ за деньги, т. е. симоніанином, исповѣдуетъ всю истину, соблюдаетъ вѣру и правила непремѣнными и уклонившихся отъ того и другаго отвергаетъ, то намъ нѣтъ никакаго основанія удаляться отъ него, ибо такой не подлежитъ осужденію, по мнѣнію вышеупомянутыхъ святыхъ, а чрезъ нихъ и по мнѣнію всѣхъ. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ общеніе, и вамъ совѣтуемъ дѣлать тоже, ибо, если изслѣдованіе простирается далѣе, то отвергаются увѣщанія святыхъ, какъ сказано, и становится тщетнымъ столь великій даръ священства, помощію котораго мы получаемъ имя христіанъ, такъ что мы можемъ впасть въ язычество, что было бы безразсудно. Притомъ дѣлающіе изслѣдованіе, путешествуя по западу и востоку, не нашли бы искомаго, такъ какъ всѣ одинъ отъ другаго сдѣлались бы подлежащими низложенію по причинѣ взаимнаго служенія вмѣстѣ; ибо извѣстно, что при Тарасіѣ посланные отсюда апокрисіаріи служили вмѣстѣ съ предстоятелемъ римскимъ, а отъ него посланные, можетъ быть служили вмѣстѣ съ восточными; и такимъ образомъ священство уничтожилось бы“ [1]). Къ такимъ слѣдствіямъ привело бы тщательное изслѣдованіе по поводу жалобы на нѣкоторыхъ епископовъ, что будто они посвящали за деньги. Не этого-ли могъ страшиться и патріархъ Тарасій? Къ тому же только что водворился миръ въ константинопольской церкви. Низложеніе „очень многихъ епископовъ“ за симонію со всѣми, посвященными ими, пресвитерами и діаконами снова нарушило бы его. Этого тѣмъ болѣе можно было ожидать, что многіе стали бы оспаривать возведенное на нихъ обвиненіе, а точное, обоснованное на фактахъ, доказательство виновности едвали возможно было относительно всѣхъ подозрѣваемыхъ въ симоніи. Не говоримъ уже о другихъ затрудненіяхъ, которыя также неизбѣжны были при огульномъ осужденіи всѣхъ обвиняемыхъ епископовъ. Какъ смотрѣть нужно было на тѣхъ, которые сослужили съ епископами симонистами?

---

[3]) Творен. преп. Ѳеодора ч. 1, письмо 53, стр. 311—314.

Тарасій былъ человѣкомъ испытаннаго разума, любителемъ мира. Лучшимъ для него казалось снисхожденіе, которое не противно и мнѣніямъ отцевъ церкви. Такъ прошелъ годъ. Тарасій не входилъ въ общеніе съ обвиняемыми въ симоніи. Это могло казаться условленною эпитиміей, наложенной патріархомъ на обвиняемыхъ епископовъ. Конечно, подобной эпитиміи Тарасій не налагалъ. Но не могли иначе объяснить себѣ годоваго выжиданія патріарха люди сторонніе, не близко входившіе въ его планы. Чрезъ годъ послѣдовала амнистія епископамъ. Грѣхъ былъ прощенъ. Почему? спрашивали люди заинтересованные въ этомъ дѣлѣ по разнымъ причинамъ. На патріарха посыпались обвиненія въ симоніи или по крайней мѣрѣ въ сознательномъ нарушеніи каноническихъ правилъ, относительно симонистовъ. Къ благополучію, патріарху удалось умирить оппонентовъ. Вопросъ о симоніанахъ затихъ. Этому помогло еще и новое обстоятельство, вызвавшее не только простые толки, но и волненія, стоившія многимъ узъ и разныхъ злоключеній, а патріарху Тарасію душевныхъ тревогъ и опасенія за миръ и благосостояніе церкви. Мы разумѣемъ разводъ и новый бракъ императора Константина VI.

Этотъ императоръ, сынъ Льва IV Хазара и Ирины съ десятилѣтняго возраста остался на попеченіи одной матери. Занятая дѣлами правленія, императрица Ирина мало времени посвящала заботамъ о воспитаніи сына. Коронованный отрокъ императоръ возросталъ среди придворныхъ партій, безъ хорошихъ воспитателей и пѣступовъ. Капризный и своенравный онъ ни въ комъ не находилъ лица, умѣвшаго во время сдержать и подавить дурныя его наклонности. Императоръ подросталъ, да мало ума разума пріобрѣталъ, за то много порочныхъ привычекъ. Это скоро оказалось въ отношеніяхъ его къ матери.

Въ 788 году Ирина женила сына. Хотя съ юныхъ лѣтъ послѣдній былъ помолвленъ съ дочерью Карла Великаго, однако императрица предпочла выбрать невѣсту сыну изъ своихъ подданныхъ. Выборъ палъ на внучку Филарета милостиваго, Марію. Скромная, тихая и кроткая Марія не могла снискать любви своего супруга. Но объ открытомъ разрывѣ нечего было ду-

мать Константину, пока онъ находился подъ опекою матери. Однако это положеніе подъ опекою уже тяготило императора. Самъ ли онъ дошелъ до мысли о своей возмужалости и способности управлять единолично, или придворные льстецы внушили ему эту мысль, только въ 790 году Константинъ удалилъ изъ дворца свою мать. Ничего добраго не принесло имперіи единоличное правленіе Константина. Начались соперничество и борьба придворныхъ партій, сопровождавшіяся казнями нѣкоторыхъ высокихъ особъ. Конечно, это уже вызвало ропотъ и недовольство. Къ довершенію золъ, императоръ Константинъ рѣшился развестись съ своей супругой. Законныхъ причинъ къ разводу никакихъ не было. Императоръ сблизился съ фрейлиною Ирины Ѳеодотіей и рѣшился жениться на ней. На несчастную Марію возведено было уже слишкомъ нелѣпое обвиненіе, что будто она замышляла отравить мужа. Такъ какъ въ Византіи государей обыкновенно вѣнчали патріархи [1]), то императоръ Константинъ сообщилъ о мнимомъ замыслѣ супруги патріарху Тарасію, присоединивъ къ жалобѣ просьбу развести его съ Маріей. Съ просьбою къ Тарасію отъ имени царя явился вельможа. Патріарху не трудно было обличить императора въ неправдѣ. При этомъ патріархъ просилъ вельможу передать императору о своемъ несогласіи исполнить желаніе его, хотя бы за отказъ пришлось испытать гоненіе до смерти. Константинъ рѣшился лично поговорить съ святителемъ. Бесѣда состоялась въ императорскомъ дворцѣ въ присутствіи пресвитера Іоанна, уполномоченнаго отъ восточныхъ архіереевъ на вселенскій соборъ. Императоръ приводилъ жалобу на свою супругу, будто она хотѣла отравить его и въ доказательство представилъ какія то стклянницы съ мутною жидкостію. И теперь святитель небоязненно обличилъ императора въ клеветѣ на невинную супругу и къ этому открыто сказалъ о тайномъ его желаніи. Обличенія въ грѣхѣ столь прямаго Константинъ повидимому не ожидалъ. Гнѣвный, онъ

---

[1]) Прен. Ѳеодора Студ. Твор. ч. 1, письмо 22, стр. 176. «Обыкновенно патріархи вѣнчаютъ императоровъ, а не какой нибудь священникъ, этого никогда не бывало», замѣчаетъ преподобный.

съ безчестіемъ выгналъ изъ своихъ палатъ патріарха съ старцемъ Іоанномъ. Къ сожалѣнію, обличенія святителя не произвели желаннаго дѣйствія на императора. Константинъ настоялъ на своемъ: супругу свою Марію помѣстилъ въ женскомъ монастырѣ съ постриженіемъ въ монахини, а самъ вступилъ въ бракъ съ Ѳеодотіей. Вѣнчалъ этотъ незаконный бракъ экономъ Софійской церкви, пресвитеръ Іосифъ, безъ благословенія патріарха Тарасія [1]). На что же понадѣялся пресвитеръ Іосифъ, рѣшившись повѣнчать беззаконный бракъ? Конечно, на силу и поддержку со стороны императора. Константинъ, конечно, зналъ, что пресвитеръ Іосифъ подлежитъ церковному суду, но обнадѣялъ его полною безнаказанностью. Патріарху Тарасію сообщили, что если онъ подвергнетъ наказанію Іосифа, то императоръ перейдетъ на сторону иконоборцевъ и снова воздвигнетъ гоненія на иконы. Возможно было ожидать и исполненія угрозы. Правда, ряды иконоборцевъ порѣдѣли. Но императоръ иконоборецъ могъ бы снова усилить ихъ. Опять надъ церковію готова была разразиться бѣда. Миръ, пріобрѣтенный столькими трудами, нарушился бы по капризу своевольнаго императора. Послѣдній произвелъ своимъ новымъ бракомъ великій соблазнъ. Пресвитеръ подлежалъ суду, и бракъ должно было расторгнуть. Но что же бы за этимъ послѣдовало? Сверженіе патріарха? Да если бы только это! Святитель уже заявилъ императору, что онъ готовъ и смерть принять. Не лишенія каѳедры опасался Тарасій, а большаго зла — возобновленія иконоборчества. Изъ двухъ золъ должно было избрать меньшее. Патріархъ рѣшился ожидать. Онъ хранитъ глубокое молчаніе по поводу брака императора. Пресвитеръ Іосифъ остается ненаказаннымъ судомъ церковнымъ. Миръ церкви со стороны императора поэтому не нарушается.

Но если молчалъ патріархъ, то не стали молчать нѣкоторые отважные борцы за церковные законы и за чистоту нравовъ. Не въ далекѣ отъ Константинополя, въ мѣстечкѣ Саккудіонъ, возникъ въ то время новый монастырь. Въ немъ

---

[1]) Vita по изд. Heikel 14—16 р. ср. Четьи-Минеи св. Димитрія Ростовскаго, мѣсяцъ Февраль подъ 25 числомъ.

подъ руководствомъ старца Платона подвизались иноки. Въ числѣ ихъ былъ племянникъ Платона Ѳеодоръ, впослѣдствіи студійскій игуменъ. Хотя новая супруга императора Константина приходилась родственницею Ѳеодору [1]), однако это не помѣшало послѣднему вмѣстѣ съ игуменомъ Платономъ обличить императора въ беззаконіи. „Узнавъ о такихъ беззакопіяхъ (императора), мужъ уподоблявшійся Іисусу Христу и, сколько возможно, всегда явно исполнявшій всякую правду и заботившійся объ единоплеменномъ народѣ съ отеческимъ сочувствіемъ, сѣтовалъ, скорбѣлъ въ самомъ себѣ и оплакивалъ всеобщую погибель настоящихъ и будущихъ людей; ибо онъ справедливо опасался, чтобы безуміе властителя, бывъ принято не разумными въ законъ, не сдѣлалось неисцѣльнымъ образомъ дѣйствій у послѣдующихъ поколѣній. Посему онъ не оставилъ этого зла безъ обличенія, но тотчасъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ (Платономъ) прервалъ общеніе съ ними“ [2]). Общеніе было прервано не только съ императоромъ, но и съ патріархомъ Тарасіемъ [3]). Хотя, по свидѣтельству преп. Ѳеодора Студита, патріархъ Тарасій „ни разу не служилъ вмѣстѣ съ Іосифомъ“, однако ему поставлено было въ вину то, что онъ не подвергъ законному взысканію своевольнаго пресвитера. Цѣлыхъ два года продолжалось тревожное положеніе Тарасія. Съ одной стороны императоръ домогался, чтобы патріархъ призналъ бракъ его съ Ѳеодотіей законнымъ, а съ другой стороны нападали не него за молчаніе. Не могъ же патріархъ не сознавать, что протестъ монаховъ имѣетъ подъ собою законную почву. Но исполнить въ точности церковныя правила значило бы въ то время поставить церковь въ опасное положеніе отъ императорской власти. Очевидно, патріархъ примѣняется къ обстоятельствамъ. Этою практикою „экономіи“ оправдывается и поведеніе его относительно императора и пресвитера Іосифа. И оппоненты Тарасія признаютъ иногда необходимость дѣйствія „по примѣненію къ обстоятельствамъ“, но не въ такихъ широкихъ

[1]) По свидѣтельству монаха Михаила, составившаго житіе преп. Ѳеодора, Ѳеодотія была двоюродною сестрою послѣдняго. Жизнь и подвиги преп. Ѳеодора въ русск. перев. 23 стр. [2]) Ibid. [3]) Твор. преп. Ѳеодора 1 ч 280 стр.

размѣрахъ. „Предѣлъ приспособленія, разсуждаетъ преп. Ѳеодоръ, состоитъ въ томъ, чтобы ни совершенно нарушать какое нибудь постановленіе, ни въ случаѣ, когда можно сдѣлать малое послабленіе по времени и обстоятельствамъ, дабы такимъ образомъ легче достигнуть желаемаго, не вдаваться въ крайность и не причинять вреда важнѣйшему“ [1]). По мнѣнію преп. Ѳеодора, патріархъ вдался въ крайность и тѣмъ совершенно нарушилъ церковныя правила. Въ этомъ вся его вина. Такъ какъ патріархъ Тарасій продолжалъ хранить молчаніе, не смотря на протестъ монаховъ, то гнѣвъ императора разразился только на этихъ послѣднихъ. Старецъ Платонъ и Ѳеодоръ были сосланы въ заточеніе.

Въ 797 году Ирина отняла престолъ у сына, ослѣпивъ его. Вопросъ о прелюбодѣйномъ бракѣ теперь былъ рѣшенъ окончательно. Заточенные иноки были возвращены изъ ссылки. Состоялось и примиреніе ихъ съ патріархомъ Тарасіемъ. Императрица отдала должное и мудрости Тарасія и твердости Ѳеодора. „Оба они, говорила Ирина, поступали хорошо и богоугодно: Ѳеодоръ, какъ явившійся защитникомъ евангельскихъ догматовъ до крови и мученій и чрезъ это имѣющій доставить потомкамъ чистое спасеніе душъ; а другой т. е. Тарасій, какъ дѣйствовавшій примѣнительно къ обстоятельствамъ съ пользою и отклонившій злобное намѣреніе неистоваго царя, угрожавшаго причинить Церкви Христовой зло хуже царствовавшихъ прежде него, если бы онъ встрѣтилъ препятствіе своимъ пожеланіямъ“ [2]). „Да не будетъ намъ части съ тобою, говорилъ преп. Ѳеодоръ патріарху Тарасію, ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ, потому что ты допускаешь прелюбодѣя безразлично имѣть общеніе съ твоею святостію“. Патріархъ на это отвѣтилъ: „Я дѣйствовалъ примѣнительно къ обстоятельствамъ, уступая ему до времени; да будутъ отсѣчены руки мои, еслибы онѣ совершили прелюбодѣйное вѣнчаніе; развѣ я вѣнчалъ“? [3]) „Тогда, заключаетъ преп. Ѳеодоръ свое воспоминаніе о примиреніи съ Тарасіемъ, мы стали имѣть общеніе съ нимъ до

---

[1]) Ibid. 182 стр. [2]) Житіе преп. Ѳеодора 27 стр. [3]) Твореп. ч. 1, 208 стр. 30 письмо.

кончины его". [1]) Бракъ императора Константина съ Ѳеодотіей объявленъ былъ расторгнутымъ, а пресвитеръ Іосифъ, повѣнчавшій бракъ, отлученъ отъ священнослуженія. Хотя преп. Ѳеодоръ писалъ о своей размолвкѣ съ Тарасіемъ и обезаконномъ бракѣ императора въ Римѣ [2]), но вмѣшательства папы по этому дѣлу, кажется, не послѣдовало.

Съ этого времени до самой кончины своей святитель Тарасій наслаждался миромъ и спокойствіемъ, посвятивъ себя всецѣло исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей и дѣлъ христіанскаго милосердія. По принятому имъ правилу онъ ежедневно совершалъ литургію. Частная жизнь его была подвигомъ во спасеніе души. Святитель былъ великимъ постникомъ и молитвенникомъ. Въ обстановкѣ и одеждѣ нетерпѣлъ онъ роскоши и излишества. Не смотря на то, что ко временамъ Тарасія дворъ патріарха уже имѣлъ штаты должностныхъ лицъ и служителей [3]), онъ не любилъ пользоваться услугами другихъ въ домашней жизни. Этого мало, Тарасій самъ желалъ быть слугою всѣмъ. Біографъ его сообщаетъ, что онъ во дворѣ своемъ ежедневно кормилъ бѣдныхъ и въ большіе праздники самъ прислуживалъ имъ, подавая кушанья. Босые и не имѣвшіе, чѣмъ прикрыть тѣло, получали отъ него одежду и обувь. Больныхъ лечили на средства патріарха въ особо устроенномъ имъ лазаретѣ [4]). Гонимыхъ несправедливо патріархъ защищалъ, пользуясь для сего своею церковною властію. Такъ, по свидѣтельству діакона Игнатія, одинъ высокій чиновникъ впалъ въ немилость императрицы. Ему угрожала опасность лишиться жизни. Уже убійцы преслѣдовали сановника. Послѣдній нашелъ себѣ убѣжище въ великой церкви. По дѣйствовавшимъ узаконеніямъ (эклогѣ) онъ былъ безопасенъ, пока находился въ церкви. Убійцы расположились вблизи, выжидая, что нужда заставитъ скрывшагося сановника выйти изъ храма. Патріархъ узналъ объ этомъ. Онъ посѣтилъ гонимаго и выяснилъ себѣ его невинность. Позволивъ ему пребываніе въ

[1]) Ibid. [2]) Житіе 26 стр. [3]) О должностяхъ и учрежденіяхъ по церковному управленію въ древней восточной церкви Іеромонаха Павла. СПБ. 1858 г. 104 стр. [4]) Vita 7—9 стр. по изд. Heikel.

храмѣ на нѣсколько дней, святитель самъ служилъ ему въ качествѣ слуги, доставляя все необходимое. Тѣмъ же, которые стерегли выходъ сановника, было сказано, что патріархъ отлучитъ ихъ отъ церковнаго общенія, если они осмѣлятся поднять руку на человѣка, въ которомъ святитель не нашелъ вины. Жизнь сановника была спасена [1]).

Святителю Тарасію пришлось пережить царствованіе Ирины. Извѣстно, что правленіе ея не было блестящимъ для государства. Дѣла государственныя шли плохо. Казна была пуста, а съ Калифомъ пришлось заключить позорный миръ. Это особенно раздражало византійцевъ. Даже люди преданные государынѣ не скрывали того, что дѣла государственныя находились въ разстроенномъ положеніи. Государственный казначей Никифоръ воспользовался недовольствомъ народа и безъ труда свергъ Ирину съ императорскаго трона, а себя объявилъ императоромъ. Переворотъ не произвелъ волненій. Никифоръ по убѣжденіямъ своимъ былъ православнымъ. Бережливый до скупости онъ скоро началъ пополнять государственную казну и увеличивать войско. Святитель Тарасій въ мирѣ былъ съ новымъ императоромъ. Хотя о послѣднемъ распускали дурные слухи, что будто онъ въ тайнѣ держится иконоборства, преобижаетъ монашескій чинъ и вообще, по выраженію одного современнаго Никифору инока, является „злымъ сосудомъ сатаны и исполненнымъ нечестія“, однако Тарасій ближе другихъ зналъ императора и искренне уважалъ его. Добрыя отношенія не нарушались до смерти патріарха, которая послѣдовала въ 806 году.

Только за нѣсколько дней до кончины святитель пересталъ священнодѣйствовать и слегъ въ постель. Въ полномъ сознаніи онъ непрестанно читалъ молитвы. Посѣтителямъ входъ къ больному не воспрещался. Со всѣми прощаясь, святитель провожалъ посѣтителей съ благословеніемъ и благожеланіями. Силы его постепенно угасали. Послѣдними словами святителя были: *приклони Господи ухо Твое и услыши мя*. Мирно почилъ патріархъ, по истинѣ славный и великій.

---

[1]) Vita, 13 стр.

Двадцать два года только Тарасій управлялъ Константинопольскимъ патріархатомъ; но дѣла его будутъ прославляться изъ рода въ родъ, пока будетъ существовать на землѣ Церковь святая. Онъ на своихъ плечахъ вынесъ борьбу за почитаніе святыхъ иконъ и истинѣ доставилъ торжество. Его прославляетъ Церковь и справедливо ублажаетъ, какъ учителя вселенной, ратоборца и побѣдителя. Современная святителю византійская паства имѣла въ лицѣ его пречуднаго пастыря. По жизни своей онъ и безъ слова училъ, какъ подобаетъ жить истиннымъ чадамъ Церкви святой. Но къ сему присоединилъ онъ и свое учительное слово. По обстоятельствамъ времени поученія его касались вопроса о почитаніи честныхъ иконъ. Живымъ словомъ проводилъ онъ въ сознаніе слушателей, какъ важны и нужны иконы для исповѣданія домостроительства нашего спасенія, для наученія истинамъ вѣры и для освященія немощной нашей природы. Не сохранилось до насъ учительныхъ словъ Тарасія. Да и писалъ ли ихъ онъ? Слово его было устное и кратко развѣ записывалось учениками и слушателями [1]). На ряду съ ученіемъ святитель украшался добродѣтелями благотворенія. Почитая себя странникомъ на землѣ, онъ не желалъ имѣть богатства. Все родовое имѣніе и благопріобрѣтенное употребилъ онъ на благоустройство своей обители, на помощь бѣднымъ и страждущимъ. Нищіе составляли его богатство. Ихъ во дворѣ патріаршемъ считали сотнями. На средства святителя Тарасія они кормились, одѣвались и получали врачебную помощь. Недаромъ, какъ замѣчаетъ біографъ Тарасія, нищіе подняли вопль, услышавъ о смерти своего благодѣтеля. Служа Церкви святой, Тарасій любилъ свое отечество и желалъ ему благихъ и долгихъ дней. Сердечно скорбѣлъ онъ, видя внутреннюю вражду партій. Примиреніе враждующихъ было задачею его дѣятельности. Умѣренный, непричастный партійной борьбѣ, Тарасій былъ и снисходительнымъ недругомъ иконо-

[1]) Помѣченныхъ у преосвящ. Филарета (Историческое ученіе объ отцахъ церкви т. 3-й, 275 стр.): а) бесѣды на Введеніе во храмъ Присподѣвы б) письма къ епископамъ Сицилійскимъ и в) письма къ епископамъ—о Святомъ Духѣ, у насъ подъ руками не было.

борцевъ. Не все безъ разбора осуждалъ онъ въ ихъ реформахъ. Многое, сдѣланное иконоборцами въ сферѣ судебной, гражданской и общественной, нашло себѣ въ лицѣ Тарасія даже защитника. Можно думать, что законодательные сборники византійскихъ иконоборческихъ императоровъ не потеряли при Иринѣ своего значенія только благодаря Тарасію. Но, какъ истый и умный византіецъ, онъ осуждалъ иконоборцевъ за ихъ восточные, азіатскіе идеалы. Тарасій понималъ, что идеалы эти на христіанской почвѣ не могутъ имѣть приложенія. Но съ другой стороны не по душѣ были Тарасію и идеалы народившейся въ оппозицію иконоборцамъ западнической партіи. Для этой послѣдней, казалось, все спасеніе съ запада, изъ Рима. Нѣтъ словъ, обстоятельства, поистинѣ тяжелыя, вызвали къ бытію эту партію на почвѣ гордой Византіи. Но въ томъ то и проявился великій умъ патріарха Тарасія, что онъ предвидѣлъ, къ чему поведутъ вожделѣнія византійскихъ западниковъ. Не высказывая открыто осужденія идеаловъ этой партіи, патріархъ своею дѣятельностію на соборѣ и послѣ выяснилъ свои взгляды на отношенія къ западу. Для него римскій патріархъ совсѣмъ не глава и вершитель церковныхъ дѣлъ, но братъ о Господѣ, равный по правамъ учительства, совершенія таинствъ и церковнаго управленія. Константинопольская церковь въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ вполнѣ самостоятельна. Всякое обращеніе въ Римѣ по поводу этихъ дѣлъ неумѣстно и незаконно. Но общія дѣла вселенской церкви должны рѣшатся въ высшей инстанціи—на вселенскомъ соборѣ. Этими идеями и руководился святитель Тарасій въ своей церковной дѣятельности. И только благодаря своему такту, мудрой предусмотрительности, онъ не разошелся съ видными представителями образовавшей западнической партіи. Вообще въ лицѣ святителя Тарасія мы встрѣчаемъ дѣятельнаго пастыря церкви Христовой, святаго человѣка и мудраго, дальновиднаго общественнаго дѣятеля, дорожившаго и охранявшаго интересы самостоятельной христіанской Византіи. Ничто не прельщало его въ восточной азіатской культурѣ, не любъ былъ ему и западъ съ зарождавшимся, совсѣмъ не христіанскимъ, принципомъ абсо-

лютизма. Свободная церковь въ независимомъ государствѣ— вотъ девизъ дѣятельности Тарасія. Что касается взаимныхъ отношеній церкви къ государству, то святитель былъ поборникомъ православной практики. Церковь живетъ въ государствѣ и должна оказывать ему помощь въ его дѣятельности, ни на часъ не теряя своей независимости во внутреннихъ дѣлахъ. Но и христіанское государство оказываетъ помощь и покровительство церкви, не утрачивая ничего изъ своихъ прерогативъ. Взаимное доброжелательство и готовность въ помощи должны характеризовать отношенія церкви къ государству. Таковыя воззрѣнія патріархъ Тарасій проводилъ и въ жизнь. Сердечно благодарилъ онъ императрицу Ирину за помощь, которую оказала она для созыва вселенскаго собора, но твердо выступилъ противъ императора Константина VI, когда онъ затѣялъ беззаконный бракъ. Слава со святыми честь и вѣчная память мудрому, учительному и любвеобильному пастырю Константинопольской церкви, патріарху Тарасію.

Священникъ **Василій Преображенскій.**

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. Горького

[3 р.]

Того-же автора (Священника Перваго С.-Петербургскаго Кадетскаго Корпуса, Василія Преображенскаго, въ зданіи Корпуса, Вас. Островъ, и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга) имѣются въ продажѣ слѣдующія сочиненія:

Восточныя и Западныя школы во времена Карла Великаго, ихъ отношеніе между собою, къ классическимъ и древне-Христіанскимъ и постановка въ нихъ богословія. Спб. 1881 г. ц. 3 р. съ пересылкою.

Борьба за иконопочитаніе въ Византійской имперіи. М. 1890 ц. 30 к. съ перес. 40 к.

Св. Предтеча и Креститель Господень Іоаннъ (внѣбогослужебныя бесѣды). М. 1890 г. ц. 30 к., а съ пересылк. 40 к.

Раздѣленіе церкви на двѣ половины—восточную и западную (православную и латинскую). М. 1891 г. ц. 40 к., а съ пересылк. 50 к.

Фотій Патріархъ Константинопольскій Спб 1892 г. ц. 1 р.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется С.-Петербургъ, апрѣля 12 дня 1893 года

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

Калашниковская типографія А. Л. Трунова. Калашниковскій просп., 11—13.